

Лилия Константиновна Кузнецова
Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых
прекрасное начало

XIX
ВЕК

ЕТЕРБУРГСКИЕ ЮВЕЛИРЫ

ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ
ПРЕКРАСНОЕ
НАЧАЛО

Лилия
Кузнецова

**Лилия Константиновна Кузнецова
Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное
начало**

*Памяти моих родителей – Константина Андреевича и
Анастасии Фёдоровны Кузнецовых*

О ювелирных модах начала XIX века

Со смертью «Семирамиды Севера» закончилось в России «царство юбок», а с трагической гибелью императора Павла I окончательно ушел в прошлое и безвозвратно минул «галантный», столь пышный и величественный «осьмнадцатый» век, век «нравных»

временщиков и капризных фаворитов. Началось новое, «меркантильное» девятнадцатое столетие. Как ни старался августейший преемник Екатерины II поставить заслон «французской заразе», однако влияние идей и мод, привнесенных в обиход Европы событиями Великой Французской революции, стало всеобщим.

Хотя путы крепостничества удалось с большими препятствиями отменить в 1861 году лишь правнуку Екатерины II, неограниченное самодержавие сохранялось в России вплоть до 1905 года. И все-таки идеи вольности и свободы будоражили не только дворян, а постепенно овладевали умами крайне немногочисленного вначале, но неотвратимо растущего круга представителей «третьего сословия». По-прежнему всех поражали роскошью дворцовые приемы с их весьма обременительным этикетом, однако в своей частной жизни русские властители теперь предпочитали подражать господствовавшим в Европе «скромным» буржуазным нравам. Ушли в прошлое многие церемонии, а оставшиеся утратили свои былые масштабы, померк ослепительный блеск орденских праздников.

Поиски удешевления продукции и большей прибыли при реализации произведенных изделий приводят к изобретению сначала механических приспособлений, а затем и машин, позволяющих ускорить самые сложные и трудоемкие операции, к разработке новых технологий. В поисках имитаций драгоценных металлов и самоцветов обращаются к материалам, дотоле либо мало используемым, либо вовсе неизвестным ранее.

Еще во второй половине XVIII века англичане додумались форму алмаза, ограненного «розой», придавать обыкновенной стали, причем так отполировывали фасетки пирамиды, что те почти не уступали сверканию природных диамантов. Петербургский мастер Георг Кёниг по настоянию светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического научил этой технике тульских умельцев. Подобные «алмазы» настолько вошли тогда в моду у светских щеголей, что сталь шутили называли наконец-то отысканным философским камнем, поскольку «выдумщики сего железного золота могут переманить в свой карман подлинное и настоящее золото» [1]. А в первой трети нового столетия как раз в сталь предпочитали оправлять карнеолы-сердолики и агаты, не только разнообразные по цвету, но к тому же зачастую отличающиеся редкостным рисунком, да притом, что было весьма немаловажно, сравнительно недорогие.

Вскоре настала очередь чугуна. Красавицам настолько полюбились привозимые из Пруссии изящные украшения, отлитые из простого железа, что именно из него умельцы Санкт-Петербургского литейного завода исполнили к столичной мануфактурной выставке 1829 года дивные ажурные браслеты. Однако отнюдь не все франтики знали, что в самой Германии подобные хрупкие угольно-черные кресты, ожерелья, броши и подвески напоминали как о трауре по обожаемой королеве Луизе, так и об обмене населением в порыве патриотизма золотых вещей на кольца из чугуна ради спасения и возрождения отчизны. Потому-то и орден, учрежденный в 1813 году прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, получил название Железного креста.

На смену популярным в «осмнадцатом» веке более или менее удачным заменам бриллиантов бесцветными стразами, а драгоценных самоцветов – «композициями» из цветного стекла (ведь повышенное содержание свинца придавало недорогому материалу особый блеск), теперь приходит просто ограненное под драгоценный камень обычное стекло, но зато снизу для нужного оттенка и подсветки покрытое тонким слоем фольги или амальгамы [2].

Появляется плакированное накладное серебро, лишь тонким слоем покрывающее поверхность предмета, якобы сделанного целиком из этого благородного металла, а «бронзовые» люстры на самом деле оказываются исполненными из папье-маше. Растет число фабрик и крупных предприятий, с которыми трудно становилось конкурировать вольным цеховым мастерам. Все большую роль играют магазины, где продаются вещи не просто готовые, а зачастую растиражированные и от того дешевые, из-за чего подобные «предметы роскоши» теперь по карману и не очень-то состоятельным, зато гораздо более многочисленным клиентам. Большинству таких покупателей неважно, что приобретенные

изделия зачастую совершенно утратили свою индивидуальность и неповторимость, зато выглядели «богато». Стремительно возрастали барыши в карманах владельцев модных лавок. Все чаще могли себе позволить собственные магазинчики модные ювелиры, владельцы фирм, крупные заводчики и оборотистые купцы.

Современники недовольно брюзжали в середине XIX века, что уже при Александре I «министры государевы (Кочубеи и Гурьевы) какими-то финансовыми оборотами, более чем щедротами монарха, стяжали себе великое состояние и сделались первыми вельможами, тон общества стал приметно грубеть; понятия о чести начали изменяться и уступать место всемогуществу золота» [3]. Мерилом же преуспевания и общественного престижа к концу «меркантильного» столетия окончательно становятся не титулы и чины, а находящееся во власти собственника количество «презренного металла». Правда, золотых дел мастера и ювелиры продолжали ради престижа, многочисленной клиентуры и хорошо оплачиваемых заказов стремиться к званию поставщиков Двора, причем не обязательно императорского, а хотя бы какого-нибудь великокняжеского.

В первые два десятилетия начала Александровского правления продолжали обращаться к «греческому вкусу», однако теперь уже предпочитали каноны красоты, присущие времени Императорского Рима, но откорректированные парижскими законодателями моды. Очевидец тех лет, Филипп Филиппович Вигель, писал: «Как бы то ни было, но костюмы, коих память одно ваяние сохранило на берегах Егейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве». Ему вспоминались молодые дамы и девицы: «Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно обхватывали гибкий стан и верно обрисовывали прелестные формы; поистине казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете». Пожилые же и дородные женщины, утратившие изящество телосложения отнюдь не растерялись и «из русских Матрен перешли в римские матроны» [4]. На какое-то время дамы совсем было отказались от корсетов, но дабы уподобить фигуру стройной колонне, дебелим красавицам пришлось затягивать свои пышные прелести в скроенный по новому фасону корсет «а ля Нинон». Хотя на голое тело под просвечивающую одежду русские шеголихи, в отличие от смелых парижанок, и надевали трико белого или телесного цвета, а сверху драпировались в хоть немного спасающую от холода модную шаль, многие легкомысленные прелестницы серьезно простужались. Не случайно в свете вызвала много толков и пересудов безвременная смерть от такой казалось бы смехотворной болезни молоденькой, едва достигшей семнадцатилетия, очаровательной княгини Екатерины Осиповны Тюфякиной, несколько лет назад столь пленившей красотой лица, странно сочетавшейся с лежащей на нем тенью глубокой меланхолии, знаменитую заезжую художницу Элизабет Виже-Лебрён, что та изобразила чаровницу вестницей олимпийских богов Иридой, «окутанной волнистою пеленою и сидящей на облаке» [5].

Не менее опасными для здоровья очаровательниц становились и стягивающие их стан столь модные, блистающие роскошью пояса. Великая княгиня Александра Феодоровна, бывшая на девятом месяце беременности, так разволновалась за успех первого появления перед взорами придирчивого светского общества приехавшей в Петербург в 1823 году Вюртембергской принцессы, невесты великого князя Михаила Павловича, что «стала нервно плакать. Золотой пояс, усеянный камнями, бывший в тот день на ней, не успели достаточно быстро распустить, и он причинил ей сильное ущемление. В ту же ночь она разрешилась мертвым сыном и тяжело захворала» [6].

Уже при Павле I появляются новые типы ювелирных украшений сильно изменившегося женского костюма. Становится непременной составной частью уборов алмазный «султан», или «эгрет», сделанный в виде «пера». Теперь не отдельные цитернадели, а как бы образованные из цепочки наверхий таких булавок ленты поддерживают мелкие завитки прически или скрывают края парика. Если все звенья были одинаковы, то сие украшение так и называли «лентой-рюбан» (фр. *le ruban*) или «головной повязкой». Зубчатая же полоска именовалась «барьером» (фр. *la barrière*).

Тогда же стали модны цветки-«флёр» (фр. *la fleur*) в виде «астры», или «двойной

звезды». Сначала по «цветку» вкалывалось в волосы у висков, затем возле пробора стал располагаться третий, более крупный «цветок», а позже между ними «флёрками» все чаще размещались шесть булавок, увенчанных каждая изобиловавшим зернами «колосом», или «эпи де бле» (фр. *l'épi de Blès*). Прикрепление подобных наверхий к металлическому обручу привело к появлению «диадемы» (фр. *le diadème*), своим абрисом напоминающей распластаный треугольник и ставшей характернейшим дополнением парадного костюма в начале XIX века и неперменной частью классической парюры, куда еще входили лишь длинные серьги и склаваж. Кстати, впервые «диадема» появилась, судя по архивным документам, в сапфировом уборе, сделанном Яковом Дювалем для великой княжны Александры Павловны. Правда, жители Альбиона и в наши дни предпочитают считать «диадемой» лишь украшение, венцом обвивающее голову. Диадему же, располагающуюся только на челе, англичане обычно называют «тиарой» [7] – термином, под которым в России привычно понимается убор римских пап, как бы состоящий из трех, одной над другой, корон.

В первой четверти XIX века сделалось чрезвычайно модным делать прически «а ля Серès», когда прелестницы, уподобляя себя римской богине плодородия и земледелия Церере, украшали свои хорошенькие головки венками из отдельных, усыпанных бриллиантами колосков. Пика своего эта мода достигла к 1803 году, и русским дипломатам тогда всерьез пришлось ломать голову, что же лучше преподнести в дар сестре турецкого капитан-паши: «колосья» или привычный «цветок» [8].

Франтихи, настроенные более воинственно, водружали в прическу «стрелу» Дианы. Наконец, около 1800 года появились массивные гребни, увенчивавшие красиво уложенную на темени косу.

На обнаженные шеи еще в середине 1790-х годов «как будто бы для сбережения своих сердец, щеголихи большого света надели цепи» [9]. Сии цепочки из металлических шнуров были столь длинны, что прелестницы не только развешивали их по плечам, но и свивали чуть ли не в двадцать оборотов вокруг своих шеек. Не случайно «ниткой» (фр. *un fil*) называли и разновидность склаважа, поскольку она представляла собой дополненную с обеих сторон низками из мелких камней цепочку солитеров, оправленных в отдельные касты-«шатоны», благодаря чему длина изделия легко варьировалась. Какое-то время подобную «нитку» именовали одновременно то «склаважем», то «колье». Однако в начале XIX века возобладало полное поэзии название: «ривьера», ибо вереница сверкающих крупных бриллиантов, близко прилегающих друг к другу (отчего металл их оправ становится почти невидимым), действительно напоминала искрящийся водный поток, струящийся между берегами [10].

К концам простой низки из камней в шатонах стало модно подцеплять отдельную, легко снимающуюся застежку, называемую по-французски «фермуаром» (*le fermoir*). Августейшие особы отныне часто жаловали дамам и девицам драгоценные фермуары, и награжденные гордо демонстрировали царский подарок, располагая отныне застежку ожерелья на самом видном месте – высоко на груди у плеча.

Большое декольте и открытая шея заставляют носить и склаважи, теперь представляющие собой ожерелья с ниспускающей на грудь сеткой прихотливо переплетающихся цепочек, дополненных вкраплениями камней в шатонах. Одно время «склаважем» называли «цепочки, связанные вензелевым шифром из крупных бриллиантов» [11]. Становится популярным появившийся около 1804 года склаваж-«франж» («*la frange*») у поскольку на грудь щеголихи обильно свисал ряд столь близко прилегающих друг к другу подвесок, что они действительно напоминали густую бахрому.

Большие и открытые медальоны возлежат на толстой золотой цепи, напоказ демонстрируя окружающим портрет наиболее любимого родственника владелицы [12]. Но все чаще с облегающей шею изящной цепочки как бы стекала на перси красавицы кокетливо колыхавшаяся подвеска с драгоценным самоцветом, давшая обозначение новому украшению, вначале называемому «куланой», то есть «струящейся», а позднее (поскольку

слово *le coulant* во французском языке мужского рода) переименованному в «кулон». Не равнодушный к женским прелестям, истинный сын галантного «осмнадцатого» века Гаврила Романович Державин не удержался и воспел модную новинку в стихотворении 1807 года «Цепочка»:

*Послал середь сего листочка
Из мелких колец тонку нить:
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою прикрыть [13].*

Нежные «Психеи» и «Хлои», в знак царящего в их сердцах «приятного легкомыслия», дополняли пояса своих туникообразных воздушных кисейных платьиц изящно исполненными из золота бабочками или тюльпанами. Дамы щеголяли друг перед другом очень длинными, надетыми крест-накрест цепочками-«перевязями», или по-французски «сотуарами» (*le sautoir*). На них болтались часы, кошельки, зеркальца и прочие столь необходимые мелочи.

Отнюдь не лишней оказывалась и маленькая книжечка-«карне» в оправе слоновой кости, куда прелестница записывала для памяти: кому и какой танец она обещала на грядущем балу, чтобы не дай Бог не перепутать кавалеров. Строгий свет расценил бы подобную невнимательность за «отпечаток кокетства», и провинившейся приходилось (дабы пропустить злополучный танец) притворяться, что на нее вдруг нахлынула неодолимая усталость [14]. Да и в середине меркантильного века, когда на левом плече модной красавицы обязательно прищипливались цветы, в книжке о правилах хорошего тона высказывалось пожелание, «чтобы таблетки, привешиваемые на маленькой цепочке к букетьерке и служащие для записывания кадрили, на которые дама ангажирована, вошли во всеобщее употребление» [15].

Подвешивая же часы к «штучке, величиною с ладонь, представляющей лиру» [16], очаровательницы заодно намекали на свою верность в любви, сравнивая себя с Сафо. Ведь знаменитая античная поэтесса, напрасно бряцавшая на струнах лиры и певшая строфы, полные страсти, перед бездушным красавцем Фаоном, не смогла перенести измены любимого и покончила с собой, бросившись с высокой скалы в бурное море.

Поскольку рукава платьев сделались совсем короткими, большую роль стали теперь играть браслеты. Чрезвычайно модны стали украшенные портретом близкого человека: их носили на левой руке как признак чувствительного сердца, отчего подобные браслеты называли по-французски «сантиман».

Львицы же света ввели обычай носить сразу три браслета: один – массивный, исполнявшийся из золота и крупных драгоценных камней, второй – ажурный и сравнительно скромный, должен был поражать мастерством исполнения, а третий, дополняемый драгоценной застежкой, сплетали из прядей волос возлюбленного. Подобный набор назывался «союз роскоши, изящества и чувствительности».

Вышивая своим любезным на память изысканные кошечки или кисеты, особенно нежные натуры использовали вместо нитей собственные локоны. Что уж говорить, если отважный полководец Наполеон Бонапарт успел в перерывах между сражениями написать обожаемой Жозефине, дабы любимая женушка прислала ему вместо нечаянно потерянной табакерки «другую, с плоской крышкой, на которой закажи сделать надпись из своих волос» [17].

Однако весьма неопрятная привычка нюхать табак постепенно уходила в прошлое. Сами же табакерки, хотя их и продолжали жаловать от Двора, все больше снабжались «механикою и всяким тому подобным, смешным или полезным» [18].

Модницам уже было недостаточно, что все пальцы рук поверх перчаток унижались перстнями с бриллиантами. Некоторые франтихи, являясь в открытых сандалиях, кокетливо демонстрировали зовущие к поцелуям пальчики своих очаровательных ножек, сверкающие роскошными кольцами.

Увлечение античностью еще в конце XVIII века сделало популярными геммы, которые

уже в конце царствования Екатерины II даже подбирались в парюры. Да и императрица Елизавета Алексеевна все чаще предпочитала помимо обычных перстней с различными самоцветами жаловать от себя приближенным бриллиантовые «медальоны с антиком» [19].

С другой стороны, вынужденную моду на дешевые украшения принесли в Россию европейские аристократы, разоренные революцией и войнами. Брюзгливый Филипп Филиппович Вигель недовольно ворчал, что в обнищавшей Франции «женщины, вместо алмазов, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, их мужьями и родственниками награбленными в Италии. Нам и тут надобно было подражать. Бриллианты, коими наши дамы были так богаты, все попрятаны и предоставлены для ношения царской фамилии и купчихам. За невероятную цену стали доставать резные камни, оправлять золотом и вставлять в браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнее» [20]. Пользовались повышенным спросом пурпурные богемские гранаты-пиропы, зеленовато-голубая бирюза, радужные опалы, яркие кораллы и редкостного природного узора агаты. Но это поветрие продолжалось недолго, и вскоре «страсть к драгоценным камням царствовала в столице едва ли не сильнее еще, чем в последующие десятилетия» [21].

Зато «дражайшие половины» русских купцов поражали иностранцев своими нарядами. Англичанка Марта Вильмот, компаньонка княгини Екатерины Романовны Дашковой, удивлялась, как можно облачиться в июльскую жару «в затканную золотом кофту с корсажем, расшитым жемчугом», причем «головной убор из муслина украшен жемчугом, бриллиантами и жемчужной сеткой, и все сооружение достигает пол-ярда высоты; 20 ниток жемчуга обвивали шею, а на толстых руках» купчихи, вышедшей на гулянье в Петергофском парке, «красовались браслеты из двенадцати рядов жемчуга» [22]. В свете шушукались, что у жены Злобина, богатейшего откупщика карточного дела и именитого гражданина Санкт-Петербурга, бриллиантовых вещей так много, как ни у одной из аристократок, что вся одежда ее из золотой парчи и усыпана жемчугом, крупными бриллиантами и драгоценными камнями, а кокошник ее так велик, что его хозяйке всегда приходилось протискиваться в дверь боком.

Однако при дворе сохранилась баснословная роскошь, хотя те же «люди, едва не падающие под тяжестью жемчугов и бриллиантов», восхищались простыми нарядами, привезенными из-за границы [23]. На придворные балы приходилось являться «в платьях из серебряных кружев, с алмазными лентами в волосах, с длинными бриллиантовыми серьгами и в прочих драгоценностях» [24].

Та же Марта Вильмот даже описала в дневнике столь поразивший ее наряд одной русской дамы, простодушно предварив, что не забудет увиденное «до самой смерти»: «Белое атласное платье украшали искусственные цветы, на голове были две ленты, украшенные бриллиантами, два бриллиантовых гребня и еще что-то вроде бриллиантового венца. В ушах великолепные серьги, на шее – бриллиантовые цепочки и жемчужные нити, на груди – бриллиантовые, изумрудные и рубиновые броши, причем одна брошь с солитером стоила не менее 2 тысяч фунтов. Пояс ее также был осыпан бриллиантами и застегнут пряжкой с камнем величиной с куриное яйцо: <...> он был ярко-малиновым, а в оправе из бриллиантов выглядел поистине как драгоценность из сокровищницы турецкого султана. Словом, это была настоящая ювелирная лавка» [25].

Видя такое обилие драгоценных камней, но при этом отмечая, что «очень часто они не выглядят как украшения, подобранные со вкусом», юная иноземка вначале наивно считала, что «драгоценности тут дешевы», но вскоре «воздушный замок» ее мечты о приобретении подобных вещей «растаял бесследно, ибо бриллианты здесь в той же цене, что и в Англии», и ей оставалось лишь горестно, с недоумением вздыхать, что «тем труднее понять, отчего их так много...» [26]. Британский же генерал и посол в Швеции при Бернадоте, лорд Бенджамин Блумфилд, посетив Петербург в июле 1825 года, отметил, что вдовствующая императрица Мария Феодоровна носила множество бриллиантов и жемчугов, а на ее груди покоилась жемчужина «величиной в маленькое яйцо» [27].

В России всегда любили одеваться по возможности роскошно, дополняя наряд

драгоценными камнями, что особенно бросалось в глаза иностранцам. Французская писательница Жермена де Сталь удивлялась: «В России нет того, что англичане называют комфортом, а мы – довольством. Они любят богатство скорее как пышность, чем как средство удовольствия. Тяга к внешнему великолепию у русских преобладает» [28]. Сие стремление, присущее в России людям «всякого звания и происхождения», отмечали не только иностранцы [29].

Москвича Степана Петровича Жихарева, по переезде его в 1806 году из Первопрестольной в Петербург, дабы служить в Иностранной коллегии, многое поражало в столичных жителях. Совсем молоденькая, но уже знаменитая актриса Екатерина Семёнова, «совершенный образец древней греческой красоты», щеголяла в белой турецкой шали, на шее красовались жемчуга, а на пальцах было «брильянтовых колец и перстней больше, чем на иной нашей московской купчихе в праздничный день». Удивил его своим видом и унтер-офицер Хрунов, ставший после выхода в отставку необходимой принадлежностью вечеринок офицеров Измайловского полка и прозванный «барин с балалайкой», ибо все персты пухлой руки музыканта, играющего на инструменте особенной конструкции, «изукрашены были кольцами и перстнями разных величин и фасонов» [30]. Однако бравого отставника вряд ли озабочивало, из какого металла сделаны сами кольца, хотя, наверняка, он знал о таинственной власти сокровищ земных руд. Золотой перстень придавал такую премудрость речи владельцу, что никто, даже самые мудрые учёные, не сможет опровергнуть его утверждения. Оловянное кольцо притягивало к носящему его вожаделенные серебро и золото. Железный перстень обеспечивал «побеждение всех противностей». Медное же кольцо привораживало любовь, и одно его прикосновение к желанной вызывало в зазнобе ответную страсть [31]. А в первой четверти XIX века даже отпущенный на оброк крепостной покупал себе на заработанные деньги бриллиантовый перстень, да и шею его невесты унижали сорок ниток жемчуга.

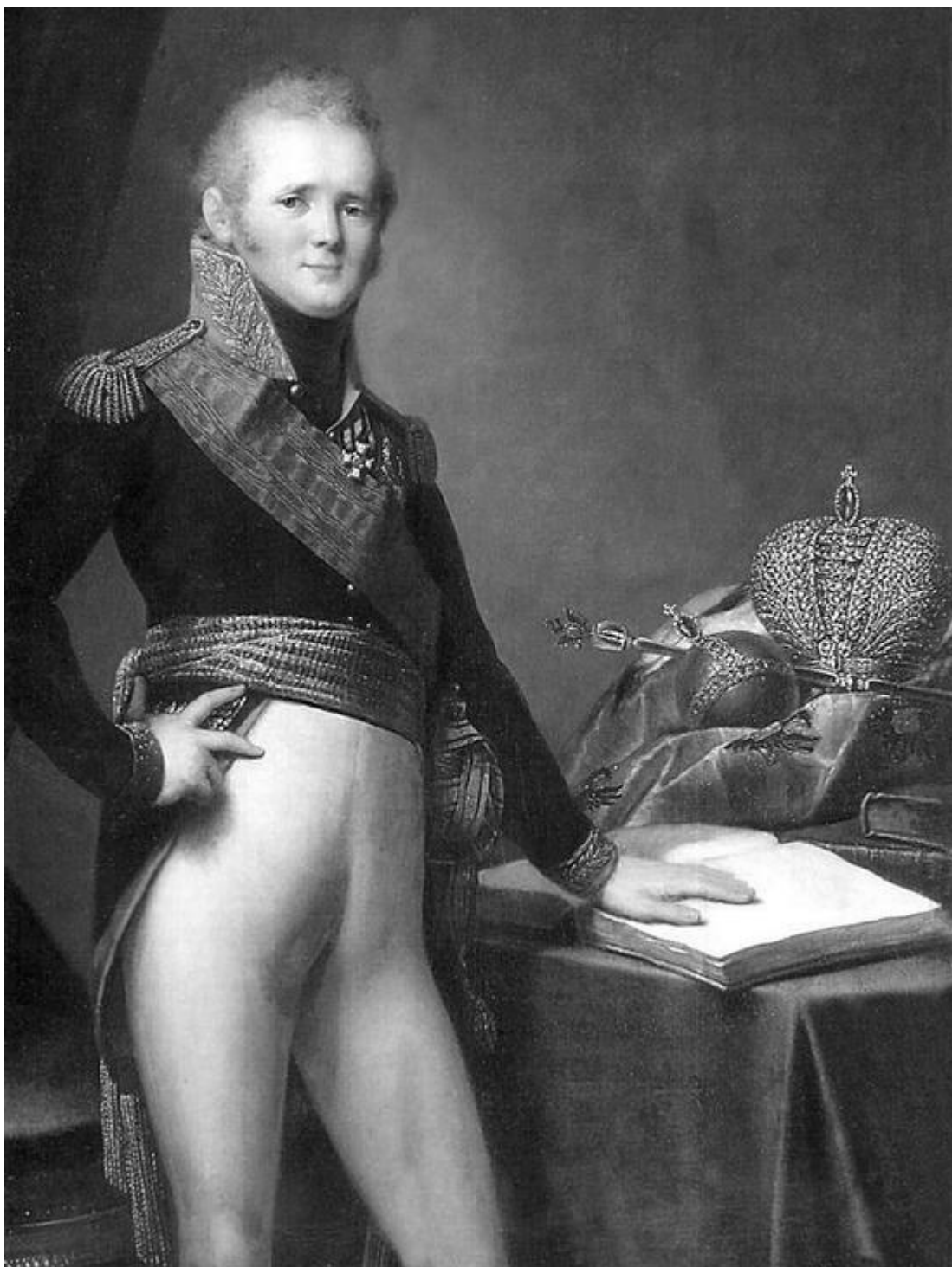
Что же после этого говорить о франтах, проводивших, как пушкинский Евгений Онегин, «три часа по крайней мере пред зеркалами», дабы выглядеть по последней парижской или лондонской моде, надевая соответствующие «панталоны, фрак, жилет». Ни в коем случае нельзя было перепутать цвет фрака, зависевший не только от времени дня, но и от возраста обладателя сей важной детали костюма. Отправляясь по делам или с визитами по утрам, следовало надевать зеленый фрак, причем старичкам приличествовали оттенки бутылочного стекла, вступающей в свет молодежи – цвет зеленого яблока, а у остальных петиметров яркость зелени ткани приглушал серый прицвет. К обеду приходилось передеваться во фраки, сшитые из тканей всевозможных вариантов синего. Зато щеголи, облачаясь в черные фраки, не забывали о материале отворотов: атласные полагались в бальных нарядах, а шерстяные – в траурных.

Состоятельным модникам так хотелось покичиться богатством перед светскими красавицами, что в серединку непременно пуговиц, вытканых из черного шелка, вставлялись сверкающие бриллианты-солитеры, соперничавшие с ослепительным блеском крупного алмаза булавки, прикреплявшей пышное жабо к жилету. Все это великолепие дополнялось переливами камней в многочисленных перстнях и посверкиванием самоцветов на золотых или серебряных пряжках башмаков. Костюм франтов считался не законченным полностью, если из-под жилета не свисали симметрично золотые цепочки по крайней мере двух часов (да не простых, а непременно заграничных «брегетов», вышедших из рук самого знаменитого мастера Авраама-Луи Бреге и оттого стоивших несколько тысяч рублей), украшенные затейливыми брелоками и печаткой владельца с фамильным гербом, вырезанным на оранжево-красном сердолике-карнеоле, голубом топазе или фиолетовом аметисте.

Собравшиеся же на светских званых вечерах дамы и девицы, вместо привычного коллективного, но весьма тоскливого вышивания золотом и жемчугом, теперь играли в колесико, то ловко его опуская, то поднимая на шнурочке, и любовались, как оно, крутясь, красиво искрилось самоцветами. Однако вскоре аристократки нашли себе другое занятие,

придумав ему французское название «le parfilage de l'or», означающее «надерганные золотые нитки». И раньше экономные хозяйки осторожно подвергали пламени ставшие ветхими одежды, покрытые металлическим шитьем, чтобы пустить «выжечный» благородный металл на исполнение новых модных вещей. В первой же трети XIX века расчетливые прелестницы предпочитали аккуратно распускать драгоценные узоры, отделяя их от ткани, а на выручку от продажи полученной золотой нити покупать желанную обнову. Как brave усахи-военные, так и светские волокиты быстро сориентировались и, воспользовавшись подобным увлечением, стали подносить предметам своих воздыханий зачастую совершенно новенькие, только что из магазина, отдельные части форменных, блиставших золотом вышивки мундиров. Но хитрых красавиц сие обстоятельство не останавливало, и новые Пенелопы на глазах влюбленных кавалеров легкомысленно потрошили шедевры портных [32].

Однако после трагической смерти Павла I, убитого 11 марта 1801 года недовольными царедворцами-заговорщиками в Михайловском замке, на престоле оказался Александр I, неплохо усвоивший от бабки и отца ремесло государей, но при этом воспитанный Лагарпом на республиканских идеях и, соответственно, не любивший всяческие обременительные церемонии и полагавший ненужной излишнюю роскошь. Новый государь отлично видел никчемность некоторых чисто придворных должностей, а суетливых их носителей-куртизанов презрительно называл «полотёрами». Александр I, несмотря на ропот великосветских фрондеров, сократив штат придворных, урезал на 4 миллиона рублей расходы на императорский двор. К тому же государь с самого начала своего правления, в отличие от августейших отца и бабки, принципиально перестал за оказанные ему услуги раздаривать «казенных» крестьян в крепостные.

С.С. Жукин. Александр I с императорскими регалиями. 1808 г.

Да и в своем costume молодой монарх стремился к благородной простоте. Не случайно Жозеф де Местр, представлявший Сардинское королевство при петербургском Дворе, удивлялся, что русский самодержец «не носит никаких драгоценностей, даже кольца или часов» [33]. Подстать Александру Павловичу была и его супруга, хотя она, судя по ее письмам к матери, к уборам из самоцветов относилась отнюдь не равнодушно, однако и не придавала им слишком большого значения. Потому-то, когда в октябре 1812 года всерьез опасались, что войско Наполеона прорвется к Петербургу, всех поразил и передавался из уст в уста ответ императрицы Елизаветы Алексеевны на вопрос о судьбе ее драгоценностей, из предосторожности отправленных в Олонецкую губернию: «На что мне они, если Александр лишится короны!» [34]. А много лет спустя, когда князь Петр Михайлович Волконский доложил ей, что она стала владелицей оцениваемых в миллион разных бриллиантов,

находившихся в личной собственности покойного Александра I, августейшая вдова с горестью сказала: «На что мне алмазы? Что вы хотите, чтобы я из них сделала? Я столько потеряла с кончиной императора! Мне достаточно одного простого платья, у меня и без них чересчур богатое содержание» [35] .

Конечно же, чтобы поддержать блеск русского Двора для супруги Александра I делались изобилующие драгоценными камнями новые модные уборы и аксессуары костюма, однако не в таком количестве и не столь часто, как при августейших предшественницах. Поэтому, когда император привез из Парижа своей законной половине маленькую райскую птичку для украшения шляпы-тока, то придворные сразу заметили скромную изящную безделку [36] .

Неизвестный художник. Императрица Елизавета Алексеевна на прогулке в парке Царского Села. Начало XIX в.

Александр I при случае не упускал декларировать: «Любовь любезного мне народа есть

моя лучшая награда» и «составляет для меня единственный предмет, начало и конец всех моих действий и желаний», причем «покой и счастье народа... считаю я драгоценнейшим залогом, от провидения мне врученным, и важнейшею обязанностью моей жизни» [37]. Достойный внук мудрой Екатерины II хорошо помнил истину, что дорогие подарки делают сердца подданных благодарными, а щедрость государя, как и пышность его Двора должны внушать почтение и благоговейное почитание не только соотечественникам, но даже заезжим иноземцам. Молодой монарх никогда не забывал о необходимой репрезентативности, однако решил по возможности резко сократить расходы, ибо так растрачивать деньги, как это делал покойный батюшка, грозило казне разорением. Павел I успел только с января по 10 марта 1801 года раздать угодившим ему персонам драгоценных подарков различной стоимости, поставленных Яковом Дювалем на сумму в 136 270 рублей, увеличившую и без того значительный долг «Собственному Императорскому ювелиру». Доклад же, поднесенный 22 марта 1801 года новому государю, не на шутку расстроил Александра I: расходы Кабинета превысили доходы на 1 339 509 рублей, что по тем временам было фантастической суммой.

Грядущая же коронация требовала новых немалых расходов, поскольку, чтобы не нарушать традиции, следовало предусмотреть большое количество подарков для раздачи в праздничные дни столь важного торжества. Хотя львиную долю предназначенных для пожалования вещей позаимствовали из числа казенных, хранящихся в кладовых Кабинета, потребовались и новые табакерки, перстни и карманные часы, украшенные портретами и вензелями нового самодержца. В результате только фирма «Братья Дюваль» в год коронации поставила ко Двору драгоценностей на сумму 115 735 рублей [38]. Дабы хоть как-то свести концы с концами, молодой монарх повелел: «возвратить <...> в государственное казначейство <...> вместо выданных в прошедшем году ювелиру Дювалю – 410 317 рублей, <...> заплатить ювелиру Дювалю за взятые в Комнату бриллиантовые и другия вещи – 506 970 рублей», причем в нынешнем 1801 году выплатить «ювелиру Дювалю – 306 970 рублей, прочия же... 200 000 рублей оставить платежом до предбудущаго года» [39]. Однако эти 200 тысяч и в 1802 году не смогли из-за нехватки денег в Кабинете уплатить Якову Дювалю.

Александр I пришлось, где и насколько только возможно, прибегнуть к сокращению расходной части бюджета. Михайловский замок, обогранный кровью убитого государя, спешно покинут членами августейшей семьи. Заказы на его серебряный декор, изготовлявшийся на петербургской фабрике Ивара-Венфельта Бука, аннулированы. Все ранее сделанное убранство, включая снятую со стен роскошную обивку, перенесли в Мраморный и Таврический дворцы или до поры до времени убрали в кладовые. В опустевшую бывшую императорскую резиденцию, напомилавшую современникам своеобразный мавзолей, въехали Орденский капитул и различные учреждения, а часть ее освободившихся помещений заняли под квартиры чины Двора. Однако еще в феврале 1803 года императорскому Кабинету, чьи долги в 5 307 000 рублей приняла в конце концов на себя казна, пришлось с разрешения молодого государя взять на достройку злосчастного Михайловского замка миллионный заем из Ассигнационного банка, причем срок его уплаты, дабы оставить в распоряжении монарха хотя бы 1 794 276 рублей на текущие расходы, отнесен был на 1804 год.

Винченцо Бренне, любимому «первому архитектору» покойного самодержца Павла Петровича, подавшему в январе 1802 года в отставку, дали пожизненный пенсион лишь в 2000 рублей вместо просимых полагающихся 7800 рублей, да еще чуть было не обвинили в перерасходе и присвоении казенных денег.

Содержание Императорского Стеклянного завода, до 1792 года в блестящем состоянии находившегося в частном владении светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического, теперь стало казаться слишком обременительным, и казенное предприятие чуть было не отдали в аренду Николаю Алексеевичу Бахметьеву, успешному владельцу хрустальной фабрики близ села Никольского в Пензенской губернии. Но в последнюю минуту посчитали достаточным

лишь продать излишки продукции, частично сократить число работников, а оставшихся с 1804 года перевести на сдельную оплату труда.

Почистили и кладовые Кабинета. Просмотрев хранившиеся там ювелирные вещи, выставили вышедшие из моды в 1802 году на аукцион, где выручили за них 37 776 рублей 1 копейку. Там же купец Батенин, вскоре основавший фарфоровую мануфактуру в Петербурге, смог прикупить нужных ему «пробных камней из композиции (то есть из стекла, имитирующего драгоценные самоцветы): 7 «оставленных в свинце на красной фольге», 4 «голубых» и 60 «разноцветных», за цену, превысившую первоначальную оценку в два, а то и в пять раз [40].

Но без драгоценных подарков при Дворе не обойтись. Теперь заказы августейшей четы выдвигаются исполнять другие ювелиры, начавшие свою деятельность еще в XVIII веке. К сожалению, только архивные документы дают представление о творчестве этих искусников, ибо из их работ почти ничего не уцелело от разрушительного действия времени.

Ювелиры, исполнявшие заказы августейшей четы

Кристоф-Фридрих фон Мерц

Золотых дел мастер Кристоф-Фридрих фон Мерц (1756–1809), в 1792 году проживавший «в Офицерской улице в Голцгаузеневом доме» [41], продолжал исполнять многочисленные наградные сабли и шпаги, табакерки и перстни. Еще 8 сентября 1785 года он стал членом петербургского цеха иностранных мастеров. Коллеги по профессии настолько ценили талантливого и зажиточного сотоварища, что в 1793 и 1794 году избирали его помощником старосты, а в 1797 году – даже старостой цеха. У него было много учеников, и самые достойные быстро становились подмастерьями, а затем и успешными мастерами. Достаточно назвать лишь имя Йозефа (Фридриха-Йозефа) Кольба – одного из лучших ювелиров и золотых дел мастеров Петербурга в 1820-е годы.

Кристоф-Фридрих Мерц настолько разбогател во время правления Александра I, что приобрел дом № 17 по Большой Морской и даже устроил в нем магазин, где можно было «заказывать и получать совсем готовые в новейшем вкусе сделанные бриллиантовые и всякие галантерейные вещи» [42].

Под конец жизни этот саксонец, родом из Эльсница, вероятно, захотел перейти в русское подданство и, соответственно, в русский цех, ибо при паспортной ревизии 1808 года мастер не смог предъявить проверяющим нужный документ. Пришлось Кристофу-Фридриху Мерцу оправдываться, что пришлось, дабы его приняли в гильдию, оставить паспорт «у министра Румянцева». Странное же клеймо-именник Мерца: «GM» [43] обязано, скорее всего, сколу металла, превратившему завершение внизу литеры «С», обозначающей имя Christian, в «G». Ведь подобный казус случился с елизаветинским ювелиром Георгом-Фридрихом Экартом, когда вертикальная черточка съехала на середину и тем преобразовала «G» (Georg) в совершенно непонятное «с» [44].

Иоганн-Готтлиб Калау («Кало»)

Иоганн-Готтлиб Калау прибыл в Петербург из Дрездена и вступил золотых дел мастером в столичный иностранный цех ювелиров 9 января 1790 года. Один из его трех учеников, Эрик-Йохан Линдберг, уже в 1798 году стал подмастерьем. Иоганн-Готтлиб Калау, предпочитавший именоваться на французский манер «мастером Кало», женился на Марии Бек и работал еще в 1816 году. Его потомок Михаил Львович Ордовский и сейчас живет в Петербурге.

К 10 декабря 1801 года ювелир Кало сделал круглую золотую табакерку с портретом Александра I и украсил ее не только розами, но и шестнадцатью казенными бриллиантами, хотя и 5-го сорта, да зато каждый из них весил не менее 3-х каратов. Готовую табакерку ювелиры Кабинета оценили в громадную по тому времени сумму 23 000 рублей [45].

Йоган-Хенрик Гоппе

При Александре I для подарков в Кабинет закупалось много всевозможных перстней и табакерок, украшенных живописной эмалью, часов с цепочками, а также орденских знаков у «золотых дел мастера Гоппе», в котором, судя по подписи «Иоганн (или «Жан». – Л. К.) Гоппе», можно узнать престарелого Йогана-Хенрика, чей брат Йоган-Фредрик, родившийся в Гетеборге в 1735 году и там же обучившийся ремеслу в 1752–1758 годах у Абрахама Виргмана, стал мастером в шведском городе Никарлеби в 1776 году Сам же Йоган-Хенрик Гоппе стал золотых дел и галантерейным мастером петербургского иностранного цеха в октябре 1749 года и, судя по известным документам, довольно активно работал еще в 1806 году.

Неясно, был ли купец Гоппе, о котором в 1823 году судачили столичные жители, родственником или только однофамильцем престарелого золотых дел мастера. Сей негоциант, благочестивый лютеранин и богатый жених, когда его невеста Вильгельмина Бриммер обвенчалась с неким Николаем Циловым, не совладав со своими чувствами, зарезался от неразделенной любви [46].

«Купец» Луи Нитард и золотых дел мастер Иоганн-Николаус Брандт

Много драгоценных табакерок и часов приобреталось для грядущих пожалований и у «купца» Луи Нитарда [47]. Всевозможные же мелочи для самого Александра I исполнял золотых дел мастер Иоганн-Николаус Брант (Брандт), родившийся в июне 1773 года в Штральзунде. В 1793 году он переехал в Петербург, где в октябре 1796 года стал галантерейным мастером иностранного цеха. Вероятно, коллеги его ценили, ибо он в 1810–1811 годах стал помощником старосты, а на следующий срок, 1812–1813 годы, его избрали старостой-алдерманом. На этом ответственном посту мастер Брант и скончался [48].

Франсуа Мартен, Даниэль Ола и братья Пицкер

Даже столичным ювелирам, являвшимся членами цеха иностранных мастеров удостоиться придирчивого внимания «сильных мира сего» было не так-то просто. Чаще у искусных ремесленников покупали в третьем отделении императорского Кабинета в запас для будущих подарков от Двора единичные драгоценные вещи, не только понравившиеся красотой, но и подходящие по цене.

В апреле 1812 года продал своей работы «перстень овальный бриллиантовый с аметистом» золотых дел мастер Франсуа Мартен, уроженец Маастрихта, приехавший в Петербург из Гамбурга [49].

Восемь месяцев спустя, подобный же перстень приобрели «у мастера золотых дел Оли». Под столь забавной фамилией, более напоминавшей женское имя, скрывался Даниэль Ола, сохранявший прусское подданство в столице Российской империи более тридцати лет, ибо вступил в достопочтенный цех ювелиров еще в 1799, а упоминался последний раз среди

его членов в 1832 году [50] .

В начале XIX века в «Северной Пальмире» работали три брата, подданные Датского королевства, хотя и были уроженцами Петербурга: Йохан-Фридрих, Карл-Генрих и Готтлиб Пицкеры.

Старшему из них, Йохану-Фридриху, удалось достаточно быстро сделать блестящую карьеру. Проучившись пять лет (с 1792 по 1797 гг.) у мастера Готфрида-Генриха Лемана и получив по окончании статус подмастерья, он уже 20 октября 1802 года становится золотых дел мастером столичного иностранного цеха, а через какие-то восемь лет, два года подряд (в 1810 и 1811) коллеги избирают его товарищем старосты. Наконец, в 1814 году Йохан-Фридрих Пицкер оказывается на престижном посту старосты цеха ювелиров.

Скорее всего, именно у него, «золотых дел мастера Пицкера» купили бриллиантовый овальный перстень, но на сей раз с аквамаринном.

Не исключено, что Йохан-Фридрих Пицкер мог посоветовать своему младшему брату Готтлибу в выборе наставника, поскольку, проучившись у него всего четыре года, уже в 1803 году Готтлиб Пицкер вступил галантерейным мастером в столичный иностранный цех ювелиров. Этим талантливым учителем оказался не кто иной, как соотечественник братьев Франц-Якоб Франк [51] .

Франц Франк поставляет орден в Гардероб Его Императорского Величества

Неизвестна точная дата появления на свет Франца-Якоба Франка в семье датчанина, корпешего чиновником на русской службе. После семи лет обучения ремеслу у известного столичного мастера Эрнста-Фридриха Мейснера, юноша уже в 1781 году стал подмастерьем. Однако лишь спустя девять лет Франц-Якоб Франк, успешно выдержав испытания, вступил золотых дел и галантерейным мастером в петербургский иностранный цех ювелиров, в коем через одиннадцать лет стал помощником старосты, потом два года походил в товарищах главы цеха, а в 1804 его самого избрали в старосты. Это было неудивительно. Слава Франца Франка быстро растет благодаря его искусным рукам. Еще в 1800 году талантливый мастер стал поставщиком Капитула орденов, а вскоре ему доверили не только починку, но и исполнение новых всевозможных орденов для Гардероба самого императора Александра I [52] . Какие же орден приходилось носить на груди победителю Наполеона?

Ордена в мундирных колодочках Александра I

После 1814 года российского самодержца осыпали знаками внимания европейские монархи, и каждый из правителей считал необходимым поднести победителю Наполеона орден своей страны. В результате Александр I стал кавалером трех десятков иноземных орденов.

Но на долю Франца Франка выпало уже с 1813 года не единожды повторять уменьшенные воспроизведения военных наград, которыми награждали монарха союзники по кровопролитной борьбе с французским императором. Сии знаки-обозначения августейший владетель располагал в орденской колодочке на левой стороне груди, ближе к сердцу. Хрупкая эмаль от постоянного ношения покрывалась сначала незаметными трещинами, а

затем осыпалась, зачастую скалываясь с букв девизов, отчего те становились плохо читаемыми, да и сам драгоценный металл загрязнялся и темнел.

Поскольку официальный патент на английскую булавку с застежкой был получен лишь в октябре 1849 года [53], то вплоть до середины XIX века как звезды, так и кресты орденов приходилось либо пришивать к мундиру за крошечные, слегка выступающие ушки, либо наскоро (хотя искусно и прочно) через эти ячейки закреплять за называемые тогда «булавками» иголки с небольшими головками. Александр I, а позже и его младший брат Николай I не раз царапали себе пальцы до крови о торчащие острия, когда в порыве гнева самолично срывали с груди опального царедворца награду, ставшую недостойной провинившегося.

Дж. Доу. Император Александр I. Первая четверть XVIII в.

Чтобы исключить малейшую небрежность в прикреплении к очередному мундиру императора в нужном порядке знаков орденов, отобранных для ношения в орденской колодке, требовалось достаточное количество их комплектов. Порядок соседствования в орденской колодке Александра I отечественных военных наград с пожалованиями западноевропейских союзников по антинаполеоновским коалициям [54] сложился полностью к 1815 году. Лишь за два первых квартала 1819 года Францу Франку пришлось (помимо всевозможных мелких починок и даже восстановления серебрения медалей) сделать не только высший отечественный Андреевский орден особого вида, но и четыре прусских ордена Железного Креста, два шведских ордена Меча, а также два австрийских ордена Марии-Терезии и семь «новых Австрийских орденов» [55].

Скромный «Егорий» IV степени (Крест русского ордена Св. Георгия IV степени)

Лицезревшим императора Александра Павловича прежде всего бросался в глаза подвешенный на ленточке с тремя черными и двумя оранжевыми полосами золотой с эмалью крест Св. Георгия IV степени, открывающий крайним почетный ряд военных наград на груди государя [56] и напоминавший, что русский монарх, в колыбели становившийся кавалером прочих русских орденов, мог получить даже эту, самую низшую степень военного ордена, лишь побывав на ратном поле. (См. цвет. илл. 1.)

Скромный крестик (как пепел отца Тилю Уленшпигелю) всегда напоминал Александру I о сокрушительном разгроме Наполеоном в сражении при Аустерлице 8 декабря 1805 года союзных армий Пруссии, Австрии и России. Тогда необстрелянный в боях самодержец, не послушав дипломатичных советов маститого и опытного полководца Михаила Илларионовича Кутузова, потерял на Праценских высотах русскую гвардейскую тяжелую кавалерию и бежал под покровом ночи с поля битвы в слезах от бессилия и гнева, задыхаясь от стыда. Тогда же молодой государь впервые столкнулся с коварным предательством союзников, которым он так рыцарски верил. Первое прямое столкновение с полководческим талантом корсиканца для внука Екатерины II окончилось крупным поражением. Однако и царь Петр Алексеевич начал с «конфузии» при Нарве от короля Карла XII, а спустя два десятилетия после окончательной победы над шведами в Северной войне был провозглашен первым русским императором.

Горьким стало возвращение Александра I в Петербург в конце 1805 года. Однако придворные льстецы и тут не утерпели от не совсем уместного скорейшего изъявления верноподданнических чувств. Не прошло и недели, как на собрании 13 декабря кавалерская дума Св. Георгия стала просить государя возложить на себя знаки этого военного ордена, причем сразу первого класса. Их тут же поднес монарху прозванный «Бриллиантовым князем» из-за неумеренной любви к сверкающим алмазам канцлер российских орденов Александр Борисович Куракин, весьма гордившийся обладанием звездой престижного прусского ордена Чёрного Орла, завещанной «верному другу» самодержцем Павлом I, получившим ее в Берлине из рук самого «короля-солдата». Ассистировал любимцу отца нынешнего государя старший кавалер, князь Александр Александрович Прозоровский, в далеком 1778 году награжденный второй степенью Георгиевского ордена за удачное выполнение «всей порученной ему» Екатериной II «секретной комиссии» и уничтожение «всех неприятельских действий» в Крыму. Именно этому престарелому военачальнику, которому 30 августа 1807 года Александр I пожалует за заслуги фельдмаршальский жезл [57], его сотоварищи доверили посвятить молодому царю льстивый доклад.

Воспитанник Лагарпа не знал, плакать ему или смеяться, но, помня мудрые заветы августейшей бабки, взял себя в руки: сначала вежливо поблагодарил собравшихся, а затем не преминул напомнить, что первый класс по орденскому статуту полагается за распоряжения начальственные. Он же, хотя и разделял опасность со своими воинами, но не командовал ими, а только привел их на помощь своему союзнику, «который всеми одного действиями распоряжал по собственным своим соображениям». Поэтому он, если и заслуживает, то лишь самой младшей степени столь почетного военного ордена, а дабы не обидеть собравшихся заслуженных георгиевских кавалеров бестактным отказом, Александр I, вступая в их сообщество на том заседании, возложил на себя скромный крест IV класса [58].

Но и впоследствии российский монарх отказывался от более высоких степеней Георгиевского ордена, ибо полагал, что успехами на поле брани он обязан Всевышнему, а воинской награды достойны те, кто в сражениях проливал свою кровь за Отечество и избавление Европы от богопротивного узурпатора тронов и захватчика чужих земель.

Чтобы не обесценивать первую степень престижного военного ордена, ее кавалерами стали за свои подвиги и ратные заслуги в 1812–1814 годах лишь семеро героев:

12 декабря 1812 года генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, получил вместе с титулом «светлейшего князя Смоленского» и отечественный Георгиевский орден высшей степени «за поражение и изгнание неприятеля из пределов России».

И.И. Олешкович. Светлейший князь фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский. 1813–1814 гг.

На следующий же день после кровопролитной двухдневной баталии 17 и 18 августа 1813 года при Кульме, где русские ратники так яростно сражались, что прусский король, восхищенный их мужеством и отвагой, всем им пожаловал военный орден Железного креста, а их предводитель, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли, за проявленные на поле сражения храбрость и победоносную тактику стал кавалером высочайшей отечественной воинской награды. Позже русский полководец получит за блестящее сражение при Бриенне золотую шпагу с алмазными лаврами и памятной надписью «За 20 января 1814 года», а через год удостоится не только звания генерал-фельдмаршала, но и княжеского титула. После взятия Парижа Георгиевский орден

первой степени 22 июля 1814 года вручили «за успешные действия против французов в войну 1814 года» командующему 2-й Южной армией, генералу от кавалерии, графу Леонтию Леонтьевичу Беннингсену, за два года до того получившего от императора «алмазный эполет с вензелевым изображением Высочайшего имени». Александр I постарался «забыть», что именно этот «длинный, как шест, сухой, хладнокровный, как черепаха» [59] ганноверский немец, полтора десятилетия назад возглавивший с братьями Зубовыми пьяных заговорщиков, пришедших в Михайловский замок, нагло потребовал от Павла I отречения от престола, после чего удалился «за свечкой» в соседнюю комнату, где преспокойно рассматривал висевшие на стенах картины, пока его сообщники зверски убивали ненавистного «тирана».

История любит парадоксы. Цареубийство 11 марта 1801 года произошло на британские деньги, поскольку Павел I, восхищенный благородством Наполеона по отношению к пленным русским военным и видя в нем нового Цезаря, даже поместил во дворце бюст первого консула Французской республики, говоря: «Он делает дела, и с ним можно иметь дело», а надменный Альбион боялся не только оформления франко-русского союза и морской блокады своей страны, но и начавшегося похода Платова на Индию. Не случайно Бонапарт, услышав о страшной кончине всероссийского самодержца, впал в безутешную ярость, ибо хотя покушение на него в Париже тогда не удалось, но, как выразился будущий император, они (имея в виду англичан и прочих своих врагов), «попали в меня в Петербурге!» [60].

Теперь же Александру I, всю жизнь испытывавшему угрызения совести от греха отцеубийства, пришлось, выдерживая дипломатический политес, дать высшую степень русского военного ордена главным военачальникам армий союзников, боровшимся с французским императором. Первым из иноземцев удостоился этого отличия в 1813 году «за поражение французов в сражении при Денневице 25 августа» предводитель Северной армии шведский принц Карл-Юхан.

«За трехдневный бой под Лейпцигом 4–7 октября 1813 года» стали кавалерами первой степени русского Георгиевского ордена сразу двое: главнокомандующий Прусским корпусом в составе союзных войск, прусский, а заодно и русский генерал-фельдмаршал Гебгард-Альбрехт Блюхер, и главнокомандующий союзными войсками, хотя и не стяжавший особых лавров в «марсовых потехах», австрийский генерал-фельдмаршал Карл-Филипп Шварценберг.

После отречения Наполеона в Фонтенбло получил русский военный орден «за успешные действия против французов в войну 1814 года» английский генерал-фельдмаршал Артур-Уэлсли Веллингтон, впоследствии при Ватерлоо вместе с Блюхером наголову разбивший Наполеона, вернувшегося было с Эльбы на императорский престол [61].

Однако сам предводитель коалиции союзников, император Александр I, сохранил верность скромному кресту ордена Св. Георгия IV степени, и тот продолжал служить своеобразным камертоном, ибо под его размер делались искусными руками петербургского мастера Франца Франка остальные наградные знаки в орденской колодочке российского монарха, уподобляемого тогда легендарному правителю Агамемнону, объединившему, согласно песням гомеровской «Илиады», многочисленных древнегреческих царей в походе на Трои, дабы покарать вероломного похитителя супруги брата, прекрасной Елены.

Русская медаль «В память Отечественной войны 1812 года»

За каких-то полгода считавшаяся непобедимой Великая армия Наполеона, вступившая на русскую территорию 12/24 июня 1812 года, была не только разбита в ожесточенных кровопролитных сражениях, но и быстро растаяла в схватках с партизанами, ибо весь народ поднялся на борьбу за веру отцов и освобождение родной земли от поработителей, превратив отпор врагу в войну Отечественную и не сомневаясь в грядущей победе. Даже шестнадцатилетний брат Александра Павловича, Николай, услышав горестное известие о

вступлении французов в Москву, побился о заклад с сестрицей Анной, что к новому году иноземных завоевателей не останется.

Уже 2 декабря 1812 года казаки Платова очистили пограничный город Вильно от французов. Сам Наполеон еле ускользнул за Неман, а вслед за ним успели переправиться, прихватив 9 пушек, около 20 тысяч воинов, из коих оружие сохранила лишь тысяча храбрецов. На молебствии, проведенном 1 января 1813 года в столичном Казанском соборе по случаю освобождения России от иноплеменного нашествия, великий князь Николай Павлович получил выигранный на пари серебряный рубль [62].

Но Александр I, не раз высказывавшийся: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать», и теперь отнюдь не считал, что борьба с «богопротивным узурпатором» закончилась. Отныне он мечтал освободить из-под власти Бонапарта и его семейства захваченные «корсиканцем» европейские страны, после чего в восстановленном союзе с войсками Пруссии и Австрии вступить в столицу Франции, дабы передать трон «наихристианнейших королей» законному монарху и добиться политического равновесия в Европе.

Потому-то в тот же день, 2 декабря, самодержец написал М.И. Кутузову: «Никогда не было столь дорого время для нас, как при нынешних обстоятельствах, и поэтому ничто не позволяет останавливаться войскам нашим, преследующим неприятеля, ни на самое короткое время в Вильне» [63]. Однако лишь в начале февраля 1813 года основные русские силы, перешедшие Неман и Вислу, преодолев более трехсот верст, вышли к Одеру. Начиналась освободительная борьба за Европу. Отечественная же война была закончена, и теперь следовало увековечить ее героев.

5 февраля 1813 года Александр I в польском городе Клодава учредил специальную памятную медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Ею награждались не только все отважные ратники и ополченцы, но даже священники и медики, побывавшие под неприятельским огнем, причем списки непрофессиональных воинов, сопровождаемые пояснениями, когда и отчего пришлось героям оказаться под неприятельским огнем, лично просматривались самим императором.

Над проектом медали работал сам маститый медальер Карл-Александр фон Леберехт, служивший еще «матушке Екатерине». На лицевой стороне он поместил надпись «1812 годъ», красовавшуюся под Всевидающим Оком, заключенным в символизирующий Пресвятую Троицу треугольник, окруженный сияющими лучами, что аллегорически повествовало о помощи Промысла Божия в быстром освобождении Родины от грозного и сильного врага. Обратную же украшали четыре строчки обращения к Всевышнему, заимствованные из библейского псалма: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему» [64], ибо русский властитель считал, что победой над супостатом он обязан именно мудрости и небесному покровительству всезнающего Господа Бога, пославшего победу православной России в тяжелой и кровопролитной борьбе с отринувшим Христа узурпатором французского трона. (См. цвет. илл. 1.)

До 1819 года на Санкт-Петербургском монетном дворе из серебра отчеканили более 250 тысяч этих медалей диаметром 24 или 28 мм. Носить сию награду полагалось на голубой ленте высшего русского ордена Св. Апостола Андрея Первозванного [65]. Тем же, кто отличился денежными пожертвованиями на борьбу с неприятелем и многое сделал в тылу для победы, вручили точно такие же, но исполненные из бронзы медали, однако дворянам приличествовала красная с черными полосами лента ордена Св. Владимира, а купцам и промышленникам – красная с желтыми каемками лента ордена Св. Анны. Даже старейшие женщины дворянских родов – матери, воспитавшие достойных защитников Отечества, удостоились бронзовых медалей «В память Отечественной войны 1812 года» на владимирской ленте.

Потому-то на груди Александра I серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года» гордо соседствовала с Георгиевским крестом IV степени. И отнюдь не случайно самодержец, отправляясь 1 сентября 1825 года в Таганрог, добавил к взятым в поездку

русским орденам эту скромную, но столь дорогую сердцу медаль [66] .

Австрийский военный орден Марии-Терезии

Австрийскому монарху Францу I, утратившему в 1806 году по требованию Наполеона после сокрушительного поражения под Аустерлицем прежний гордый титул императора Священной Римской империи германской нации, а заодно и второй порядковый номер после имени в строю августейших ее правителей, приходилось добрый десяток лет, применяясь к обстоятельствам, «сидеть на двух стульях», то изменяя бывшим союзникам под давлением неумолимого «корсиканца», то опять вступая с ними в альянс.

В отличие от самодержца Александра I, благодаря вдовствующей матушке Марии Феодоровне дважды отклонившего «престижное» предложение выдать одну из своих любимых сестер за Наполеона, дабы ни в коем случае не породниться с узурпатором престола наихристианнейших французских королей, Францу I пришлось ради политической целесообразности пожертвовать «тем, что было всего дороже его сердцу, для того чтобы предотвратить непоправимое несчастье и приобрести залог лучшей будущности» [67] . Однако недаром Габсбурги на протяжении столетий для решения проблем, особенно династических, руководствовались правилом: «Счастливая Австрия, брачуйся» («*Tu felix Austria nibe*»): в апреле 1810 года юная эрцгерцогиня Мария-Луиза стала супругой Бонапарта.

Только в июне 1813 года Франц I, окончательно порвав с «неудобным» зятем, присоединился со своей армией к войскам коалиции, хотя и знал, что в случае победы его дочь лишится французского престола. Потому-то, когда 19 марта 1814 года союзники торжественным маршем входили в сдавшийся Париж, во главе объединенного войска гарцевал на любимом жеребце Марсе глава коалиции, русский император Александр I, а бок о бок с ним ехали верхом прусский король Фридрих-Вильгельм III и австрийский фельдмаршал (позже генералиссимус) Шварценберг, представлявший собой особу своего августейшего повелителя.

К тому времени достойный внук Екатерины II уже хорошо знал цену Францу I, а тот никак не желал смириться с первенством русского монарха в сонме европейских государей. Чтобы хоть как-то уколоть «русского медведя», он не пожелал дать православному государю Александру I первейший орден Габсбургов – Золотое Руно. Однако сию престижную награду тут же, «в виде исключения», Франц I, будучи гроссмейстером этого прославленного «цесарского» католического ордена, пожаловал британскому принцу-регенту Георгу, исповедывавшему англиканство – разновидность протестантской христианской веры.

Ф. Крюгер. Прусский король Фридрих-Вильгельм III. 1831 г.

Австрийский император, скрепя сердце, наградил «Агамемнона» коалиции лишь военным орденом своей державы. Таковым был орден Марии-Терезии, названный в честь его основательницы. (Кстати, некогда Екатерина II взяла положения его статута за образец при основании российского военного ордена Св. Георгия.) Повелительница Священной Римской империи Мария-Терезия в 1757 году учредила орден для отважных воинов, разделенный в зависимости от заслуг на три класса, в честь разгрома у Колина под Прагой в ходе Семилетней войны считавшейся непобедимой армии прусского «короля-солдата» Фридриха II. Потому-то ее золотой вензель «МТІ» красовался в зеленом венке на оборотной стороне покрытого белой эмалью золотого четырехконечного креста со слегка уширенными концами, а на красном фоне центрального медальона лицевой стороны виднелась серебряная поперечная балка – герб родовых земель австрийского эрцгерцогства, окруженный латинским девизом-посвящением: «Храбрости» («FORTITUDINI»). (См. цвет. илл. 1.) Если

вначале кавалерами ордена Марии-Терезии становились лишь благородного происхождения подданные правителей Священной Римской империи за многолетнюю службу в армии, личные подвиги в бою и полученные раны, то уже в конце XVIII века начались исключения из правил. Высшей степени удостоился сначала прославленный гениальный полководец Александр Васильевич Суворов, затем цесаревич Константин Павлович, а незадолго до злосчастного Аустерлица – мудрый Михаил Илларионович Кутузов. Не обошел этой наградой австрийский император Франц I и английского фельдмаршала герцога Веллингтона, причем дополнительно дал герою Ватерлоо несколько крестов в запас, чтобы британец их раздал отличившимся на поле брани подчиненным по собственному усмотрению. Наконец, тогда же добился сей чести от своего союзника и российский самодержец. В колодке орденов русского государя Александра I пожалованный австрийским императором крест Марии-Терезии висел на полагающейся ему шелковой белой ленте с двумя широкими красными полосами по краям сразу после знаков русских воинских наград [68] .

Прусский орден Железного Креста

С золотым австрийским военным крестом в орденской колодке русского самодержца соседствовал, оправдывая свое название, висящий на черной с белой полосой по краям ленте, скромный железный крестик, покрытый черной эмалью и окаймленный тоненькой серебряной полоской. Появление его не было случайным. (См. цвет. илл. 1.)

В середине февраля 1813 года в Калише М.И. Кутузов подписал с прусским канцлером Гарденбергом трактат: восстановленное немецкое королевство опять становилось союзником России. Уже через три недели Фридрих-Вильгельм III выставил подвластное ему войско в 128 350 человек. После долговременной партизанской войны прусские войска наконец-то могли поквитаться с Наполеоном, унизившим и ограбившим их Родину. Специально для награждения заслуженных ратников 10 марта 1813 года король учредил Почетный Крест. Хотя обычно кресты занимали промежуточное положение между орденом и медалью, новый знак отличия назвали орденом Железного Креста, разделили его в зависимости от заслуг на три степени, а награждения им производили только в 1813–1815 годы, во время борьбы с Наполеоном.

Название ордена не было случайным. Поскольку золота и серебра в берлинской казне не было, основным материалом орденских крестов стало железо. Прусский архитектор и скульптор Карл-Фридрих Шинкель, разрабатывая проект новой награды, обратился к средневековому духовному католическому Немецкому ордену, ибо война за освобождение от наполеоновской оккупации заставила поверженные народы Европы, опираясь на исконные традиции и памятные славные события многовековой истории, спланиваться в самостоятельные нации.

И.-Ф. Кретлов. (Гравюра с Р.А. Шумана) Император Александр I и прусский король Фридрих-Вильгельм III

Черный цвет символизировал печаль по павшим за отчизну и по многочисленным жертвам войны, а белый напоминал, что мир достигался храбростью в бою, серебро же напоминало о мудрости. С 1814 года к кольцу Железного Креста отнюдь не случайно стали прибавлять золотые дубовые листья – эмблему доблести, мужества и чести, усиливающие значение награды. Еще в античности венок из дубовых листьев считался наградой воину, взявшему в плен противника, знаменовал заслуги тех, кто спас жизнь своих сограждан. Да и позже, в европейской геральдике дубовая ветвь означала силу и зрелость, листья этого царя деревьев символизировали военные достижения, а венок – военную славу У древних германцев дуб считался атрибутом силы как грозных верховных богов-громовержцев, так и милостивых божеств плодородия, да и старейшины народа проводили суды и советы, сидя под могучими дубами. Александр I, прицепляя к мундиру полученный в 1813 году от любимого союзника Железный Крест, подчеркивал, как он ценит сию награду. Но поскольку Прусское королевство по рангу считалось ниже Австрийской империи, этот орден [69] уступил первенствующее место в орденской колодке русского властителя кресту ордена Марии-Терезии.

«Новый австрийский орден» – Крест «В память войны 1813–1814 годов»

Австрийский император Франц I учредил в 1814 году в память минувшей кровопролитной антинаполеоновской кампании 1813–1814 годов для раздачи заслуженным ветеранам новую награду. Выглядела она как христианский крест, а по достоинству считалась выше медали, но ниже ордена. Однако именно ее петербургский мастер Франц Франк называет в своих счетах «новым австрийским орденом». Четырехконечный крест с уширенными концами дополнялся лентой «цвета дыма и пламени», то есть оранжевой с черной полоской по краю, чтобы напоминать не только о скорби по погибшим, но и об уважении к тем, кто на благо оставшихся в живых положил в жарких сражениях свои жизни на алтарь Отечества. Золото креста с обеих сторон прикрывала темно-зеленая эмаль, свидетельствующая как о ликовании победителей, так и надежде, что понесенные жертвы войны не были напрасны. Золотые литеры нанесенных на концы креста латинских изречений красиво оттенялись золотом обвивающего его лаврового венка победителей. С лицевой стороны из них составлялась фраза: «GRATI PRINCEPS ET PATRIA», то есть «Признательные государь и отечество», а ниже уточнялось, что этим государем был «августейший император Франц» («FRANC. IMP. AUG.»). Надпись же на обороте «EUROPAE LIBERTATE ASSERTA MDCCCXIII-MDCCCXIV» сообщала, что «Свобода Европы обеспечена в 1813–1814». Уже в 1815 году эта [70] награда разместилась в колодке на груди Александра I сразу после орденов, данных союзниками по антинаполеоновским войнам. (См. цвет. илл. 1.)

Прусская медаль «В память войны 1813–1814 годов»

Прусский король Фридрих-Вильгельм III решил не отставать от своего августейшего коллеги и, чтобы наградить участников освободительной войны с Наполеоном в кампании 1813–1814 годов, тоже учредил в 1815 году памятную медаль. Однако Пруссия не могла себе позволить тогда чеканить медали из благородных металлов, поэтому пришлось обратиться к бронзе. На лицевой стороне почетного знака, помимо четырехконечного христианского креста, осиянного небесными лучами, красовался лаврово-дубовый венок, окруживший незабываемые даты: «1813» и «1814». На оборотной стороне медали под увенчанным короной вензелем монарха-учредителя «FW» отчетливо читалась немецкая посвятельная надпись: «Прусскому храброму воинству» («Preussens tapfern Kriegern»), а по окружности шло изречение: «Gott war mit uns, Ihm sey die Ehre», то есть: «С нами был Бог, слава Ему». (См. цвет. илл. 1.)

Александр I получил от Фридриха-Вильгельма III такую медаль в 1815 году одним из первых, и она, подвешенная к присущей ей, также оранжевой с черной полоской по краю ленте, всегда завершала в орденской колодке российского самодержца ряд памятных военных наград союзников, сражавшихся с Наполеоном [71].

Шведский военный орден Меча

Через три месяца после знаменитой «битвы народов» 16–19 октября 1813 года, увенчавшейся победой над Наполеоном, в январе следующего года шведский кронпринц Карл-Юхан прислал любезное послание Александру I: «Великое событие произошло на равнинах Лейпцига, под стенами этого города, где собрались народы Европы, и Ваше Величество были Агамемноном достопамятной битвы. Швеция может предложить Вам лишь свой Меч и признательность... Меч, государь, – это наш Георгиевский крест. Смею надеяться, Ваше Величество соблагovolите принять эту дань Почтения» [72].

Чуть ранее русский государь уже стал кавалером престижнейших шведских орденов: древнейшего – Серафимов, возникшего еще то ли в XIII, то ли в XIV веке, и Полярной

Звезды, возобновленного в 1748 году. Но российскому самодержцу, несомненно, импонировало, что чисто военный Кавалерский орден Меча, учрежденный еще в 1528 году королем Густавом Вазой, предназначался «военному начальству в воздаяние за храбрость и долговременную почетную службу», а также «в пример мужества и доблести предков». Кроме того, невольно вспоминались параллели с русским военным орденом Св. Георгия, ибо никому «звание кавалера Большого креста ордена Меча никогда не дается, кроме как во время войны и в честь доблести, оказанной на пользу отечества, и ни один шведский король, наследник или наследственный принц никогда не имеет права возложить на себя и носить этот орден раньше, чем шведские войска под его командою победят в сражении» [73].

Первое время Александр I носил новую иноземную награду на груди в орденской колодке после прусского Железного Креста. Шведский крест военного ордена Меча (см. цвет, илл. 1), висевший на желтой ленте с голубой каймой, выделялся, помимо яркого и нарядного сочетания белой и синей эмали с золотом, избыточностью деталей. Золотой четырехконечный, покрытый с обеих сторон белой эмалью, крест с уширенными раздвоенными концами, дополненными золотыми шариками, был подвешен к большой золотой ажурной короне, подпираемой двумя скрещенными мечами. Золотые королевские короны разместились и между концами креста, а на синей эмали круглого центрального медальона три королевских венца («тре крунур») образовывали государственный герб Швеции, хранимый обнаженным мечом, готовым к наступлению и обороне, а посему направленным острием вверх. Меч красовался и на лазурном фоне медальона оборотной стороны орденского креста, но здесь над кончиком клинка сего грозного боевого оружия возносился лавровый венок, а все это великолепие увенчивалось латинским девизом: «За Отчизну» («PRO PATRIA») [74]. (См. цвет. илл. 2.)

Немного истории... Шалости аббатисы Кведлинбургской превращают наполеоновского маршала в шведского короля

Странным казалось награждение Александра I этим шведским военным орденом со стороны Карла XIII. Несмотря на родственные связи с династией Романовых, бывший герцог Зюдерманландский, называемый в пору Русско-шведской войны 1788–1790 годов екатерининскими солдатами «Сидором Ермолаичем», как и его брат-предшественник на троне Густав III ненавидел Россию, передав эту неприязнь августейшему племяннику. А тут еще захват могущественной соседней державой в 1809 году шведской Финляндии.

Однако история любит причудливые цепочки событий, приводящие к парадоксальному финалу. Началось все почти четыре десятилетия назад, когда у шведского короля Адольфа-Фредрика, двоюродного дяди русского императора Петра III, родились три сына и дочь. Казалось бы, династия обеспечена. Но Господь не посылал потомства ни старшему королевичу, восшедшему на отчий престол в 1771 году под именем Густава III Адольфа, ни его брату, герцогу Карлу Зюдерманландскому. Самый же младший принц, герцог Фредрик-Адольф Остроготский, так увлекся прелестями простой дворяночки Софии Хагман, что связал себя с желанной красавицей узами морганатического брака. Их сестру, принцессу Софию-Альбертину Шведскую, прочили в жены герцогу Петеру Голитинскому и даже обращались за содействием к Екатерине II, но как эти переговоры, так и прочие планы о замужестве королевны не увенчались успехом. Подходящей партии не нашлось, и жизнелюбивой бедняжке пришлось пойти в Христовы невесты. Правда, горькую пилюлю подсластили, сделав королевну-монахиню настоятельницей Кведлинбургского монастыря. Однако жизнь брала свое, и высокорожденная аббатиса чаще появлялась в священном месте своей постылой «службы», чтобы тайно разродиться незаконным отпрыском королевской крови от неизвестного отца.

Бездетные братья посовещались и решили выдать очередного ребенка, рожденного распутной сестрицей-игуменьей, за дитя, появившееся в семействе герцога Карла Зюдерманландского. Густав III уговорил свою пятнадцатилетнюю невестку, герцогиню

Гедвигу-Елизавету-Шарлотту, пойти на сей обман ради интересов династии Ваза и, как только королева-монахиня Альбертина забеременела, торжественно провозгласили народу, что ожидается прибавление семейства у брата короля. Юной герцогине день ото дня обкладывали живот все большим количеством подушек, в храмах возносили молебствия об ее благополучном вынашивании желанного ребенка и скорейшем разрешении от бремени.

Наконец настал желанный, предсказанный врачами день 24 октября 1775 года. Густав III подготовил пышный прием в честь появления на свет долгожданного кронпринца или, что тоже неплохо, кронпринцессы. В то время как аббатиса рожала за закрытыми дверями в спальне герцогини Зюдерманландской, собравшаяся для такого важного случая шведская знать, толпилась в соседнем покое, с нетерпением ожидая радостное известие. Неожиданно, ко всеобщему разочарованию, роды объявили неудачными.

Как хорошо, что дело происходило при шведском, а не французском дворе, где королевам, чтобы не было подмены и обмана, приходилось разрешаться от бремени в присутствии высокопоставленных придворных. Бедной герцогине Гедвиге-Софии-Шарлотте несколько дней пришлось, не вставая, провести в постели. Чуть позже докторов и повивальных бабок называли невеждами и шарлатанами, поскольку они, дескать, не распознали ложную беременность супруги Карла Зюдерманландского [75].

Но тайну при дворе сохранить трудно: на самом деле аббатиса Кведлинбургская успешно произвела на свет « маленького негра, самого черного и подлинного, какого только можно родить », отчего шведский король « чуть не умер от злости » , а узнавшая о скандальном происшествии при дворе « дорогого кузена » Екатерина II не смогла удержаться от смеха [76].

Густава III уговорили, после случившегося афронта, сблизиться с законной супругой Софией-Магдаленой Датской и к тому же прибегнуть к помощи рекомендованного вдовствующей королевой-матерью красавца-италмейстера Адольфа-Фредрика Монка (или, как эту фамилию произносят шведы, Мунка) . В 1778 году желанный кронпринц родился, а в четырнадцать лет, после гибели отца на придворном маскараде от руки казалось бы верного Анкаристрёма, взойшел на престол под именем Густава IV Адольфа.

Августейшая бабушка его, вдовствующая королева Ульрика Прусская, желала, чтобы в ее внучке все видели достойного властителя трона. Однако молодой король довольно часто поражал окружающих глупыми капризами и странными поступками. Это он, прибыв в 1796 году по приглашению Екатерины II в Петербург, вначале согласился на брак с великой княжной Александрой Павловной, внучкой « Северной Семирамиды », а затем не явился на торжественное обручение с « возлюбленной малюткой », заявив, что как верный лютеранин не потерпит православной жены. Случившееся вызвало у самодержицы « удар », а вскоре последовавший второй инсульт прекратил дни « Минервы Севера ». Взошедшему на долгожданный трон Павлу I, отцу несостоявшейся невесты, шведский монарх повторил те же объяснения, а вскоре женился на принцессе Фридерике Баденской, родной сестре жены цесаревича Александра Павловича.

Не рассчитав сил своего государства и не слушая советов свояка-самодержца, Густав IV вступил в войну с Наполеоном. А вскоре после Тильзита король, забыв о дипломатии, учудил оскорбительный возврат Александру I знаков высшего русского ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, дерзко написав в сопроводительном послании, что шведский монарх не может носить один орден с Бонапартом [77]. В ответ, воспользовавшись таким удачно представившимся случаем-предлогом войны, русские войска в ходе недолгой военной кампании захватили шведскую Финляндию. Не выдержав столь обидную потерю земель, шведская армия свергла с престола в марте 1809 года Густава IV, глупость которого, как говорили в народе, выдавала не совсем королевское происхождение ставшего чересчур непопулярным правителя.

На стокгольмском престоле его сменил родной дядюшка, герцог Зюдерманландский. К несчастью, Карлу XIII уже пошел седьмой десяток, а из-за старости и одолевавших его болезней новый шведский государь уже никак не мог рассчитывать на появление

наследника.

Пришлось в очередной раз выбирать наследника трона на риксдаге. Потеряв Финляндию, шведы стали мечтать о захвате, в случае удачного исхода войны с Данией, некогда утраченных земель Норвегии. В расчете на подобное приобретение избрали на престижное место немецкого принца Кристиана-Августа Августенбургского (1768–1810), главнокомандующего датско-норвежскими армиями, сражающимися со Швецией. Однако расчеты, что избранник принесет «в приданое» Норвегию, рассыпались в прах. Новоиспеченный кронпринц, успевший сменить свое имя Кристиан на многообещающее Карл, вскоре поехал на маневры, где неожиданно для всех скончался в мае 1810 года.

Шведское наследие оставалось вакантным. На сей раз в риксдаге мнения о возможных кандидатах так разделились, что о желанном консенсусе не приходилось и мечтать, ибо никак не могли прийти к единодушию. Тогда престарелый Карл XIII написал письмо к тогдашнему владыке Европы, всемогущему французскому императору, с просьбой подыскать ему достойную кандидатуру на стокгольмский престол. И тут произошло то, что в истории называют случаем.

Курьером в Париж отправился молоденький шведский лейтенант Карл-Отто Мёрнер. Однако прежде чем предстать пред ясны очи Наполеона, он заехал к маршалу Бернадоту. Оказывается, послание короля вез родственник полковника, хорошо запомнившего, как любезно и гуманно обошелся в 1806 году с ним и его солдатами и офицерами, попавшими в плен, сей наполеоновский полководец, правда, чуть не вторгшийся спустя два года после этого события вместе с весьма воинственно настроенными датчанами в Швецию. К тому же этому французскому вояке (вдобавок носившему после удачного для него сражения при Аустерлице титул владетельного князя Понтекорво), если риксдаг утвердит его кронпринцем, вполне по силам было бы вернуть Шведскому королевству не только Норвегию, но и только-что отобранную русскими Финляндию. Своеобразным знаком избранника Фортуны казалось и скандинавское имя сына Бернадота – Оскар, не просто заимствованное из ставших столь модными в начале XIX века благодаря Макферсону песен легендарного кельтского барда Оссиана, а данное волей судеб самим Наполеоном.

Итак, письмо Карла XIII, адресованное Бонапарту, попало к императору с небольшой задержкой. Зато Бернадот, не теряя ни минуты и соблюдая крайнюю осторожность, тайно отправился в русское посольство прямо к полковнику Александру Ивановичу Чернышеву, тогда исполнявшему скромную должность курьера по обеспечению взаимной секретной переписки Александра I и Наполеона. Маршал отлично знал, что светский красавец и ловкий танцор, (от которого были без ума дамы наполеоновского двора, начиная с Полины Боргезе, любимой сестры тогдашнего повелителя Европы, и даже прозвали любезника «Русским Казановой»), на самом деле являлся резидентом агентурной разведки в Военном министерстве Франции. Естественно, полковник Чернышев тотчас же доложил в Петербург о просьбе Бернадота заверить самого царя в особых симпатиях наполеоновского маршала к России.

Французский император, прочитав послание Карла XIII, несколько удивился, но, узнав вскоре от подчиненного ему военачальника о сделанных тому заманчивых шведских предложениях, при всей неприязни к Бернадоту не стал препятствовать карьерным планам своего родственника, приходившегося ему свояком.

В конце 1794 года «граф» Жозеф Буонапарте женился на некрасивой Жюли Клари, дочери богатого марсельского судовладельца, принесшей супругу хорошее приданое, а за ее прелестной сестрой Дезире стал ухаживать Наполеон. Несмотря на возражения папаши Клари, недовольно ворчавшего, что «с него достаточно одного Бонапарта», красавица отдала руку, сердце и свою невинность почти неизвестному тогда бригадному генералу. Кто же мог тогда предположить, что тот, став французским императором, посадит своего старшего брата сначала на Неаполитанский престол, а затем и на более престижный испанский.

Нежный возлюбленный, как тогда было модно, называл свою невесту другим ее

тайным крестным именем – Эжени. Но нареченная напрасно заклинала обожаемого жениха, уезжавшего в апреле 1795 года в Париж, дабы тот исполнял « так же хорошо клятву, данную тобою мне, как я исполняю клятву, данную мною тебе » [78] . Увы, Наполеон изменил своей суженой. Чары Жозефины Богарне (да и карьерные соображения) заставили его почти забыть о брошенной Дезире-Эжени Клари, однако муки совести о зле, причиненном беззаветно преданной ему девушке, никогда не оставляли корсиканца, изменившего прежним любовным клятвам. А через три года бывшая невеста Наполеона вышла замуж за его вечного тайного соперника и скрытого врага, Жана-Батиста-Жюля Бернадота, сына писаря из города По.

Французский император ради незабвенной Эжени многое позволял ее мужу, хотя и знал, что характер у хитреца Бернадота « был самый несносный; педант и зануда <...> рассчитывал свои поступки с точностью арифмометра, искусно скрывая свою игру » . Наполеон прощал коварному и лживому шурина « все его ошибки за время Империи » и не случайно в конце жизни признал: « Если Бернадот был французским маршалом, князем Понтекорво и королем, то причина этому – его брак » [79] .

Лукавец перед отъездом в Швецию подписал грамоту об освобождении от каких бы то ни было обязательств перед своей прежней отчизной и ее венценосным патроном, однако, разыграв « родственное » негодование, заставил Наполеона исключить из сего весьма важного документа пункт о запрещении новоиспеченному иноземному кронпринцу вступать в любые антифранцузские союзы и воевать против бывшей родины.

В ноябре 1810 года Бернадот, сменивший свое имя на Карл-Юхан, а католическую веру на протестантскую, наконец-то приехал в Стокгольм. Окончательно поняв, что счастье Швеции зависит от мира с Россией, кронпринц, почти полновластно правя страной при немощем Карле XIII, уже в апреле 1812 года заключил с соседней могущественной державой союзный договор, а через год высадился с войском в Германии, где начал успешно командовать сотысячной Северной армией коалиции.

Де Лоза. Наполеоновский маршал Жан-Батист-Жюль Бернадот. 1806 г.

В 1815 году, после битвы при Ватерлоо, Наполеон Бонапарт окончательно потерял императорский престол и жил изгнанником под надзором англичан на далеком острове св. Елены. В 1818 году его бывшая невеста Эжени-Дезире стала королевой шведов, готов и вандалов Дезидерией, а его вечный соперник-маршал, после коронаций в Стокгольме и Христиании (Осло) – правителем « Объединенных королевств Швеции и Норвегии » Карлом XIV Юханом, на чьей руке от якобинского прошлого так и осталась татуировка: « Смерть тиранам » . Зато на монетах отныне чеканили новый герб: теперь в овальном центральном щитке к « снопу » прежнего шведского королевского рода Ваза слева присоединился « горбатый мост » князя Понтекорво, над коим так и продолжал парить наполеоновский орел. Потомки августейшей супружеской четы, оказавшейся благодаря Великой Французской революции и сложным перипетиям судьбы на древнейшем скандинавском троне, восседают на нем до наших дней, традиционно сохраняя нейтралитет в отношениях с Россией, ибо основатель династии некогда дал священный обет ничего не предпринимать, что было бы неприятно России.

Своеобразное благословение императора

Данный Александру I «высоким и могущественным» кронпринцем Карлом-Юханом орден Меча состоял из непременных креста, звезды и ленты, но к сим знакам еще прибавился миниатюрный меч. Он, как будто соскочивший с медальона орденского креста, дополнительно символизировал первую степень высокой шведской награды [80]. (См. цвет. илл. 2.) Уже с конца 1814 года вместо громоздкого креста в орденской колодке, Александр I стал подвешивать крошечный меч острием вверх к пряжке ленты английского ордена Подвязки, обвивающей зубцы звезды высшего русского ордена Св. Апостола Андрея Первозванного.

Однажды, летом 1816 года, во время одного из вояжей Александра I по Смоленщине, соединительное колечко под тяжестью орденской подвески, вероятно, слегка разжалось. Упавший на землю знак шведского военного ордена – снабженный с обоих концов ушками для пришивания серебряный меч, в палец длиной, да еще и плоский с одной стороны, – нашел в траве дворянский недоросль, увидевший, как что-то блестящее слетело с груди самодержца, направившегося помолиться в храм, пока перепрягали лошадей на почтовой станции. Мать мальчика почтительно отдала сыновнюю находку обожаемому монарху, а благодарный Александр I повелел даже не одного, а обоих отроков бедной помещицы-вдовы отправить на учебу на казенный кошт в 1-й Петербургский кадетский корпус. Облагодетельствованной женщине, обомлевшей от восторга при мысли, что ее дети получают образование, император, мило улыбнувшись, вернул крошечный меч, прибавив, чтобы она сохранила сей подарок, а когда ее старший сын получит эполеты, отдала бы состоявшемуся офицеру знак иноземного ордена в воспоминание о памятном дне.

Прошло восемь лет, и новоиспеченный прапорщик гренадерского саперного батальона приехал в родимое поместье Коптево под Смоленском. Внимательного рассмотрев своеобразный презент государя, молодой двадцатилетний офицер (а им был Константин Дмитриевич Глинка) решил, обломав одно из ушек, превратить меч в нательный крест. Вплоть до своей отставки в чине поручика, кавалер ордена Св. Анны III степени и Св. Владимира IV степени с бантом носил благословение Александра I на ратные подвиги на рубашке под мундиром. Чтобы и затем не расставаться с мемориальной вещью, заслуженный офицер поместил ее на обратную сторону настольного зеркальца для бритья. После смерти Константина Дмитриевича оно перешло по наследству к его сыну Павлу, тоже избравшему военную стезю.

Новый владелец предпочел размонтировать отцовское зеркальце, считая, что оно не совсем достойное место для знака шведского военного ордена Меча, украшавшего некогда грудь самого императора Александра I Благословенного. Желая увековечить дату получения в феврале 1857 года офицерского чина, Павел Константинович Глинка заказал московскому ювелиру исполнить серебряный портсигар, обильно украшенный чернью. Отныне меч-крест, помещенный рукояткой вверх и окруженный дюжиной крошечных выпуклых кружков, символизировавших космический порядок и спасение, красовался в миндалевидном медальоне на крышке сей драгоценной вещи. С другой ее стороны мастер поместил также перенесенную с отцовского зеркальца золотую изящную монограмму «КГ» (Константин Глинка), увенчанную дворянской короной [81]. Памятную реликвию, дожившую до наших дней, и донныне бережно сохраняют потомки обоих офицеров.

Уже в XX веке прославил свой род Владислав Михайлович Глинка (1903–1983), сотрудник Государственного Эрмитажа, великолепный знаток русской военной истории, блестящий специалист, отлично помнивший множество забытых деталей дореволюционного военного быта. И, может быть, отнюдь не случайно музейный хранитель всегда особенно трепетно относился к эпохе Александра I.

Поднесение всероссийскому самодержцу престижного британского ордена Подвязки

30 июня 1813 года британский принц-регент от имени своего отца, полубезумного короля Георга III, подписал указ о пожаловании главе антинаполеоновской коалиции одного из самых древних и престижных европейских орденов. По прошествии трех месяцев в небольшой немецкий городок Теплиц приехала из туманного Альбиона важная депутация, состоявшая из трех знатнейших кавалеров, официала и четырех сержантов ордена Подвязки, дабы со сложившимися издревле традициями вручить его знаки вместе с соответствующей грамотой императору Александру I.

В памятный день 27 сентября, совпавший с очередной годовщиной коронации, российский монарх, облачившись в великолепный костюм вручаемого ордена, ожидал делегацию в своих покоях. Каждый из флигель-адъютантов самодержца уже благоговейно держал наготове в руках по красной бархатной подушке, обшитой широким золотым галуном с золотыми кистями по углам. На сих «подносах» располагались неперменные знаки ордена Подвязки: заканчивающаяся пряжкой голубая ленточка с вышитым золотом орденским франкоязычным девизом «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» («Noni soit qui mal y pense») (см. цвет, илл. 3), цепь с подвеской-фигуркой Св. Георгия, восьмиугольная звезда с алым крестом воина-великомученика (см. цвет, илл. 4), темно-синяя лента, кольцо, золотые шпоры и, наконец, шапка из синего бархата с витым шнурком и золотыми кистями. Обряд поднесения ордена прошел торжественно и чинно. Грамоту отослали в далекий Петербург, в Министерство иностранных дел, а протокол, подписанный после пышной церемонии, за коей внимательно наблюдала многочисленная военная свита царя, незамедлительно отправили в Лондон для бережного хранения в анналах канцелярии ордена.

На следующий день новый кавалер появился на торжественном обеде в честь свершившегося события, и тут произошел конфуз: русская военная форма предусматривала по уставу натягивать на ноги сапоги, и драгоценная голубая подвязка оказалась застегнута, нарушая орденский статут, не под, а над левой коленкой самодержца.

Благодарный Александр I пожаловал 16 сентября 1813 года в ответ принцу-регенту высший русский орден Св. Апостола Андрея Первозванного. Однако усыпанных бриллиантами орденских креста и звезды вкупе с голубой лентой любителю обвешивать себя всевозможными орденами, как отечественными, так и зарубежными, показалось мало. Будущему Георгу IV не терпелось непременно пощеголять в мантии и цепи Андреевского ордена. Престижную же цепь при петербургском Дворе вплоть до указа 1842 года давали лишь российским кавалерам, причем исключения из существующего правила случались крайне редко: в 1800 году ее даровали лишь «неаполитанскому министру Серра-Каприола», чей дом в «Северной Пальмире» был своеобразным штабом роялистов против узурпатора французского престола, а через четверть века подобной чести удостоились вершители австрийской политики князь Меттерних и граф Стадион [82]. Потому-то столь неприличное для фактического повелителя Альбиона выпрашивание дополнительных знаков иноземного ордена неприятно поразило Александра I.

Застегивать пряжкой синюю ленточку даже чуть выше сапога над левой коленкой в походных условиях было не совсем ловко. Носить остальные знаки причастности к столь высокой британской награде было еще затруднительней, однако по статуту ее кавалеру обязательно требовалось показать свою причастность к ордену Подвязки.

Тогда Александр I решил в 1813 году объединить две восьмиугольные звезды высших иноземных орденов, которыми его успели наградить, в одну. Не исключено, что ее эскиз разработал сам русский самодержец, а высочайший заказ воплотил в драгоценном металле, скорее всего, именно петербургский мастер Франц Франк. В центре этой звезды вместо алого креста Св. Георгия красовался черный прусский орел, а вокруг круглый щиток окаймляла покрытая синей эмалью ленточка с девизом английского ордена Подвязки, как бы заканчивающаяся пряжкой [83]. (См. цвет. илл. 5.)

Но, вероятно, властителям Альбиона не понравилось подобное соседство их древнего ордена с каким-то орденом Чёрного Орла, учрежденным лишь в 1701 году да еще и в честь

провозглашения Бранденбургского курфюршества Прусским королевством. Правда, латинский девиз «Suum cuique» (или «Suum quique») высшего ордена берлинских правителей, читавшийся в немецком переводе как «Jedem das Seine» и означавший: «Каждому свое», в XX веке стал известен всему миру.

Тогда Александр I присоединил к своей орденской колодке недавно пожалованный ему прусский военный орден Железного креста, только что основанный драгоценным сердцу государя союзником. В щитке же особой Андреевской звезды отныне, как и полагалось, красовался русский имперский двуглавый орел, а вокруг по-прежнему виляла синяя эмалевая ленточка с золотым франкоязычным девизом «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает». (См. цвет. илл. 6.)

Четырежды в счетах Франца Франка, поданных в «Гардероб Его Императорского Величества» только в 1819 году, отмечалось, что петербургский умелец за 25 рублей «Андреевскую звезду обновил и в ленту финифть припустил», причем переделка «части ленты» с последующим нанесением эмали встала заказчику вдвое дороже. Одновременно наносилась финифть и на реставрируемую Александровскую звезду (обычно отличавшуюся от Андреевской лишь девизом и изображением в медальоне), но о какой бы то ни было ленте нет ни малейшего упоминания. Столь примечательное различие в формулировке и позволило московским исследователям-хранителям предположить, что именно этому столичному искуснику вплоть до его смерти принадлежала честь создания совмещенных орденских звезд [84].

Немного истории... Прототип английского ордена Подвязки – чулочная подвязка прекрасной дамы или импровизированный штандарт полководца?

Уже на протяжении почти семи столетий многих смущает загадка гривуазного названия, не говоря уже о странном девизе и нескольких, противоречащих друг другу версиях возникновения сего английского ордена.

Казалось бы, спустя почти два века после учреждения высочайшей награды, Генрих VIII в первых же строках ее статута, уточненного им 23 мая 1522 года, велеречиво объяснил: «Счастливейший государь Эдуард, третий этого имени, король Англии и Франции, господин Ирландии» и прочих земель, «к славе всемогущего Господа и благословенной и непорочной Девы Марии и благословенного мученика Св. Георгия, хранителя справедливого благородного королевства Англии, и Св. Эдуарда, короля и исповедника, для прославления святой католической веры повелел, организовал, создал и основал в замке Виндзор союз 26 благородных и достойных рыцарей, которые стали орденом Св. Георгия, называемого орденом Подвязки» [85].

По официальной легенде, в 1346 году английский монарх Эдуард III перед началом битвы при Креси снял голубую ленточку со своего костюма и, привязав ее к концу копья, поддал сим импровизированным штандартом знак к сражению. Благодаря скорострельным лукам британской пехоты, шедшей в бой с кличем «Святой Георгий!» под грохот впервые примененных бомбард, обстреливавших противника маленькими железными ядрами, бой завершился сокрушительным разгромом цвета французского рыцарства.

Но почему голубая ленточка имела пряжку, а, главное, что за позор окружал содеянное, о котором должно вспоминаться нечто плохое, ибо девизом ордена Подвязки оказались странные для одержанной ратной победы слова: «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает»? (См. цвет. илл. 3.)

Лучше объясняет загадочную фразу другое предание о возникновении ордена. У танцевавшей на придворном балу возлюбленной того самого короля Эдуарда III неожиданно слетела подвязка, поддерживавшая чулок. Окружающие, увидев столь пикантное событие, не смогли удержаться от смеха. Тогда король поднял ленточку с пряжкой, только что обвивавшую обворожительную ножку обожаемой им дамы, и, нацепив оброненную подвязку

под колено своей более близкой к сердцу левой ноги, громко произнес на французском языке, принятом со времен Вильгельма Завоевателя при английском дворе: « *Noni soit qui mal у pense* », то есть: « Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает ».

Случилось это происшествие в эпоху « куртуазного » поклонения даме, когда жизненным идеалом подлинного рыцаря считалась чистая и самоотверженная любовь с ее полной томления благородной верностью и почтительным служением предмету обожания. Потому-то с владычицей сердца следовало быть подлинно любезным (как тогда говорили, « куртуазным ») кавалером, и ни в коем случае не представлять перед ней неотесанным унылым грубияном, не знающим придворных приличий и добродетелей.

Эдуард III, остановив насмешников, лишь исполнил неукоснительный долг подлинного рыцаря – отстаивать честь своей возлюбленной перед окружающими. Недаром чуть позднее подвязку Прекрасной Дамы король превратил в знак принадлежности к престижному ордену, и не случайно ленточка имела голубой цвет, символизировавший благородную верность.

К тому же монарх, считавший себя по матери последним законным Капетингом, в предверии грядущей войны за французское наследство отнюдь не просто так выбрал Виндзор для учреждения ордена Подвязки, кавалерами коего провозгласил помимо себя и своего престолонаследника, только две дюжины не только благороднейших, но и самых достойных и верных своих дружинников. При Эдуарде III расцвел настоящий культ основанного, по преданию, этот величественный замок легендарного короля Артура, могущественного повелителя, подчинившего себе всю Британию и часть Франции. Помня о своем знаменитом предшественнике, царствующий теперь монарх не только разбавил в 1341 году на целую четверть французскими золотыми лилиями, красующимися на лазурном фоне, красное поле государственной печати с важно шествующими по нему золотыми английскими львами. Лишь в 1801 году, почти через пять столетий, повелитель Великобритании Георг III наконец-то перестал включать в свой титул сакраментальные слова: « *король французский* ». По-боевому же настроенный Эдуард III не забыл поставить в Виндзоре новый « *Круглый стол* » для ежегодного размещения за ним в праздник Пятидесятницы трехсот рыцарей. Счастливые избранники судьбы, особенно удостоенные чести стать кавалерами ордена Подвязки, подражая героям модных романов и вспоминая о легендарных деяниях знаменитых рыцарей короля Артура, клялись в исполнении всевозможнейших обетов и жаждали свершения великих подвигов отнюдь не только в поисках почета и славы, но большие ради возвеличения имен прекрасных избранниц своего сердца [86].

Рыцарские ордена, увековечивавшие преклонение их куртуазных основателей перед обожаемыми возлюбленными, в то время были в Европе не редкость. Савойский герцог Амедей провозгласил в 1362 году орден Ленты, или Шнура, знаком которого сделал свитую из золотой проволоки « восьмерку », а подобные узлы по давнему обычаю сплетали из своих локонов девушки Савойи для подарка любимым. Спустя два столетия его переименовали в орден Благовещения, чтобы завуалировать подлинное значение кажущегося теперь неприемлемым первоначального названия. С золотой цепи, составленной из звеньев-плетенок, именуемых « узлами любви », отныне свисала крупная подвеска такого же рисунка, причем в центре ее располагалась сцена Благовещения: Архангел Гавриил возглашал Пречистой Деве, что та станет матерью Искупителя человечества. Казалось бы, действительно орден учрежден « в честь Бога, Девы Марии и пятнадцати ее радостей, а также всего Царства Небесного », но настораживала аббревиатура: « *FERT* », заменяющая девиз. Латынь загадочного сокращения расшифровывали трояко: то « *Союзом и благочестием соединяются* » (*Foedere et religione tenetur*), то « *Его отвага спасает государство* » (*Fortitudo eius republicam tenet*), то совсем странно: « *Его отвага спасает Родос* » (*Fortitudo eius Rhodum tenuit*).

Вероятней всего, савойский герцог Амедей VI, прославившийся обороной острова Родос от турок, однажды получил от повелительницы своего сердца свитую « восьмеркой »

прядь волос и радостно воспринял сию « счастливую весточку » как знак того, что обожаемая дама, объята обуревавшей ее ответной страстью, готова увенчать любовью храбрость и бесстрашие верного рыцаря. А поскольку по-итальянски слово *Annunziata* означает и Благовещение, и женское имя, не исключено, что возлюбленную герцога звали Аннунциатой. Забавно, но этот орден со столь благочестивым названием получил в 1815 году от Сардинского короля за победу над Наполеоном русский император Александр I, большой любезник и « очарователь сердец ». Была и еще одна любопытная особенность у ордена Аннунциаты (Благовещения) : он давался по преимуществу коронованным особам, а кавалеру не столь высокого происхождения при награждении даровался титул « кузена короля » (*cousin du roi*) [87] .

А в начале XV века роскошная копна рыжих кудрей прелестницы послужила предлогом появления при дворе герцогов Бургундских знаменитого ордена Золотого Руна, хотя в самой Англии нравы к тому времени сильно погрубели. Лордам, сначала сражавшимся целое столетие с Францией за трон, якобы « незаконно » занимаемым семейством Валуа, а затем погрязшим в междоусобной войне Алой и Белой роз из-за распри Ланкастеров и Йорков, было не до поклонения прекрасным дамам. А чтобы окончательно забыть о гривуазной истории, случившейся при дворе Эдуарда III, особо ревностные моралисты дошли до утверждения, что голубая ленточка ордена Подвязки символизирует « пояс Богородицы », совершенно не замечая сложившегося противоречия. Если кавалерственные дамы вполне могли носить над локтем левой руки эмблему непорочности Девы Марии, то уж кавалерам никак не приличествовало спускать ее под колено, ибо отцы церкви учили: все, что находится ниже пояса, – греховно.

Голубая ленточка с позолоченной, а то и с золотой пряжкой теперь означала лишь принадлежность к ордену Св. Георгия, небесного покровителя британских воинов. И вот уже Генрих VIII, первый английский монарх из рода Тюдоров, позаботился, чтобы кавалеры ордена Подвязки носили на груди подвеску, изображающую святого всадником, поражающим копьем дракона. Объемную фигурку великомученика, подвешиваемую к шейной цепи из двадцати шести звеньев, называли « Большим Георгием » (*The Great George*) . Вожделенную цепь запрещалось украшать драгоценными камнями, зато она блистала пестротой разноцветных эмалей. В медальонах ее звеньев, поскольку королю хотелось подчеркнуть преемственность его новой династии, объединившей роды Ланкастеров и Йорков, чередовались алые и белые розы, окруженные темно-голубой подвязкой с золотым девизом, а разделяли их золотые узлы, переплетенные восьмеркой (« *Lacs d'armoiries* »), отныне обозначавшие братство рыцарей ордена и их верность суверену.

Следующий венценосец Генрих VIII подчеркнул в обновленном им в 1522 году орденском статуте, что главой благороднейшего ордена Подвязки отныне и навсегда являются короли Англии, должны карать собратьев-рыцарей, обвиненных или просто заподозренных « в ереси против Христианской католической веры » [88] . Однако сей монарх, через какой-то десяток лет совсем потеряв голову из-за обуревавшей его страсти к восхитительной соблазнительнице Анне Болейн и желания « законно » обладать чаровницей, ввел протестантское англиканское вероисповедание, отчего сам выступил нарушителем, « достойным упрека ».

Через полтора века к знакам ордена Подвязки присоединяется овалный медальон с изображением святого патрона, называемый « Малый Георгий » (*The Lesser George, Sash badge*) . Кавалеры носили его на синей ленте, надевавшейся через левое плечо.

В 1626 году король Карл I вводит для ношения на левой стороне груди восьмиконечную серебряную звезду, в центре которой красный прямой крест Св. Георгия выделялся на белом фоне диска, окруженного голубой подвязкой с орденским девизом. (См. цвет. илл. 4.)

Тогда же этот государь повелел, чтобы отныне знаки ордена Подвязки после смерти кавалера возвращались к английскому королю, причем цепь скончавшегося переходила к новому рыцарю с приложением описания истории этой цепи и перечня ее владельцев.

Принадлежащую Александру I орденскую цепь английский король Георг IV передал в

1827 году в знак преемственности политики русскому императору Николаю I. Зато после смерти этого самодержца его цепью ордена Подвязки королева Виктория, чтобы сильнее уязвить взошедшего на русский престол Александра II, пожаловала французского императора Наполеона III, союзника Великобритании по Крымской войне.

Избранный ряд наград от «Георгия» до «Георгия» запечатлевают художники

Лучшие портретисты тщательно запечатлевали на мундире Александра I воинские награды победителя Наполеона, причем для правильности написания художникам обычно выделялся нужный комплект «гардеробных» орденов, напоминающих не только о личной доблести самодержца, но и отражающих заключенные им военные союзы. Правда, долгое время на костюме государя сиротливо красовались только Георгиевский крест, который полагалось «никогда не снимать», да статусная звезда высшего отечественного ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, учрежденного в честь патрона русской земли. Позже именно русский орден Св. Георгия всегда начинал избранный ряд наград союзников за освобождение Европы, завершавшийся теперь похожим на своеобразный «букет» объединением Андреевской звезды с обозначениями английского и шведского орденов, практически посвященных тому же христианскому великомученику, ставшему небесным покровителем земных воинов.

При позировании Александра I в Вене в 1815 году прославленному Жану-Батисту Изабе, государю весьма понравилось, насколько умело схватил характерные черты его облика придворный художник свергнутого Наполеона. Самодержец, пораженный достигнутым сходством, не только повелел отправить в далекий Петербург шедевр французского живописца, но и объявил сей портрет образцом для написания с него изображений императора, помещаемых в жалованные табакерки и перстни. А чтобы не срамиться перед иноземцами, получающими подобные подарки, государь распорядился преимущественно вставлять в них миниатюры, заказываемые у присланного ради этого в русскую столицу Жана-Анри Беннера, одного из лучших учеников парижского искусствника.

В июле 1817 года в «Северную Пальмиру» доставили написанные еще пару лет назад в Париже два больших парадных полотна Франсуа Жерара. Русский государь, «вождь бессмертной коалиции, стяжавший славу умиротворителя вселенной», стоял на фоне романтично клубящихся грозных облаков, устремив свой задумчивый взор куда-то вправо и крепко сжимая левой рукой ослепительно сверкающий эфес шпаги. На левой стороне мундира «Агамемнона Европы» пестрели воинские награды, а среди каменных валунов у ног русского императора лежала небрежно отброшенная шляпа с пышным султаном из белых, черных и золотистых перьев.

Не менее эффектно изобразил главу Священного союза своей быстрой кистью и английский художник Джордж Доу, приехавший в Россию весной 1819 года, дабы по желанию самодержца запечатлеть для последующих поколений лица сотен выдающихся героев, свершивших во время славной кампании 1812–1814 годов много подвигов ради победы над грозным врагом. Прославленный британец написал посетившего его ателье Александра I на фоне голубеющих далей идиллического пейзажа, причем грозные тучи над головой монарха теперь почти рассеялись, уступив место золотистым от зари облакам с проплешинами лазури небес. Чуть заметна благожелательная улыбка, играющая на устах государя, галантно держащего в левой руке свою треуголку, а на его мундире блистают исполненные Францем Франком воинские награды, выписанные не только тщательно, но и со скрупулезной верностью в мельчайших деталях. Доу не забыл дополнить их парадный ряд австрийским и прусским знаками, учрежденными в память славных сражений 1813–1814 годов, а также жертв, принесенных на алтарь Отечества [89]. (См. цвет. илл. 31.)

Но недолго провисело творение англичанина в торжественно открывшейся 25 декабря 1826 года Военной галерее, расположившейся в Зимнем дворце рядом с Тронным залом и

Большим собором. Почти сразу оно было современниками признано неудачным из-за «нерадивого» рисунка и пренебрежения правилами линейной перспективы, а главное, из-за отсутствия сходства с Александром I. Спустя 12 лет на почетном месте оказалась работа считавшегося в середине XIX века гениальным «королевско-прусского» придворного художника Франца Крюгера, весьма ценимого Николаем I. Берлинскому чудодею удалось написать удивительно похожий портрет победителя Наполеона, руководствуясь лишь работой Джорджа Доу и довольно хорошей маской, снятой с лица покойного самодержца, а также присланным в столицу Пруссии генеральским мундиром Александра I. И вот уже «Агамемнон Европы» уверенно держит поводья гарцующего под ним серо-белого красавца-коня Эклипса, в 1808 году подаренного государю самим Наполеоном при Эрфуртском свидании, а спустя шесть лет въехавшего со своим хозяином в покоренный Париж, виднеющийся на картине кисти Крюгера глубоко внизу в долине, лежащей за царственным всадником. На сей раз блеск точно воспроизведенных военных наград и золота пышных эполет венценосца усиливается нарядным соседством с ними красиво переливающейся голубой муаровой Андреевской ленты [90].

Ж.-Б. Изабе. Император Александр I. 1815 г.

Холст же Джорджа Доу переместили в мемориальный Александровский зал, готика которого увековечивала рыцарственный Священный союз монархов Европы, а о событиях войны 1812–1814 годов и доблести русских ратников напоминала воспроизведенная на стенах в медальонах из папье-маше знаменитая серия медалей, исполненных графом Фёдором Петровичем Толстым. Великолепие памятного зала неоднократно запечатлевали

художники. Творение британца, оказывается, находилось прямо под аллегорическим изображением Александра I в образе Родомысла – славянского божества мудрости и красноречия, покровителя законов и дарителя благоденствия селениям, а также охранителя от грозивших опасностей. Император всероссийский, царивший в первой четверти XIX века, облачен поэтому в «военный древний славянский костюм», дополненный шлемом, в деснице августейший правитель сжимает боевое копьё, а левой рукой придерживает круглый щит.

Забавно, но благочестивый ханжа, князь Александр Николаевич Голицын, будучи министром народного просвещения, не преминул охаять идею скульптора, поскольку помазаннику Господню придали черты вовсе не уже ставших привычными богов-олимпийцев, как Юпитер и Марс, или хотя бы легендарного героя древности Александра Македонского (в честь коего и назвала своего первого внука Екатерина II), а какого-то «баснословного» языческого божества. Восемь десятилетий сохранял свой облик Александровский зал. Однако, когда в 1923 году в нем устраивали выставку оружия, знамен и амуниции, комиссар Эрмитажа и Зимнего дворца Григорий Степанович Ятманов, совмещавший заодно должности заведующего Музейным отделом и председателя Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, распорядился убрать портрет Александра I. Бывший выпускник петербургской школы Общества поощрения художеств таким образом боролся с наследием ненавистного царизма, чтобы уничтожить память даже о славных событиях русской истории, происходивших при «кровавых и недалеких тиранах», а членам Совета Эрмитажа тогда оставалось только выразить сожаление «по поводу снятия портрета, отвечающего декоративной цельности зала» [91]. И лишь по прошествии еще восьми десятилетий творение английского живописца вернулось на свое законное место.

Теперь продолжим рассказ о ювелирах и их творениях.

Последователи дела Франца Франка

Осенью 1819 года, когда Джордж Доу писал портрет Александра I, мастер Франц Франк скончался, но дело его продолжала крепко держать в своих изящных ручках верная супруга Софья-Шарлотта. Она давно была достаточно самостоятельна в своих действиях. Еще в мае 1812 года «у жены золотых дел мастера Франка» третьим отделением Кабинета Его Императорского Величества был куплен овальный бриллиантовый перстень с акваарином. И хотя в Петербурге в начале XIX века известны были еще два мастера-однофамильца, бывшие членами столичного иностранного цеха ювелиров, продавщицей, вне всяких сомнений, выступила именно Софья-Шарлотта. Ведь датчанин Христиан-Людвиг Франк работал в «Северной Пальмире» лишь с 1797 по 1808 год, а пришедший в 1798 году с паспортом из Данцига Иоганн-Карл Франк так и скончался старым холостяком в 1836 году, прожив до шестидесяти девяти лет.

Уже 19 ноября 1819 года, вскоре после похорон своего благоверного, Софья-Шарлотта Франк подала подписанный ею счет в Гардероб Александра I. Новая хозяйка успела не только сделать «новый Георгиевский крест», но и «обновить» две Андреевские звезды, два прусских Железных креста, «Австрийский» орден и орден Марии-Терезии, да еще «Шведский» орден, не говоря о другом Георгиевском кресте с испорченным медальоном. А через год последовала просьба безутешной «жены-вдовы» в иностранный цех, чтобы

позволили в Монетном департаменте налагать на работы ее мастерской клеймо, вероятней всего, оставшееся от покойного супруга [92] .

Какое-то время на новую владелицу мастерской продолжал работать ученик Карл Линдеус, закончивший обучение ремеслу в 1822 году. Однако бедному юноше, несмотря на старания, так и не удалось впоследствии выбиться в петербургские мастера, чтобы на законных основаниях пользоваться клеймом-именником «СL» [93] .

Серебряных дел мастер и гравер Карл-Андерс-Фредрик Лаксон (Лаксен)

Зато такое клеймо украшает работы петербургского мастера Карла-Андерса-Фредрика Лаксона. Он родился 22 апреля 1794 года в Кирксблетт. Восемнадцатилетнему юноше удалось 15 января поступить в ученики к гельсингфорскому мастеру Мартину Фалльштрему, а уже 6 июля 1816 года Карл Лаксен стал подмастерьем, а через год – и мастером. В поисках работы талантливый и предприимчивый серебряник переезжает в Выборг, где становится компаньоном Августина Вальберга, но в этом старинном городе он не задерживается. Появляется Карл Лаксен в 1820 году в Петербурге, где активно работает более сорока лет, получая заказы даже от высочайшего Двора, ибо именник «СL» украшает орденские звезды российских орденов Св. Александра Невского и Св. Владимира, которые носил сам всероссийский самодержец Николай I.

С 1837 года серебряных дел мастера чаще называют гравером. Став достаточно зажиточным, Карл Лаксен с 1851 года держит магазин в Смольном. Но после смерти в 1857 году жены, уроженки Свеаборга Гедвиги-Софии Зерновски, жизнь пошла наперекосяк. В 1860 году магазин пришлось закрыть с потерей мастером своего права гражданства. Испытав крах своей карьеры, разоренный Карл Лаксен скончался 26 декабря 1864 года, пережив любимую супругу лишь на 7 лет [94] .

Егор Помо исполняет заказы императоров Павла I и Александра I

Придворные заказы на серебряные вещи теперь от фабриканта Ивара-Венфельта Бука перешли к Георгу-Фридриху Помо, которого предпочитали на русский лад именовать «Егором», а иногда даже называли на французский манер «Жоржем».

Он родился в Петербурге у золотых дел мастера Германа-Фридриха Помо, проживавшего в 1774 году «во 2 Мещанской в доме медника Барбо». После обучения тайнам профессии у родителя Георг-Фридрих Помо стал в 1787 году подмастерьем и поселился со своим сотоварищем Фридрихом-Карлом Реймером «во 2 Мещанской под № 379». Между тем

дела отца пошли настолько хорошо, что он сумел приобрести собственный особнячок на той же улице, только под № 307. Не исключено, что какое-то время (вплоть до середины лета 1792 года) Герману-Фридриху Помо помогал в работе его жилец – золотых дел подмастерье
Иоахим Диринг.

В 1797 году молодой Георг-Фридрих обрадовал отца, наконец-то получив статус серебряных дел мастера, причем талант и деловую хватку новенького настолько быстро оценили его коллеги по иностранному цеху, что всего через полтора десятилетия, в 1811 году избрали знатока избранной им профессии помощником старосты. Покинул сей мир прославленный серебряник Егор Помо не ранее 1825 года [95].

Блестящее начало карьеры: жезлы герольдов Российского Кавалерского Ордена

Вероятно, уже в подмастерьях Георг-Фридрих Помо зарекомендовал себя высококлассным специалистом, а поэтому «свежеиспеченному» серебряных дел мастеру сразу же поручили весьма ответственный заказ.

Короновавшийся торжественно и с большой помпой в Москве 5 апреля 1797 года Павел I утвердил в этот день не только порядок престолонаследия, собственноручно возложив серебряный, сделанный Иваром-Венфельтом Буком, ковчег с этим важным документом в Успенском соборе, но и подписал установление об императорских русских орденах, согласно коему, все они объединялись в единый Российский Кавалерский орден.

Обязанности господ кавалеров были именно рыцарские и христианские: защита убогих, сирых, неимущих. Попечению членов Ордена вверялись «Богу угодные и обществу полезные заведения» – воспитательные дома в Москве и Петербурге, московский Инвалидный дом, петербургская Екатерининская больница, прочие больницы и богадельни, а также школы. По представлению генерал-прокурора Сената князя Куракина назначили официалов Кавалерского ордена: одного обер-церемониймейстера, нескольких церемониймейстеров, секретарей и герольдов.

Павел I самолично разработал все мельчайшие детали устава, правила ношения и пожалования орденами, порядок их старшинства, а также утвердил образцы орденских знаков и кавалерских костюмов. В архиве Капитула Российских орденов сохранилось подробное добросовестное описание торжественных одеяний орденских официалов, причем не забыли и о двух куклах, специально облаченных в парадные наряды кавалерственных дам Большого и Малого креста ордена 2-го класса Св. Екатерины.

Одеяние герольдов каждого ордена дополняли служившие знаком их положения серебряные жезлы, увенчанные золотыми навершиями, повторявшими соответствующий орденский крест.

Исполнить эти жезлы и поручили Егору Помо. Он украсил кресты наверший красными стеклами, имитирующими рубины, а также бесцветными алмазами-розами и горным хрусталем, в центре же поместил финифтяные вставки. Навершия каждого ордена, на всякий случай, мастер сделал в двух экземплярах. Лицевая и обратная сторона наверший была одинаковой, поскольку в процессиях жезл обозревался зрителями со всех точек, в то время, как у обычных орденских крестов, которые подкалывались булавками к костюму над бантом орденской ленты, обратная сторона (как второстепенная) редко отделявалась.

Может быть, именно хранящийся ныне в Оружейной палате жезл герольда ордена 4-го класса – Св. Анны некогда держал «луч славы россиян» Василий Александрович Озеров (1769–1816). Автор нашумевших в начале XIX века драм «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской», «Поликсена», он прославился, правда, не под крестным именем, а под тем, коим его называли родители и друзья и которым он подписывал свои трагедии – Владислав Озеров. Не вынеся театральных интриг и едких насмешек современников, он, погрузившись в тихое безумие, рано скончался, не дожив нескольких дней до своего 47-летия. Умница Василий Андреевич Жуковский так отозвался о безвременном уходе

талантливому отечественному драматургу:

*Чувствительность его сразила.
Чувствительность, которой сила
Мойны душу создала,
Певцу погибелью была.*

Но на пороге своего 30-летия «певец Фингала, Поликсены» был еще полон радужных надежд и творческих планов и, вероятно, весьма авантажно выглядел в нарядной, выдержанной в ало-золотых тонах одежде, полагающейся ему как аннинскому герольду. Ведь при парадных церемониях под «ротонду из красного бархата с золотым позументом и бахромою и двумя большими звездами ордена – одна на груди, другая на спине» полагалось надевать «рубашу из палевого атласа с золотым позументом и штаны из такого же атласа либо из сукна, сапоги из красного бархата с золотым позументом, шляпу тоже красную бархатную с позументом, с белым плюмажем и одним красным и двумя белыми стоячими перьями и с орденским крестом, нашитым из палевой ленты, перчатки с золотым позументом и с бахромою, на перевязи вызолоченную шпагу» [96].

Подарок петербургского купечества Александру I на коронацию

Работы Помо весьма высоко ценились в российской столице. Сделанную им вещь не стыдно было подарить и самому императору. Недаром петербургское купечество, отлично знавшее толк в серебре, обратилось к мастеру-умельцу, чтобы тот исполнил к коронации любимого внука незабвенной «матушки» Екатерины II не просто привычную солонку, а целое настольное украшение.

В центре овального постамента с непременно пояском из плотно связанных лавров, переплетенным крест-накрест ленточками, дополненного изящной ажурной решеточкой из стеблей цветов с раскидистыми листьями, возвышается колонна – эмблема незыблемости государства. Но что только ее ни венчает! Тут и рог изобилия, и свиток законов, и чаша весов, и держава, и скипетр, сжимаемый когтями орла. В клюве одной из голов орла, посаженной на изящно склоненную шею, зажата пальмовая ветвь. Над всем этим великолепием порхает амур, зажав в деснице венок победителя и пылающий факел, обозначающий бдение, мудрость, а также грядущее процветание [97]. В левой же ручонке (что ближе к сердцу) малыш старается удержать над высоко поднятой второй головой российского орла еще один венок, составленный всего из двух веток, но зато лавра и розы. Между ними вплетены буквы «IAE» под императорской короной, означающие ажурный вензель царственной четы. По обеим сторонам колонны отнюдь не случайно возвышаются два треножника, украшенные кольцами и свисающими цепочками. В античные времена их приносили в храмы как самый драгоценный дар, а теперь посвящали верховной чете земных богов. Оттого-то чаши-солонки, вместо голубей – птиц богини любви и красоты Венеры, поддерживают распутившие крылья одноглавые «Юпитеровы» орлы. (См. цвет. илл. 7.)

Таким образом, с помощью языка символики столичные купеческие гильдии желали грядущему монарху божественное благословение, процветание и изобилие, грядущую славу и триумфальные успехи во всех начинаниях, победы над врагами и, как говорится в наши дни, любовь и счастье в общественной и личной жизни.

Егор Помо специализируется на многопудовых серебряных вещах

При Александре I, наряду с золотыми табакерками, Егор Помо все чаще создает многопудовые серебряные вещи. В 1803 году он сделал по заказу Двора серебряный туалет для поднесения Бухарскому хану, а также большие массивные серебряные шандалы, предназначавшиеся для подарка турецкому капудан-паше. Позднее искусник успешно справился с изготовлением столового серебряного сервиза в приданое самой любимой сестре

молодого императора, умной и проницательной великой княжне Екатерине Павловне, будущей принцессе Ольденбургской (а во втором браке – королеве Вюртембергской).

А в 1809 году именно Егору Помо поручили по проекту архитектора Луиджи Руска создать серебряный с позолотой оклад на образа «к надгробному памятнику великим княжнам Марии и Елизавете Александровнам в Александро-Невском монастыре в виде мраморных колонн с бронзовыми украшениями», поставленному обоим скончавшимся во младенчестве дочерям здравствующего императора и его супруги Елизаветы Алексеевны. Безутешную мать почивших крошек особенно пленила красота серебряного ангела, одной рукой сжимавшего пальмовую ветвь, а другой заботливо поддерживавшего лампаду над иконой. Увидев готовый монумент, бедная императрица вспомнила милых малышей, со смертью которых потеряла все самое ценное в окружавшем ее мире, и твердо вознамерилась украсить алмазами, принадлежавшими покойной «Лизиньке», все предметы причастного литургического прибора, вкладываемого в храм Александро-Невской лавры. Вдобавок она решила туда же впоследствии подарить Евангелие, щедро украсив его крышку-обложку алмазами, оставшимися от милой Марии, которую сама матушка предпочитала любовно называть «Мышкой» (Mäuschen).

А в 1810 году «француз» Помо, работая над созданием дарохранительницы столичного храма Владимирской иконы Богородицы, настолько умело воплотил в серебре рисунок протоиерея Голубева, что прихожане долгое время считали исполненное полностью в России дивное произведение «единственным в Петербурге по искусству исполнения и ценности». Да и неудивительно. Невольно восхищало, насколько великолепно отлиты, а затем искусно собраны воедино все части дарохранительницы, по обыкновению повторяющей облик церкви. С благоговением молящиеся рассматривали на ней художественно расположенные группы в скульптурных рельефах, воплощавших историю страданий, смерти и воскресения Спасителя. Из уст в уста передавалось, что на сию дарохранительницу только серебра и бронзы ушло более четырех пудов, а сам мастер за свою работу получил гигантскую сумму – тринадцать тысяч рублей ассигнациями.

Мастеру Помо, на сей раз поименованному «Жоржем», доверили и заблаговременное исполнение различных серебряных вещей для приданого великой княжны Анны Павловны. С 1811 по 1813 годы искусник трудился над большим столовым сервизом, поражающим обилием входящих в него вещей. И неудивительно. Ведь петербургский Двор не мелочился и выделил на эту работу более тридцати пудов серебра. Помимо четырех супниц-«теринов», двух больших овальных блюд под жаркое, двух поменьше с крышками, а также восемнадцати круглых, предусмотрены еще четыре блюда для пирожных, десять дюжин тарелок, ложек, вилок и ножей, шесть рюмочниц и двенадцать бутылочниц, дюжина двойных солонок с ложечками, четыре поддона для горчицы и столько же для уксуса и масла, четыре соусника и восемнадцать ложек соусных, четыре разливные ложки и две рыбные с прорезью. К десерту стол предполагалось сервировать парой кофейников и молочников, двумя сахарницами с ложечками, не считая еще четырех дюжин маленьких чайных ложечек, восьми дюжин ложек, вилок и ножей, а также восьми разнообразных подносов. В особый же прибор для завтрака включили восемнадцать тарелок, ложек, вилок и ножей, а также одну чашу и четыре кастрюли на поддонах. Не были забыты необходимые для освещения шесть больших шандалов о четырех подсвечниках каждый и дополнительно две дюжины одинаковых подсвечников.

9 февраля 1816 года состоялась пышная свадьба младшей сестры императора Александра I с Вильгельмом Оранским, наследным голландским принцем, а через месяц Егор Помо представил счет на законченный им серебряный с позолотой кофейный и чайный прибор, весивший «только» около 12 кг благородного металла. В него вошли кофейник, чайник, хрустальный сливочник в драгоценной оправе, сахарница, полоскательная чаша, корзинка для сухарей, поднос «красного дерева с серебряною по кругу галерейкою с ручками», шесть чайных ложек, ситечко и «сахарные щипцы». Одновременно мастер представил в Кабинет сделанные им из серебра восемь соусных ложек, по четыре для сахара

и для горчицы, а также сорок две ложечки для соли, чтобы дополнить изготовленный еще в 1811–1813 годах на императорском заводе большой фарфоровый сервиз.

Неделей раньше мастер завершил и «серебряный туалет Вермель», то есть парадный вызолоченный уборный стол с принадлежностями для «волосочесания» будущей королевы Нидерландской. Без позолоты, правда, остался сам стол серебряный, весивший почти 150 кг благородного металла. На него с трудом водружалось тяжеленное, всего-то более двух пудов с четвертью, «зеркало с фигурами», а вокруг красиво размещались фланкированные парочкой шандалов два рукомоиника с лоханью, шесть разнообразных коробок, две корзинки, четыре «помадницы», две щетки, два «казалета-курильницы» для подогревания углями нужных предметов, две пары лотков с щипцами для завивки локонов и с непременноми булавками. Булавки в случае надобности вкалывались в специально для того предусмотренные две подушки. Для полного комплекта прилагались еще колокольчик для вызывания прислуги, поддон для двух стаканов и еще один большой подсвечник.

Но и этого было мало. Русская великая княжна располагала еще вседневным серебряным туалетом, хотя и без позолоты, но зато с тем же набором вещей. Правда, общий вес их на сей раз составлял «лишь» два с небольшим килограмма, причем львиная доля его приходилась на зеркало.

Серебряных дел мастер Егор Помо сделал также дарохранильницу в виде храма, чашу для святой воды, кропило, кадило и шесть лампад для украшения православной церкви, по брачному договору устроенной для Анны Павловны во дворце ее голландской резиденции, ибо выходящим замуж русским великим княжнам запрещалось менять православную веру на какую-либо иную. Однако новые родственники наследной принцессы, ставшей впоследствии королевой голландской, были недовольны ее вероисповеданием. Ярые протестанты, они настолько пренебрежительно относились к православным священникам, служившим при ее личной придворной церкви, что даже вовремя не позвали их к умирающей, и отходная молитва была прочитана уже над усопшей 1 марта 1865 года вдовствующей королевой, а на отпевании сын-король, принц и двор преспокойно отсутствовали. Все королевские почести отдали королеве Анне Павловне (хотя и русской великой княгине-иноверке) в протестантском храме, а затем с пышностью упокоили ее в Новой Кирхе в Дельфте рядом с другими представителями династии Оранских-Нассау.

Гравюра Меку. Портрет великой княгини Анны Павловны

А к бракосочетанию в 1824 году самого младшего брата Александра I, великого князя Михаила Павловича с принцессой Вюртембергской, получившей в России при переходе в православие имя Елены Павловны, царствующий венценосец подарил новобрачным дачную резиденцию в Ораниенбауме. Для срочного обновления окладов икон Богоматери и Христа Вседержителя в иконостасе домового храма Св. Пантелеймона в Меншиковском дворце, обратились к Георгу-Фридриху Помо. И старый мастер не подкачал. Чеканка исполнена так искусно, что создается полное впечатление, как будто легкий ветерок развеивает прихотливо струящиеся складки одежд невесомо попирающих пышные облака небожителей. Кажется, что драгоценные ризы Всевышнего и Пресвятой Девы покрыты тончайшей изящной вышивкой. Серебро красиво и весьма эффектно сочетается с позолоченными лучистыми нимбами и «солнечным» сиянием вокруг Всевидящего Ока, окруженного венком «белых» клубящихся облачков с порхающими крылатыми головками шаловливых херувимов [98].

Фёдор (Фридрих-Йозеф) Кольб

Одним из лучших петербургских мастеров первой четверти XIX века по праву считался и Фридрих-Йозеф Кольб, прибывший в Северную Пальмиру в 1793 году из епископства

Вюрцбург в Баварии. После сравнительно недолгих лет ученичества у известного золотых дел мастера Кристофа-Фридриха фон Мерца талантливый юноша получил в 1798 году статус подмастерья, а в мае 1806 года сам стал мастером иностранного цеха. Коллеги по ремеслу дважды, в 1822 и 1824 годах, выбирали своего достойного собрата помощником цехового старосты. У него, соединявшего опыт золотых и серебряных дел мастера со знанием тонкостей профессии ювелира, всегда было множество учеников.

Те же 1820-е годы оказались для Кольба, теперь чаще именуемого на русский лад «Фёдором», особенно успешными. Он настолько быстро работал, что по три раза в год представлял в Пробирную Палатку для клеймения всевозможные ковши, лоханки, шандалы, перечницы, ложки, щипцы и прочее, необходимое для сервировки стола, а одновременно прекрасно справлялся с многочисленными заказами от Придворной Конторы. Работы мастера столь хороши, что в 1825 году ему доверили сделать чайный сервиз, преподнесенный вместе с великолепной коляской самим Николаем I своему шурину, принцу Вильгельму Оранскому, гостившему с супругой, великой княгиней Анной Павловной, у августейших русских родственников.

В том же году серебряных дел мастер Кольб сменил при Дворе не только бронзовых дел мастера Диннера, но и два года проработавшего там (и даже пожертвовавшего ради этого купеческими выборами) мастера-серебряника Якова Петрова, а затем заключил контракт с обязательством «делать, поправлять и очищать серебряные вещи для Высочайшего Двора».

Фёдор Кольб хорошо был известен не только в Петербурге. Слава отличного серебряника докатилась даже до таганрогских обывателей. В 1817 году в далеком городишке ждали визита самого государя, а поэтому члены местного Греческого общества решили сделать императору Александру I подарок, напоминая бы монарху об увиденных достопримечательностях благословенного края. В античные времена здесь жили древние греки, поклонявшиеся всемогущим богам-олимпийцам. Потому-то на серебряном блюде, на коем августейшему визитеру преподнесли традиционные хлеб-соль, высочайшее «вензелевое имя» окружали колесницы Зевса, Афины, Посейдона и Деметры. Между ними Кольб, тщательно проработав мельчайшие детали, запечатлел роскошные виды окрестностей.

Правда, в православном соборе теперь молитвы о процветании Таганрога, застроенного рядами одноэтажных домишек, возносились жителями Христу. Но когда-то город хранила богиня мудрости, о плодородных нивах заботилась покровительница земледелия и таинственных Элевсинских мистерий, а бурным морем управлял хозяин подводного царства, подчас немилосердно колебавший сушу. Вероятно, не без улыбки самодержец прочитал велеречивую надпись на блюде: «Вашему Императорскому Величеству счастье имеем всеподданнейше поднести. Таганрогское Греческое общество тысяща осьмисот сьдемагонадесятъ года». (См. цвет. илл. 8.) Разве мог тогда и помыслить глава Священного союза монархов Европы, что через какие-то восемь лет он, сопровождаемый супругой и небольшой свитой, вернется в этот маленький городок, чтобы отсюда под предлогом приключившейся скоропостижной смертельной болезни, тайно скрыться в небытие.

Фёдор Кольб много работал и по заказам вельмож. Для князя Юсупова он исполнил роскошный дежене (как тогда называли сервиз для завтрака), заботливо вписанный в 1827 году в скрупулезно ведущийся «Регистр серебра, фарфору» и прочим вещам «в буфете его сиятельства» [99].

Павел (Пауль-Магнус) Теннер и скандал в достопочтенном столичном цехе

В правление Александра I возшла звезда ювелира и серебряных дел мастера Пауля-Магнуса Теннера. Уроженец Дерпта, он в 1803 году приехал из тогдашней Лифляндской губернии в столичный Петербург и сразу был принят в мастера иностранного цеха. Но работал Теннер, чье имя вскоре переименовали в Павла, всего полтора десятилетия, ибо смерть унесла мастера в 1819 году. Однако семейное дело продолжала оставшаяся скорбной вдовицей достойная супруга Анна-Рената Теннер, бывшая родом из Данцига, а потом подросший сын.

В 1808 году Пауль-Магнус Теннер добился положения придворного серебряных дел мастера. Но досталось возделенное место не так-то просто. Пришлось очень много работать, выполняя бесчисленные заказы Придворной Конторы. Времени катастрофически не хватало, а отсрочки не давали. Чтобы как-то выйти из положения, Теннер решил воспользоваться изделиями других петербургских искусников. И все бы хорошо, но он ставил свое клеймо на чужие творения, даже не спрашивая на то согласия их авторов, да и вообще не ставя о своих проделках в известность ничего не подозревающих трудяг. Так он поступил и с работами собрата по цеху, серебряных дел мастера Иоганна-Кристиана Прагста, прибывшего с рижским паспортом из Швеции в 1791 году. На беду Прагст, будучи весьма честолюбивым, тоже мечтал о придворных заказах. И когда он узнал о мошенничестве Теннера, которого считал каким-то новичком-выскочкой, то не выдержал нанесенной обиды и подал жалобу в цех. Собравшиеся на обсуждение неприятного происшествия полноправные члены сего корпоративного сообщества, чтобы не выносить сор из избы, еле-еле смогли примирить противников, наложив на виновника немалый штраф в 10 рублей, каковые и были внесены в общую кассу.

Отстоявшего свою честь Иоганна-Кристиана Прагста, чьи творения, как выяснилось, не уступали работам обидчика, теперь тоже стали приглашать к исполнению заказов от Придворной Конторы. Его фамилия упоминалась в документах до 1829 года. Мастер щедро делился своим опытом с учениками, не говоря уже о сыновьях Иваре-Кристиане, Даниэле-Фридрихе и Густаве-Николаусе. Еще один отпрыск Иоганна-Кристиана Прагста, Иоахим (которого также именовали Екимом, а иногда и Ефимом), получив статус серебряных дел мастера в 1824 году, изготавливал разнообразные корзинки, молочники, стаканы и тому подобные вещи.

Самой известной работой Павла Теннера стал сделанный к освящению построенного Андреем Никифоровичем Воронихиным храма и приковывающий взгляды всех приходивших в Казанский собор оклад считающейся чудотворной иконы Казанской Богородицы, почитаемой покровительницей царской фамилии и небесной заступницей России. Золотую чеканную ризу, в которой только благородного металла было «весом около 10 фунтов», усыпали очень крупные самоцветы, и на ней числилось «алмазов 96 каратов, бриллиантов 190 каратов больших и мелких, рубинов 50 каратов, изумрудов 120 каратов и, затем, множество жемчугов, принесенных в дар императрицами Мариейю Фёдоровною и Елизаветою Алексеевною». Особенно хороши были венчики нимбов.

Много басен ходило о стоимости этого оклада: назывались цифры в 400 тысяч рублей ассигнациями и даже в 1,8 миллиона рублей, но сам Теннер говорил только о 300 тысячах рублей. Драгоценный дар, вызвавший много разговоров в столице, поражал не только жителей Петербурга и россиян, но и заезжих иностранцев. Один из них писал: «Не знаешь, чему больше удивляться: высокой ли стоимости драгоценных камней или необычайно тонкому и благородному вкусу художника, который их оправил – г-на Теннера, немца,

которого высоко ценит весь Петербург и даже за граница за его таланты и прекрасный художественный вкус» [100] .

Однако нельзя не упомянуть, что дополнение бриллиантами, сапфирами, изумрудами и жемчугом, заимствованными из предметов, специально отданных императрицей Марией Феодоровной на украшение иконы Казанской Пречистой Девы, сделал к 8 октября 1810 года Франсуа Дюваль. Среди сонма драгоценных камней особенно приковывал внимание молящихся великолепный сапфир, окаймленный алмазами-розами, благоговейно пожертвованный на сей чудотворный образ великой княгиней Екатериной Павловной, достойной дочерью вдовствующей государыни [101] .

Чернильница в новомодном «стиле фараонов»

Страна седых пирамид давно манила европейцев. Еще древние греки считали ее колыбелью искусства. Да и позднее неизменно привлекали своей таинственностью как странные египетские боги Осирис, Исида и Серапис, так и их жрецы, постигшие многие секреты окружающего мира, но тщательно скрывающие их от простых смертных. Однако только в 1798 году на землю фараонов пришел Наполеон, но не только для сражения с турецкими янычарами. Французский полководец, воспользовавшись случаем, специально взял в дальний и опасный ратный поход ученых и художников, дабы те описали и зарисовали сохранившиеся памятники древней культуры. В 1802 году эти изображения увидели парижане в многотомной книге барона Вивана Денона, советника императора по вопросам искусства, простенько, но со вкусом озаглавленной: «Путешествия по Верхнему и Нижнему Египту». Вскоре сенсационное издание появилось и в Лондоне, и европейские архитекторы с радостью обратились к вождельно новым мотивам.

Вот и Теннер, создавая чернильницу для Александра I, тщательно проработал изящные складки одеяний коленапреклоненных, закутанных в платки-«клафты» «египетских» красавиц, правда, с греческим профилем, грациозно поддерживавших нежными руками тяжелые чаши, образованные листьями лотоса, из коих поднимался цветочный бутон, увенчанный вместилищем для свечи [102] . (См. цвет. илл. 9.)

Сувениры-подношения военачальникам от соратников по финляндской кампании

После успешного завершения не очень-то популярной Русско-шведской войны 1808–1809 годов выгодным Фридрихсгамским миром офицеры 1-го корпуса финляндской армии преподнесли серебряный позолоченный кубок, исполненный в мастерской Пауля Теннера, графу Павлу Андреевичу Шувалову, командиру Северного отряда. Храбрый военачальник, захвативший город Торнео, принудил к капитуляции отряд противника, вдвое превосходивший победителей по численности, а затем с честью проявил себя в сражении при Шелефте, за что внука двух фельдмаршалов произвели в генерал-лейтенанты. Соответственно, кубок, увенчанный рыцарским шлемом, украсили не только знамена и трофеи, но и гербы как самого графа, так и города, под которым П.А. Шувалов столь отличился. (См. цвет. илл. 10.)

Еще более выразителен по композиции дар соратников генерал-лейтенанту Николаю Михайловичу Каменскому.

Этот военачальник, достойный своего отца-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, получил боевую закалку в 1799 году в легендарном Швейцарском походе. Там он проявил незаурядную отвагу в сражении на Сен-Готарде, а затем успешно совершил марш-бросок из Шахенской в Муттенскую долину через высокий снеговой хребет Росшток, когда приходилось на головокругительной высоте пробираться поодиночке по горным тропам. Павел I удостоил Николая Михайловича Каменского своим любимым орденом – Св. Анны I степени, а генералиссимус Александр Васильевич Суворов сказал отцу героя:

«Юный сын ваш – старый генерал». За Аустерлиц и за Прейсиш-Эйлау молодого генерал-майора наградили орденами Св. Владимира и Св. Георгия III степени, а вскоре всю армию облетела кипящая гневом фраза, гордо брошенная возмущенным графом французскому генералу, потребовавшему в июне 1807 года ключи города-крепости Кёнигсберга: «Вы видите на мне русский мундир и смеете требовать сдачи!».

Однако по-настоящему Николай Михайлович Каменский, теперь уже генерал-лейтенант, проявил дар полководца в сражениях 1808–1809 годов со шведскими войсками. Благодаря победным боям при Куортале и Сальми, при Севаре и в Вестрботнии он внес основную лепту в завоевание территории Финляндии, за что удостоился бриллиантовых знаков ордена Св. Александра Невского. Финляндия была присоединена по Фридрихсгамскому договору к Российской империи. После недолгого перерыва Александр I, чтобы завершить войну с турками, в феврале 1810 года назначил отважного военачальника главнокомандующим молдавской армией. Сотоварищи же по финляндскому походу решили увековечить подвиги полководца, искренне любимого за доброе сердце как всеми подчиненными, так и солдатами, с которыми он не стеснялся в трудных походах разделять все невзгоды и которых лично вел в сражение во главе боевой колонны.

Собрав необходимую сумму, офицеры Умеоского корпуса обратились к лучшим петербургским искусникам. Рисовальщик и создатель скульптурных моделей Жан-Франсуа-Ксавье Гаттенбергер (его, правда, предпочитали на русский лад именовать Францем Ивановичем), подражая модным образцам, обратился к теме триумфального столпа, увенчанного бюстом славного полководца в одеянии античного воина, что уподобляло полководца начала XIX века легендарным героям Древнего Рима. Теннер искусно исполнил в серебре сложный, изобилующий символикой декор: и меч, и щит, и шлем, и двуглавого российского орла, терзающего шведского льва, и трофеи, не говоря уже о рельефах со сценами четырех славных сражений при Севаре, Куортане, Оровайсе и Ратане, кропотливо проработав мельчайшие детали и затем заботливо все вызолотив [103]. (См. цвет. илл. 11.)

Счастлиное начало деятельности серебряных дел мастера Иоганна-Вильгельма Людвига в Петербурге

Конечно же, Теннеру помогали его талантливые подручные, но долгое время имена их не были известны. И вдруг неожиданно в 1980-е годы эрмитажные хранители обнаружили внутри колонны-памятника Н.М. Каменскому серебряную пластину с выгравированной горделивой надписью на немецком языке, переводящейся как: «Иоанн Вильгельм Людвиг уроженец Байрон (Баварии? – Л. К.) работал вместе с придворным ювелиром Теннером в 1810 году». Конечно, серебрянику, прибывшему в Петербург из Гамбурга и тогда же, в 1808 году, записавшемуся в полноправные члены иностранного цеха, несказанно повезло.

Иоганн-Вильгельм Людвиг и впрямь, видно, был искусным ремесленником, однако разбогатеть и завести собственную мастерскую в Московской части, в доме Алтерота удалось ему лишь в 1832 году, а в 1849 году она уже оказалась в доме Григорьева на Разъезжей. Больше ничего об этом серебряных дел мастере неизвестно. Однако качество работ Иоганна-Вильгельма Людвига было достаточно высоким, а поэтому не только в частных собраниях в Хельсинки, но и в отечественных музейных коллекциях сохранились до

наших дней исполненные им кофейники, сахарницы, конфетницы, молочники, а также отличающиеся неплохой чеканкой подсвечники [104] .

Выдающийся петербургский мастер Аксель Гедлунд (Гедлюнд)

Зато в первой трети XIX века подлинно виртуозной чеканкой и тончайшим литьем выделялся среди собратьев по ремеслу выдающийся петербургский мастер Аксель Гедлунд (Гедлюнд). Родился он 14 октября 1764 года в норвежском Норрчепинге и там же получил азы образования. Однако только 7 марта 1795 года, ему в тридцатилетнем возрасте наконец-то удалось в Стокгольме добиться статуса подмастерья. Зато уже в 1799 году, получив звание мастера, из маленькой шведской столицы он переезжает в Северную Пальмиру, где вступает в члены иностранного цеха ювелиров и вскоре своими работами завоевывает известность.

Не прошло и года, как искусного шведа начинает забрасывать многочисленными заказами Придворная контора. Да и неудивительно. Достаточно только взглянуть на дивную вазу для цветов, исполненную в 1817 году. Тогда все, даже мебель, костюм и его аксессуары старались воспроизвести античные образцы, вплоть до копирования археологических находок, обнаруженных в Помпее и Геркулануме. Искусство Древней Греции и особенно Рима считались высшими идеальными образцами, поэтому современные творения должны были изобиловать цитатами из античных памятников. Потому-то три красавицы, изысканно задрапированные в хитоны и поддерживающие подобно кариатидам широкую ажурную чашу, помещены на высокий пьедестал, поддерживаемый крылатыми хищными лапами и усыпанный гирляндами и венками из победных лавров, развивающимися ленточками, некогда усиливавшими награду, колчаны со стрелами и короткие дротики. Все это великолепие не обходится без непреременных рядов акантов и пальметок.

Не менее хорош и канделябр, сделанный в 1821 году. Так же торжественно вздымается на постаменте, поддерживаемом на сей раз крылатыми грифонами, мощная высокая колонна, увенчанная короной рожков-подсвечников, на коих шаловливые амуры правят оленями. И опять непреременные шеренги акантов, пальметок и яйцевидных ов. Кругом царит торжество симметрии, уравновешенности, соединенной с помпезностью, столь присущей памятникам Древнего Рима времени императоров. Дивное литье и великолепнейшая проработка деталей заставляют предположить, что Аксель Гедлунд то ли сам владел искусством лепки, то ли у него были возможности приглашения профессионального скульптора. Восхищение вызывает и продуманный контраст полированного и матового серебра, приводящий к игре светотени.

Авторитет Акселя Гедлунда настолько высок среди коллег, что они его в 1814 году избирают помощником старосты цеха, а в 1816–1817 делают старостой. Обучение у маститого мастера становится весьма престижным, хотя он принципиально передавал свои знания и профессиональные навыки лишь выходцам из Швеции. С 1801 по 1822 годы талантливый наставник успешно выпустил девятерых подмастерьев.

Семейная жизнь мастера тоже сложилась сравнительно счастливо. Когда его первая жена, Гедвига-Шарлотта Хельдтман скончалась, вдовцу повезло найти достойную суженую. 5 августа 1808 года он связал себя узами Гименя с молодой вдовушкой Доротеей-Элизабет Экбек, уроженкой Ревеля. Тогда-то новобрачному пришлось узаконить свое подданство и предъявить датированный еще 1799 годом паспорт от имени шведского посланника, графа

Стединга. Скончался Аксель Гедлунд 31 сентября 1833 года, но, благодаря безутешной верной супруге, дело ее мужа продержалось еще шесть лет [105] .

Литургический прибор работы Акселя Гедлунда для походной церкви Александра I

В 1812 году Аксель Гедлунд исполнил по желанию Александра I новый полный литургический прибор, предназначавшийся для походной церкви императора. От старого, сделанного из позолоченного серебра еще во второй половине «осмнадцатого» века, до наших дней дошли напрестольный крест, дискос, потир, две тарели и лжица, к коим в 1811 году добавилась лампада, выкованная петербургским мастером «Фёдором» Кольбом. Теперь сам прославленный архитектор Казанского собора Андрей Никифорович Воронихин сочинил рисунки-эскизы будущих потира, креста-мошехранительницы, дискоса, звезды, блюда, двух тарелей, ковшика для «теплоты», лжицы, копия, дарохранительницы и оклада евангелия. (См. цвет. илл. 12.)

Потому-то эти предметы, воплощенные в серебре Гедлундом, отличаются не только чистотой литья, виртуозностью чеканки, тщательной проработкой гравировки, но и благородством формы. Красивый оттенок позолоты празднично сочетается с радостными красками эмалевых миниатюр, и даже ангелы на чаше потира чем-то неуловимым походят на крылатых богинь победы. Однако виноградные лозы на ножке, чей стоян воспроизводит снопы пшеницы, напоминают, что в православной церкви молящиеся причащаются хлебом и вином, воплощающими тело и кровь Христовы.

Оба литургических прибора вместе с походной церковью везде следовали за императором и в течение боевой кампании 1813–1814 годов они использовались не только при традиционных службах, но и в благодарственных богослужениях, проводимых во многих освобожденных городах Европы, а подчас и прямо на полях битвы при молебнах за ниспослание виктории [106] .

В ходе преследования Наполеона Александр I последовал совету хитрого и продажного Талейрана и пошел прямо на Париж, оставив в тылу основные вражеские силы. Самодержец не прогадал: всего лишь через пять дней после выигранного им при Фер-Шампенуазе отчаянного кавалерийского сражения, августейшему предводителю коалиции удалось победить неприятеля в ожесточенной и кровопролитной битве под Парижем, когда с обеих сторон воины сражались как львы, причем только русских ратников пало шесть тысяч. Но жертвы были не напрасны. Город капитулировал.

Как пышно и велеречиво тогда писали в Петербурге, в незабвенный день 19 марта 1814 года – «французская столица отворила ворота свои победоносному войску и приняла простертую к ней рукою Российского Монарха мирную ветвь» [107] , а русские ратники с союзниками «промыслом Всевышнего и с помощью десницы Его, по преодолении бесчисленных трудов, путеводимых твердостью и мужеством, вступили в Париж. Они победоносным шествием своим погасили пламенник всемирной войны и положили начало процветшему в колеблющейся Европе благотворному для всего рода человеческого спокойствию и тишине» [108] .

При триумфальном въезде в покоренную столицу Франции государь обратился к генералу Ермолову: «Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге?» и прибавил: «Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простячка» [109] .

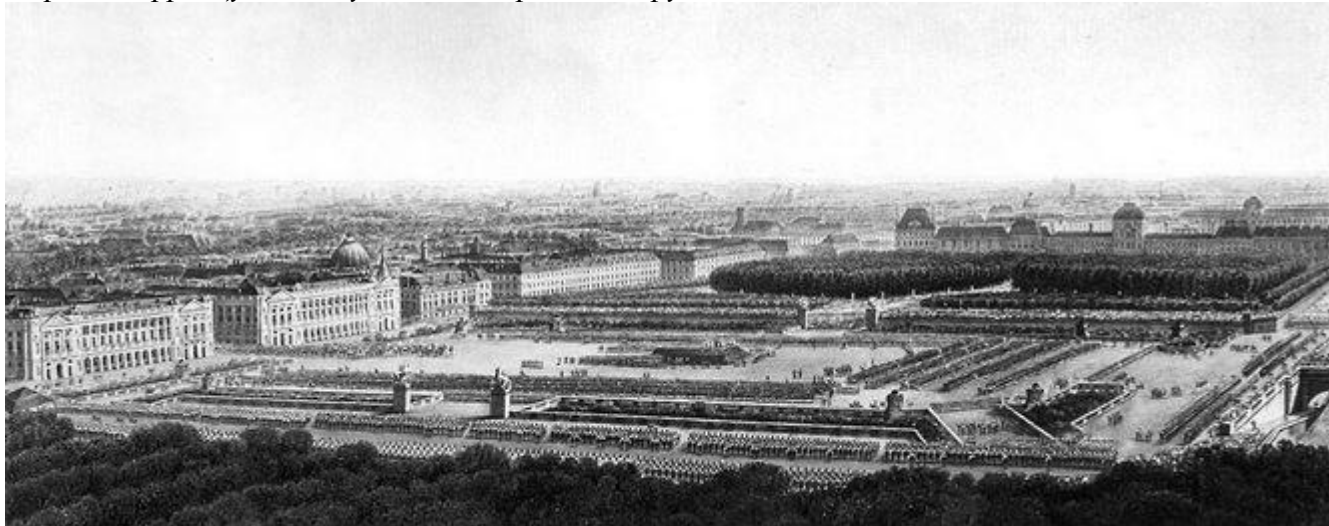
Немного истории... «Апофеоз русской славы между иноплеменниками»

Спустя всего полторы недели , « Агамемнон Европы » решил с особой торжественностью провести православный праздник Пасхи, пришедшейся в тот славный

год одновременно с католическим на 29 марта/10 апреля, дабы в день Светлого Воскресения Христова возблагодарить Всевышнего за дарованную им победу над супостатом. И сразу появилось множество всевозможных предметов, надписи на коих напоминали, что в этот день было «принесено в Париже, на площади Людовика XV, благодарственное Господу Богу молебствие Российским духовенством, в присутствии Императора Александра, короля Прусского и восьмидесятитысячного войска с коленопреклонением, при собрании французского Сената, генералитета и народа, за взятие сей столицы Франции 19 марта 1814 года» [110].

Для Александра I мгновения столь пышного и торжественного возблагодарения Всевышнего стали одними из самых отрадных в его жизни: «Я живо тогда ощущал, так сказать, апофеоз русской славы между иноплеменниками; я даже их самих увлек и заставил разделять с нами национальное торжество наше. <...> На то место, где пал кроткий и добрый Людовик XVI, я привел и поставил своих воинов; по моему приказанию сделан был амвон; созваны были все русские священники, которых только найти было можно; и вот, при бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов, живая гекатомба наша вдруг огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло, все внимало!.. Торжественная это была минута для моего сердца, умилителен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтоб в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по короле французском. Русский царь всенародно молился вместе со своим народом, и тем как бы очищал окровавленное место пораженной царственной жертвы. <...> Мне даже было забавно тогда видеть, как французские маршалы, как многочисленная фаланга генералов французских, теснилась возле русского креста и друг друга толкала, чтобы иметь возможность скорее к нему приложиться. Так обаяние было повсеместно, так оторопели французы от духовного торжества русских» [111].

Дж.-П. Баджетти. Парад российских войск на площади Людовика XV в Париже 29 марта/10 апреля 1814 г.

В тот же день, 29 марта/10 апреля Александр I, движимый благодарностью, пожаловал своему воспитателю Лагарпу орден Св. Апостола Андрея Первозванного, «желая воздать должную справедливость тем отличным попечениям и трудам, кои оказываемы были с самых молодых лет моих при воспитании моем» [112]. Прошло чуть более десятка лет с приезда в грозное правление Павла I в Петербург Дюрока, доверенного Первого консула, когда молодые великие князья Александр и Константин Павловичи пользовались малейшей возможностью обратиться к посланцу Французской республики,

лишь бы вместо привычного « господин » произнести запрещенное слово « гражданин » , памятуя о столь прельстительной в атеистический век Просвещения идее: « Свобода, равенство, братство » . А теперь, победив тирана, русский венценосец церковным молебном очищал Париж от скверны республиканской революции. Большую помощь Александру I в художественной организации необычного празднования Пасхи оказал знаменитый придворный архитектор французского двора Пьер-Франсуа-Леонар Фонтен, вместе учившийся, а затем рука об руку работавший со своим собратом по профессии, прославленным декоратором Шарлем Персье. Пока оба архитектора шесть лет прилежно изучали памятники прошлого в Италии, во Франции свершилась Великая революция людьми, многие из коих бредили идеями и деяниями героев республиканского Древнего Рима. Вернувшись на родину, Персье и Фонтен издали несколько книг с многочисленными гравюрами, где проводили мысль, что напрасно искать в искусстве, внутреннем убранстве и ремесле формы лучшие, уже создали и оставили античные мастера и титаны Возрождения.

Когда же к вершинам власти во Франции приходит благодаря перевороту прославившийся своими победами в Египте и Италии корсиканец Наполеон Буонапарте, провозгласивший себя вначале Первым консулом, а затем и Императором, восхищение Персье и Фонтена древнеримским искусством (но уже времени цезарей) перешло в такое преклонение, что именно эти архитекторы стали родоначальниками стиля « Империи » , или « ампира » (фр. *empire*) , быстро « взятого на вооружение » другими европейскими архитекторами. К ставшим уже привычными акантам, пальметам, розеткам прибавляются грозные львы и химеры, бесчисленные танцовщицы в струящихся легких одеждах и крылатые богини победы, профили античных персонажей, а также лиры и прочие древние музыкальные инструменты, « воспевавшие » целые груды разнообразнейших военных трофеев. Повсюду теперь встречаются одноглавые орлы и лавровые венки, туго перевитые легкомысленными, на первый взгляд, лентами, сплетающимися в прихотливый бант.

И это не случайно. Со времен Октавиана Августа правителей Древнего Рима, отныне осуществлявших заодно и верховное командование над войском, называли « императорами » , ибо даже если они не участвовали непосредственно в очередном завоевательном походе, от их имени делались все стратегические распоряжения. Победитель, уподобленный верховному божеству, поскольку облачался в вышитую золотом пурпурную тогу, снимаемую со статуи Юпитера Капитолийского, через арку триумфальных ворот въезжал под звуки музыки кифаристов и трубачей в свою столицу на колеснице, запряженной четверкой белых коней, а подчас и боевыми слонами. В левой руке могущественный властитель Рима держал пальмовую ветвь, а в деснице крепко сжимал жезл слоновой кости, увенчанный золотым орлом с широко распахнутыми крыльями и молнией в когтях. Голову триумфатора украшал ставший непременным для императора, сплетенный из лавровых ветвей венок, дополненный на затылке лентами, многократно увеличивавшими почет отличия. Но этого мало. Примостившийся сбоку на колеснице государственный раб, символизировавший летящую над героем богиню победы Викторию, держал над императором-полководцем тяжелый золотой лавровый венец [113] . Потому-то Наполеон Бонапарт, присвоивший себе заимствованный из Древнего Рима титул Императора, буквально означавший « властитель » , на церемонии интронизации возложил драгоценную, сверкающую многочисленными самоцветами корону на свою голову поверх золотого лаврового венка.

Ж.-О.-Д. Энгр. Наполеон на императорском троне. 1806 г.

А благодарная Пруссия на древнеримский манер приветствовала своего избавителя Александра I. Мало того, что русский монарх поражал всех друзей и врагов, поскольку появлялся в любую погоду лишь в щегольском мундире, да к тому же почти не покидал седла. Глава и душа антинаполеоновской коалиции всегда казался неустойчивым и спокойным, хотя точностью своих распоряжений удивлял профессиональных стратегов, да и в самые критические минуты боя поражал своим бесстрашием и способностью шутить, когда кругом разрывались гранаты. Такому полководцу, конечно же, приличествовал триумфальный императорский лавровый венец, да не простой, а золотой, с листочками, выточенными из гелиотропа – темно-зеленого полупрозрачного камня с красными вкраплениями, и оттого казалось, что лавры обрызганы капельками крови, пролитой в жарких сражениях. Каждый листочек золотом надписи напоминал о незабываемых датах

таких блестящих викторий, как битвы при Лейпциге, Дрездене, Кульме, Париже и в других, ставших легендарными, местах, что привело к окончательной победе над врагом. Однако при этом многие храбрецы отдали свои жизни, чтобы за пределами Родины спасти жителей соседних государств от ига французских завоевателей, и поэтому на бантике золотой ленточки, скрепляющей обе лавровые веточки, выгравировано: « Любовь и благодарность героям России » (« Russlands Helden Liebe und Dankbarkeit »). (См. цвет. илл. 14.)

Надпись « Alexander I Europas Befreier » на оправе окруженного « сиянием » золотых лучей, великолепно ограненного кристалла бесцветного и совершенно прозрачного горного хрусталя, а также изображение Всевидящего Ока в треугольнике – эмблемы Троицы и божественной вездесущей силы на этом « камне власти » , предназначенном ослепительно сверкать над челом Александра I, вместе означали: само Провидение избрало русского помазанника Божия « Освободителем Европы » . Да и « ягоды » лавра на обеих веточках триумфального венка отнюдь не случайно вырезаны из золотистого топаза, символизирующего не только верность, мудрость, благородство, великодушие, готовность прийти на помощь, но и полноту счастья [114] .

При памятном парижском торжественном богослужении использовалась и пара массивных, хотя и кажущихся весьма изящными, выносных подсвечников из накладного серебра работы французских мастеров 1810-х годов. После сборки воедино отдельных как отлитых, так и прессованных деталей каждый из этих светильников-треножников достигал почти метровой высоты [115] .

Присутствие в православном храме священных предметов, исполненных иноверцами, было неудивительно. Ведь еще августейший отец Александра Павловича, ставший гроссмейстером престижнейшего католического Мальтийского ордена, мечтал о единении Христианской Церкви.

И теперь, находясь в капитулировавшей столице Франции, его преемник на русском троне решил достойно возблагодарить Всевышнего. Лучшим даром небесам стал бы сделанный руками лучшего местного оружейника православный причастный прибор для благоговейного приношения особо почитаемой чудотворной Казанской иконе Богоматери, оказавшей помощь русскому воинству как в изгнании завоевателя с родной земли, так и в победном преследовании его до самого Парижа. (См. цвет. илл. 13.)

Не кто иной, как Шарль Персье, разработал эскизы всех предметов набора, не забыв о непременных пальметах, лотосах, спирально завитых стеблях с редкими листьями акантов, масках с корзинами цветов. Правда, именованному французцу пришлось ввести в орнамент виноградные лозы да пшеничные колосья, а на рукоятках лжицы, копия и ножа для разрезания просфоры поместить российский герб – двуглавого орла. Всех евангельских персонажей Священной истории родоначальник стиля « ампир » привычно одел совсем не по-православному в античные костюмы. Однако от каждой детали строго проработанного рисунка так и веяло холодом, смягчаемым лишь чередованием гладко отполированных и изысканно матовых поверхностей да ослепительным блеском сплошной позолоты.

Воплотить же замысел разработчика « грамматики ампира » не случайно доверили прославленному парижскому искуснику Мартену-Гийому Бьенне, носившего звание « Ювелира Первого консула » , а затем и « Императора » Наполеона, сменившегося после падения « узурпатора французского трона » на « Королевского золотых дел мастера » . Чего только ни делали талантливые руки умельца для своего патрона-покровителя: им довелось трудиться и над императорской короной, и над парадным оружием, и над всевозможными аксессуарами костюма, и даже над многопредметными несессерами, столь необходимыми в спартанских условиях военных походов.

Сам Александр I стал обладателем подписных работ Бьенне, подаренных Наполеоном при Эрфуртском свидании в 1808 году, когда « союзники » ожесточенно торговались о судьбе Пруссии. Дабы загладить допущенные неловкости и грубости, французский монарх презентовал русскому свою дорожную шкатулку, содержащую внутри компактно

уложенные пятьдесят восемь вещей, могущих пригодиться в путешествии. Но особенно хороша была шпага: на золотом эфесе выделялись служившие эмблемой Наполеона пчелы, орел с перунами в когтях, дополненный зубцами короны лавровый венец. С ними соседствовали античный шлем и сова богини мудрости Минервы. На трехгранном же клинке вороненой стали, если наполовину вытащить его из кожаных ножен, виднелась изысканная золотая инкрустация: тут еще красовались пальмовые ветви победителя, а также ангел со щитом, украшенным отвращающей опасность головой Горгоны Медузы с волосами-змеями. И над всем этим великолепием царили три буквы: «N.I.R.» – «Наполеон Император Властелин» (Napoleon Imperator Rex).

Обычно считалось, что французский монарх протянул свою шпагу Александру I, когда тот вошел в столовую без необходимого атрибута костюма государя. Однако сей казус вовсе не был обязан непростительной забывчивости камердинера. Просто на предшествовавшей прогулке лошадям обоих императоров довелось преодолевать довольно широкий ров. От сильного сотрясения перевязь русского самодержца лопнула, и шпага оказалась на земле. По возвращении в Эрфурт Наполеон приказал главному камердинеру Констану одну из своих шпаг передать пажу Удино, а оружие Александра I сохранить среди гардеробных вещей. Верный паж, получивший необходимые наставления, незамедлительно принес русскому монарху шпагу своего повелителя, сказав, что та дается в обмен на «предложенную» августейшим гостем Наполеону на совместной поездке верхом. Самодержец, взяв драгоценную вещь, вежливо поблагодарил повелителя французов и прибавил: «Я никогда не обнажу ее против Вас». Но военный поход Бонапарта на Россию отменил эту клятву.

Спустя столетие в Российской империи произошла революция, и вскоре с молотка пошли за рубеж многие памятники искусства и истории. Бессовестные перекупщики страстно возжелали заполучить в свои руки сокровища Эрмитажа, в том числе и реликвии Александровского времени, описанные и воспроизведенные в дореволюционном журнале «Старые Годы», а алчным чиновникам советской Конторы «Антиквариат» были безразличны как оба шедевра Бьенне, так и другие трофеи Первой Отечественной войны и победной кампании 1813–1814 годов, хранившиеся в Галерее Драгоценностей [116].

К счастью, в 1925 году коллекцию серебра Государственного Эрмитажа пополнил литургический прибор работы Мартена-Гийома Бьенне. Исполнение знаменитым оружейником Наполеона замысла Шарля Персье оказалось выше всяких похвал: прекрасное литье, изящная чеканка и тончайшая гравировка, отличное золочение изысканного оттенка – все это выдавало руку высококлассного парижского чудодея. Особенно хороши были вычеканенные на потире композиции Благовещения, Рождества Христова, Поклонения волхвов и Несения креста, а подножие сей причастной чаши украсила русская надпись: «В пребывание Императора Александра I в Париже 1814 года». (См. цвет. илл. 13.)

Благодарный Богу самодержец преподнес творение Персье и Бьенне в дар столичному Казанскому собору 12 декабря 1815 года, в день своего рождения. В сопроводительном рескрипте к преосвященному Амвросию, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, государь написал: «По первом вступлении моем в столицу Франции, возжелал я сей предел священной брани ознаменовать памятником веры, побеждающей мир, в славу Верховного вождя, и дающего и венчающего победы – Христа Спасителя. В сем расположении, по повелению моему в самом Париже устроенные сосуды, употребляемые Православной нашей церковью при совершении Таинства тела и крови Христовой, ныне к Вам препровождаю. Вознесите оные в Соборном Храме Пресвятыя Богородицы на алтарь, у подножия которого полагал я и начало и конец путей, столь милосердно управляемых Провидением» [117].

Создание в Петербурге иноземным купцом Джоном (Иоганном) Баннистером фабрики накладного серебра

Александр I, стремясь к экономии в расходах, через полтора года своего правления озаботился, чтобы даже жители столицы Российской империи могли покупать хотя и не очень долговечные, но красивые и достаточно недорогие вещи, выглядевшие исполненными из массивного серебра. На самом деле эти изделия делались из соединенных воедино вальцовкой в один тонкий лист двух пластов из меди и благородного металла, что требовало особого оборудования и высочайшей квалификации рабочих. Император 13 августа 1802 года подписал указ Кабинету: «Прибывшему сюда из Копенгагена Иностранному купцу Иоганну Банестеру на заведение здесь фабрики для делания накладного серебра, повелеваем выдать заимообразно из Кабинета десять тысяч рублей на таком основании, чтобы в первые пять лет от уплаты капитала он оставался свободным, взнося токмо с оного узаконенные проценты, в прочие за тем десять лет сверх процентов уплачивал ежегодно и капитала по тысяче рублей».

Британец Джон Баннистер вместе с семейством, с целым штатом работников, а также с нужными машинами и инструментами приехал в Петербург через столицу Дании, поскольку умельца пригласил работать в далекой России наш посланник при копенгагенском дворе. Столь льготные преференции очень поддержали заводчика, и вскоре «платировальная по аглинскому образцу фабрика», разместившаяся в доме Отто за Калинкиным мостом, уже производила драгоценную и весьма ценимую продукцию.

Головастый фабрикант одновременно проработал по протекции своего соотечественника Чарльза Гаскойна несколько лет «в службе Его Императорского Величества», успешно предприняв целый ряд технических усовершенствований в Адмиралтействе, а также на Александровской мануфактуре и Колпинском заводе.

В 1806 году британец перебрался в Москву. Получив там от графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского денег и людей на обустройство, Баннистер, не откладывая дело в долгий ящик, продолжил «сереброплатировальную работу в превосходнейшем виде».

Однако 1812 год внес свои коррективы. Поскольку наполеоновские солдаты полностью разгромили предприятие англичанина, тому пришлось вернуться в Северную Пальмиру.

Здесь ему повезло приобрести земельный участок со зданием для фабрики у того же Калинкина моста, но на сей раз близ Пивоварни Казалетта, № 898. Теперь предприятие пышно именовалось «Ламповая и Серебронакладочная фабрика Ивана Баннистера». Но когда он, чтобы перестроить ее по английскому образцу, попросил было кредиты от государевой казны, и еще 11 января 1819 года Александр I, в память об услугах, оказанных им России разными открытиями» повелел «ныне же выдать в ссуду просимую сумму», однако чиновники настолько затягивали все дело, что Баннистер успел через год разориться. Его домашняя утварь уже пошла с молотка. Лишь подоспевшие через несколько месяцев казенные деньги спасли фабрику, и она продолжала теперь работать столь успешно, что переживший много невзгод ее владелец вскоре погасил полученные кредитные суммы.

Среди изделий, выпускаемых предприимчивым британцем, особенно хороши были люстры. В 1822 году Джон Баннистер по собственноручному рисунку создал для перестраиваемой зодчим Василием Петровичем Стасовым церкви придворного Конюшенного ведомства великолепную большую люстру «из апликированной серебром меди с украшениями из чистого серебра», ныне освещающую вестибюль здания Адмиралтейства. Ее плоское плато, подвешенное на цепях, невольно поражало всех своими огромными размерами. Тем более изящными казались свисающие по его краям на

кронштейнах шесть небольших лампад.

Другая, на сей раз двухъярусная, люстра о двухсот десяти свечах, исполненная по проекту уже самого архитектора Стасова, оказалась столь хороша и так соответствовала своим декором парадному Малому Тронному залу, должному напоминать о победных викториях Петра I, что Баннистер удостоился в 1840 году придворной награды за возобновление сгоревшей императорской резиденции. Дивное паникадило накладного серебра, с протокольной точностью запечатленное замечательным акварелистом Эдуардом Петровичем Гау, долго украшало стасовский интерьер этого зала Зимнего дворца, пока во время Великой Отечественной войны взрывной волной от разорвавшегося фашистского снаряда, попавшего в соседний Гербовый зал, оно не было превращено в кусок искореженного металла [118] .

«Бриллианщик Саурлент» – не кто иной, как золотых дел мастер Генрих-Эрнст Зауерлендер

В это же время работает «бриллианщик Саурлент». У него ко Двору приобретались во множестве «овальные перстни бриллиантовые», в которых алмазы традиционно окружали какой-либо крупный самоцвет: цвета морской воды аквамарин, сиреневый аметист или красный, с небольшой долей рыжинки, гиацинт. Правда, как не так давно выяснили минералоги, под именем гиацинта-циркона на самом деле обычно скрывался гранат-гессонит.

Так же не сразу удалось узнать под искаженной фамилией Генриха-Эрнста Зауерлендера, прибывшего из Эрфурта, выучившегося ремеслу в Петербурге у Готтфрида Мёнха и ставшего сначала подмастерьем, а с 1806 года и золотых дел мастером иностранного цеха. Не исключено, что один из его возможных потомков, гравёр Сауерлендер, имел в 1849 году свою мастерскую в доме Вейгера на Морской [119] .

«Ювелир Фёдоров»

К сожалению, до сих пор неизвестно даже имя «ювелира Фёдорова», у которого при Александре I закупалось в Кабинет много бриллиантовых перстней, орденских знаков и золотых шпаг с надписью «За храбрость», поэтому трудно судить, имел ли к нему отношение Мина Фёдоров, ставший с 1767 года золотых дел мастером петербургского Русского цеха [120] .

Братья Дюваль остаются вне конкуренции

Хотя недолгая монополия братьев Дюваль в правление Павла I осталась в прошлом, с их семейным предприятием не мог сравниться никто из петербургских ювелиров ни по его мощности, ни по качеству исполнения, не говоря уже о творческой фантазии, отличавшей их работы. Поэтому им пришлось трудиться в поте лица, чтобы к коронации нового монарха, назначенной на 15 сентября 1801 года, успеть заготовить множество подарков для пожалований. Якову Дювалю наверняка довелось приводить в порядок Большую императорскую корону, чтобы она оказалась впору Александру I.

Зато бывшему «Собственному ювелиру» монарха-предшественника безотлагательно заказали к священной церемонии в Успенском соборе Московского Кремля корону для супруги нового государя, императрицы Елизаветы Алексеевны. 3 июня 1801 года «Коллежскому Советнику и Ювелиру Дювалю» отпустили из запасов придворной Алмазной мастерской на ее «зделание» 2042 казенных бриллианта всех пяти сортов. К последнему, правда, относились самые крупные камни: один, массой $6 \frac{4}{32}$ карата, выломали из перстня, а десять других, по два с небольшим карата каждый, взяли из старого «шпажного эфеса». В работе над этой «бриллиантовой короной» Якову Дювалю помогал опытнейший ювелир Жан-Франсуа Лубье, за что по повелению самодержца от 24 декабря того же года получил пять тысяч рублей.

Она, конечно же, не только ничуть не уступала по красоте короне, сделанной пять лет назад теми же Яковом Дювалем и Лубье для императрицы Марии Феодоровны, но и во многом повторяла контуры того драгоценного венца, да и размерами опять была меньше Большой Императорской короны, возлагаемой супругом-самодержцем себе на голову во время священного обряда коронации, чтобы подчеркнуть подчиненное положение жены монарха. Поэтому со временем короны цариц, создаваемые к совместной коронации августейших супругов, стали называть «Малыми». Они после смерти августейших владелиц какое-то время хранились в Кабинете, а затем уничтожались, чтобы использовать бесценные камни для создания новых вещей.

Еще в 1829 году Николай I определил судьбы корон «почивших в Бозе» матери и невестки, и, согласно его воле, в 1840 году из бриллиантов стоившего 48 750 рублей венца императрицы Марии Феодоровны создали драгоценные уборы, вошедшие в приданое великой княжны Ольги Николаевны. Чуть ранее, в ноябре 1838 года, разломали и оцененную в 68 410 рублей корону Елизаветы Алексеевны, и ювелир Иван Рудольф воспользовался ее алмазами при работе над бриллиантовым, рубиновым и сапфировым гарнитурами для старшей дочери императора, великой княжны Марии Николаевны [121].

Однако молодая императрица Елизавета Алексеевна считала бриллиантовый венец, увенчавший ее головку при коронации, своей «большой» короной. Поскольку по традиции императрицы (правда, самодержавные), правившие в «осьмнадцатом» веке, располагали еще одной короной, официально именуемой «Малой», то после успешно прошедшего в Москве 15 сентября священного обряда Яков Дюваль сделал еще и Малую корону, чтобы супруга Александра I могла надевать сей более легкий венец на официальных приемах.

Неизвестный художник. Императрица Елизавета Алексеевна в своей Малой Императорской короне. Первая половина XIX в.

31 октября 1801 года отпустили «Коллежскому Советнику и Ювелиру Дювалу на сделание для Ее Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны малой короны» десяток крупных алмазов. Каждый из них был не менее двух карат, а самые большие четыре бриллианта весили от 5 до 7,5 карат. Однако все они, хотя и стоили 15 840 рублей, относились к пятому сорту, а поэтому в прозрачной толще ограненных кристаллов просматривались заметные включения. На обе же короны ушли 2052 казенных бриллианта, оцененных в 37 854 рубля 12 1/2 копейки [122]. Кстати, не только по повелению Александра I, но и по собственноручному рисунку императора, во время предкоронационных хлопот ювелир Споль за 11 тысяч рублей не замедлил исполнить десять фрейлинских знаков с двойным шифром обеих императриц – царствующей и вдовствующей. Молодой государь не мог отказать властолюбивой матери в двойном подчинении фрейлин обоих дворов. Зато Александр I проявил себя талантливым рисовальщиком. Четко прочерченные завитки концов обеих букв позволяют в сложной вязи монограммы прочесть написанные сверкающими цепочками имитирующих алмазы стекло-стразов «Е» и «М», сообща увенчанные ажурной

императорской короной [123] .

Императрица Мария Феодоровна не желала терять лучшего ювелира, а поэтому Якова Дюваля, носившего с 8 апреля 1798 года [124] по «Табели о рангах» чин шестого класса, равнявшийся армейскому полковнику или камергеру, ввели в штат ее Двора. Работы было предостаточно. Ведь заказы регулярно поступали и от «большого» Двора. К тому же, подрастали младшие великие княжны, и для их приданого тоже надо создавать достойные уборы, либо доделывать недостающие вещи к ранее исполненным гарнитурам.

Вюртембергская бриллиантовая диадема

По типу диадемы с розовым бриллиантом [125] императрицы Марии Феодоровны (см. цвет. илл. 15) Яков Дюваль по просьбе патронессы исполнил для супруги ее брата диадему из великолепных бразильских бриллиантов. Благо, герцог Людвиг Вюртембергский со своей законной половиной, принцессой Генриеттой Нассауской, в 1803 году недолго погостил в Петербурге у августейшей сестры. Сделанная вещь оказалась не только роскошна, но и восхитительно красива. Заказчики были довольны.

Вероятно, именно за сию диадему 16 февраля 1803 года вдовствующая императрица в присутствии герцогской четы обязалась выплатить в рассрочку Якову Дювалю 30 тысяч рублей ассигнациями вместе с нарастающими процентами, причем в счет образовавшегося долга 3 января 1811 года вместо уехавшего на родину в Швейцарию старшего брата получил под расписку шестнадцать тысяч Луи Дюваль.

Через три четверти века творение «собственного ювелира» Павла I стало украшать голову другой герцогини Вюртембергской – великой княгини Веры Константиновны (1854–1912), жены принца Вильгельма-Евгения. Нуждаясь в деньгах, эта внучка Николая I продала в 1907 году родственникам дивной красоты венец, и тот вошел в собрание фамильных драгоценностей русской императорской семьи. Те же идущие по верху крупные бриллианты, возвышающиеся на алмазных уголках, как бы висят в воздухе, ибо серебряная оправа с золотой подпайкой совершенно незаметна. Так же с плавных, высоко взмывающих вверх, дуг «катетов» треугольника свисает вниз вереница отдельных камней, но на сей раз не капелек-бриолетов, а алмазных грушек-панделоков, отделяемых друг от друга вместо фестончиков парочкой-тройкой листиков. Опять, как и полагалось в пору господства ампира, четко выделен центр и во всем рисунке царит симметрия. Под самым большим панделоком, напоминающим то ли «око Провидения», то ли пылающее радужными сполохами сердце, на фоне густого частокола алмазных лучей, образующих арочку-«гипотенузу», переливается разноцветными огнями овальный бриллиант в 11 карат, заключенный в сверкающую рамку. (См. цвет. илл. 16.)

Кстати, эта форма диадемы, в которой сплелись черты русского очелья и головного убора супруг повелителей Императорского Рима и Византии, настолько полюбилась ювелирам, что довольно часто повторялась в дальнейшем, получив название «русской тиары» [126] .

Яков Дюваль хорошо помнил волю покойного отца. Тот желал, чтобы старший сын обязательно вернулся на родину предков, в Женеву. Но еще больше бывший «Собственный Императорский ювелир» никак не мог забыть капризы усопшего самодержца, его сиповатый голос, зловеще доходивший до крика, если монаршьи приказания сразу не исполнялись, происки придворных завистников, вынужденную разлуку с любимой женой. Ему часто вспоминалось, как однажды Павел I решил сделать щедрый дар фельдмаршалу Александру Васильевичу Суворову, дабы тот забыл годы опалы и жизнь под неусыпным присмотром в незаслуженной ссылке, куда его отправил в гневе преемник Екатерины II. К Якову Дювалю явился посланный самодержцем Фёдор Ростопчин и передал желание императора: нужно срочно доставить во дворец перстень с большим бриллиантом. Когда же «Собственный Императорский ювелир» посмел только заикнуться, что у него сейчас нет столь хорошего камня, но он тотчас же постарается выписать его из Голландии, Павел I, не воспринимая

никаких разумных доводов, гневно вскричал, что послушник его воли быстро очутится там, где его никто не найдет. На следующий день Яков Дюваль привез своему грозному августейшему патрону требуемую вещь. Довольный государь вручил сей перстень полководцу, а тот отвез дар императора любимой дочери Наталье, к тому времени бывшей замужем за графом Николаем Зубовым, и, застав ее обедающей, не нашел ничего лучшего, как кинуть ей в тарелку с супом жалованный предмет.

Сколько же решимости потребовалось ювелиру отважиться спустя несколько дней прийти к графине и признаться в невольном обмане. Ведь он, дороживший своим честным именем человек, был вынужден, дабы не послушаться императора, вставить в перстень поддельный камень, а кроме того, чтобы не раскрылась истина, получить деньги в Кабинете за сей «бриллиант». Как Яков Дюваль тогда заклинал «Суворочку» не погубить его Бога ради и просил лишь об отсрочке месяца на два, чтобы, как только из Голландии прибудет выписанный солитер, сей уник сразу, сменив фальшивый алмаз, займет в перстне свое законное место. Как умолял он графиню сохранить тайну, испуганно повторяя: «Если государь узнает, я – погибший человек». Конечно же, швейцарец сдержал свое слово, и в назначенный срок на пальце дочери будущего фельдмаршала засверкал великолепный, стоимостью в 12 тысяч рублей серебром, «бриллиант превосходной воды, величиною в двадцатикопеечную монету». Но сколько душевных сил стоил ювелиру только один этот случай.

Молодой государь не позволял себе подобных выходов, но где гарантия, что аналогичная ситуация не повторится? К тому же младшие братья Якова-Якоба Дюваля подросли и спокойно могли продолжать налаженное семейное дело. Во всяком случае, подписи как Якоба, так и Луи Дювалей красуются под распиской в получении от императрицы-патронессы 10 000 рублей за подготовленную к 5 сентября 1804 года, дню Ангела августейшей невестки драгоценность, исполненную их мастерской [127]. От уже только обременяющей его должности придворного оценщика штатный ювелир вдовствующей императрицы тоже постарался избавиться. Теперь можно и уезжать в милую отчизну. Но до поры следовало держать принятое решение в секрете.

Сапфировые диадемы двух русских императриц

Уже в 1803 году Яков Дюваль взял продолжительный отпуск для поездки в страну дедов и прадедов. Вернувшись, он, вероятно, вместе с братом Франсуа, исполнил для императрицы Елизаветы Алексеевны дивную сапфировую диадему. Во всяком случае, Александр I 26 июля 1805 года подписал два указа. По первому император повелел «заплатить из Кабинета Коллежскому Советнику Дювалю, по счету Мне известному, двадцать тысяч рублей», а согласно второму причиталось выдать «братьям Дювалям» 65 695 рублей.

Вторую сумму, судя по ее огромности, выплатили за исполнение для супруги царствующего государя целого сапфирового гарнитура, обычно называемого просто «убором синим с бриллиантами». Августейшая хозяйка не очень долго владела сей парюрой, в которую входили диадема, перо, пара серег, одиннадцать увенчанных алмазами-панделоками булавок, аграф, бант и два замка к браслетам, состоявшим каждый из крупного сапфира и восьми алмазных «штучек»-звеньев. 5 мая 1819 года императрица Елизавета Алексеевна, гостящая у баденских родственников, щедро презентовала роскошный сапфировый убор в Брухзальском замке под Карлсруэ принцессе Софии Голштейн-Готторп. Правда, в аграфе недоставало 74 камней, взятых 10 марта 1814 года «в переделку к гребню». Оставшиеся же от гарнитура не подаренными три фермуара какое-то время хранились в Императорском Кабинете, а два звена от браслетов в 1823 году использовали на исполнение узора-решетки при создании нового браслета для жены Александра I [128].

Первая же выплата как раз и могла касаться сапфировой диадемы, предназначенной для императрицы Елизаветы Алексеевны. Мотивы декора очелья, изумляющего всех своей

красотой, явно были навеяны более ранним шедевром Якова Дюваля, исполненным «Собственным Ювелиром» еще при жизни Павла I для дражайшей супруги августейшего властелина. Диадема императрицы Марии Феодоровны вся как бы соткана из лавровых ветвей и лент, обвивающих тяжело клонящиеся на стебельках лазоревые цветки, окружившие сверкающий в центре глубокой синевой громадный сапфировый панделок, увенчанный алмазным сердцем, и оттеняемые полоской эмали на ободке. (См. цвет. илл. 17.)

Недаром супруга Николая I оставила унаследованную ею дивную фамильную драгоценность жене своего первенца, а императрица Мария Александровна, в свою очередь, завещала диадему вместе с колье сапфирового гарнитура свекрови присоединить к коронным вещам.

Однако новое творение Якова Дюваля оказалось еще краше, в очередной раз свидетельствуя о неумной творческой фантазии прославленного искусника. Присутствовавшие на освящении Казанского собора с изумлением и восхищением созерцали увенчивавшую изящную головку супруги Александра I диадему-корону, составленную из золотых древесных веток. Ювелир позаботился аккуратно прикрепить отдельными крупными бриллиантами к чуть узловатым «сучкам» каждый из листиков, слегка колыхавшихся на пружинках и оттого полыхавших ослепительным сиянием многочисленных алмазов. Между ветвей возвышались два огромных сапфира, невольно приковывающие взгляды своей чарующей прелестью [129].

Через несколько месяцев после создания сапфировой диадемы императрицы Елизаветы Алексеевны бывший «Собственный Императорский ювелир» Павла I окончательно покинул в 1806 году Санкт-Петербург. Но еще долго, даже по прошествии двух десятилетий, в придворном календаре-«Месяцеслове», в разделе «придворный штат» неизменно публиковалось, что числившийся «при комнатах Ее Величества государыни императрицы Марии Феодоровны Ювелир: Коллежский Советник Яков Давыдов Дюваль находится в Швейцарии» [130].

Луи (Луи-Этьен-Жан-Франсуа) Дюваль

Семейное дело теперь продолжали оба других брата Дювали, работавшие своеобразным тандемом. Однако самый младший из них Луи (Луи-Этьен-Жан-Франсуа), родившийся в Петербурге 15/26 мая 1782 года, недолго проработал в российской столице.

Свое профессиональное образование и навыки руководства, а также общения с высокопоставленными клиентами он, как и брат Франсуа, с молодых ног получил в семейной мастерской. В отличие от старших братьев, он не задержался с женитьбой. Его избранницей стала прелестная кузина Андриенна, дочь петербургского ювелира Франсуа Сегена и Жаклины Дюмон, родной сестры матери счастливого жениха. Бракосочетание состоялось 2/13 мая 1807 года. Вскоре один за другим стали рождаться дети.

Первенец счастливой четы, Мария-Луиза-Жаклина, появившаяся на свет в столице Российской империи 20 января 1809 года, удостоилась чести стать крестницей самой вдовствующей императрицы Марии Феодоровны. 9 июля того же года Григорий Иванович Вилламов, состоявший «у исправления дел» царицы-матери, написал Франсуа Дювалю, что августейшая крестная велела через него передать ювелиру для вручения свояченице модную алмазную стрелу-«флеш» («une flèche en Diamans»). Однако пожалованная драгоценная

ребенка оказалась не единственным приложением к этому посланию. Там же содержалось кольцо, то ли совсем сломанное, то ли у него лишь отошла нижняя часть. В воскресный день

11 июля, после посещения храма счастливая мать малышки уже с самой живой признательностью рассматривала высочайший дар, а затем попросила своего деверя повергнуть ее благодарность к стопам императрицы-благодетельницы. Назавтра довольный Франсуа Дюваль, вложив в ответное послание починенный перстень, отписал своему приятелю о чувствах, обуревавших Андриенну. Кстати, в 1827 году достигшая восемнадцатилетия Мария-Луиза-Жаклина станет законной супругой бывшего ее старше почти на три десятка лет Жакоба-Луи Дюваля, сына Якова Дюваля.

Следующая дочка, Люсиль, родилась у Луи Дюваля в 1810 году, но прожила она совсем недолго. В годину Отечественной войны 1812 года в семье наконец-то появился долгожданный мальчик, названный Жаном. Настала пора уезжать на родину предков.

Луи Дюваль покинул российскую столицу в 1814 году и вместе с женой и тремя детьми вернулся в Швейцарию, где он дослужился до члена Государственного совета, а в 1839 году ушел в отставку. Уже в Картины, имении Якова Дюваля, которого опять именовали Жакобом-Давидом, родился 13 октября 1814 года у Адриенны и Луи малыш, получивший имя Давид-Жакоб в честь родного дяди по отцу. Последним ребенком четы стал Этьен-Луи, увидевший свет 20 августа 1818 года.

Поскольку дети как Якоба, так и Франсуа не пошли по стезе ювелиров, то одному из отпрысков Луи Дюваля суждено было по решению отца и дядюшек продолжить фамильное дело в далекой столице Российской империи. Давид-Жакоб Дюваль 25 февраля 1843 сочетался узами законного брака с Полиной Плантамур и вскоре увез молодую жену в Санкт-Петербург, где родились Филипп-Луи (28 марта 1844 года) и Натали (18 ноября 1845 года). Однако по каким-то причинам пребывание в Северной Пальмире оказалось недолгим, и последующие чада появились у супругов уже в Женеве: София – 5 мая 1847 года, Теодор – 6 марта 1849 года и Эмиль – 21 марта 1855 года [131].

Франсуа Дюваль – человек многосторонних дарований

Однако подлинным преемником старшего брата стал Франсуа, или Жан-Франсуа (его полное имя – Жан-Франсуа-Андре) Дюваль, родившийся в Петербурге 13/24 марта 1776 года. Он, также иногда именуемый на немецкий манер «Францем», фактически уже в 1803 году сменил Якова на должности придворного ювелира. Августейшая патронесса его очень ценила, поскольку ювелир безотказно выполнял ее поручения. Любили его и в обществе, ибо Франсуа был всегда любезен и услужлив, а, заведя полезные знакомства, старался поддерживать с кругом избранных приятелей хорошие отношения.

Особенно близко он сошелся с Григорием Ивановичем Вилламовым, личностью весьма незаурядной, необыкновенного ума и дарований, ибо однажды статс-секретарь вдовы Павла I на пари выиграл заклад, поскольку ухитрился одновременно писать деловую бумагу по-русски, разговаривать по-немецки и петь арию из французского водевиля.

Встречи с Франсуа Дювалем неоднократно описываются Вилламовым на страницах его дневника. То он видит ювелира у императрицы Марии Феодоровны при обсуждении подарков, «которые предполагалось сделать по случаю рождения великой княжны Елизаветы Александровны», второй дочери Александра I, после чего Вилламов отобедывает у друга. То

заходит к приятелю для размена 300 рублей или же они вместе идут посмотреть нашумевший в столице рисунок Шебуева «Благотворительность», а затем являются в приемную к царственной начальнице, и та, вернувшись от дочери Екатерины, отдает Дювалю нужные распоряжения. Или совершенно живая зарисовка: на обеде у Франсуа Дюваля собрался тесный круг друзей: помимо Вилламова к гостеприимному хозяину пришли Гавриил Петрович Виолье, третий секретарь вдовствующей императрицы, и композитор Буальдьё, особенно прославившийся своей оперой «Белая дама». Приятели за столом вели разговор о франкмасонстве и распевали масонские гимны, а потом собрались вечером поехать в ложу [132].

Хорошие отношения у придворного ювелира сложились и с братьями Лабенскими.

Особенно часто он любил беседовать с художником Францем Ивановичем (Франциском-Ксаверием) Лабенским, заведующим Картинной галереей императорского Эрмитажа и к тому же благодаря проводимой инвентаризации прекрасно знавшим также собрания Таврического и Мраморного дворцов.

Франсуа Дюваль, ценивший все изящные искусства, и сам был талантливым живописцем-любителем. Располагая значительными денежными средствами, он, следуя примеру отца, собрал в России замечательную коллекцию работ старинных итальянских, голландских и немецких мастеров кисти. В 1812 году с некоторых картин этой галереи по заказу ее владельца художник Михайлов даже выполнил 19 рисунков, а уже по ним для каталога собрания ювелира в мастерской петербургского гравера Клаубера исполнили резцом гравюры на меди, но одно живописное произведение зарисовал и награвировал А.

Бувье. Кстати, именно из галереи Франсуа Дюваля в 1805 и 1807 годах приобрели для Императорского Эрмитажа несколько картин: «Внутренность караульни» Ле-Дюка, «Вид деревни на островке реки Мааса» Ван-дер Нера и «Пейзаж» Себастьяна Бурдона.

Да и своей августейшей повелительнице Франсуа Дюваль поставлял заинтересовавшие ее живописные произведения. 5 ноября 1807 года оказались во дворце императрицы Марии Феодоровны четыре картины, приобретенные за 1100 рублей: Себастьяна Бурдона, Жака Стелла, Карло Маратти, а также «исполненная во вкусе Рембрандта» неизвестным художником. Уже в Сочельник 1808 года вдовствующая императрица могла любоваться и копией «Святого семейства» Никола Пуссена [133].

В 1816 году и средний из сыновей Луи-Дави да Дюваля навсегда уезжает на родину в Швейцарию.

Ликвидировав дела в связи с отъездом из России, Франсуа Дюваль увез в Женеву и свою галерею, насчитывавшую около 120 картин. Составить компанию в долгой дороге он пригласил уже прославленного, несмотря на молодость, портретиста Ореста Адамовича

Кипренского, отправляющегося на три года в Италию «пенсионером» императрицы Елизаветы Алексеевны. Путники в коляске Франсуа Дюваля, запряженной почтовыми лошадьми, добрались до Кронштадта, а там 21 мая (2 июня) 1816 года сели на корабль и после четырнадцатидневного плавания по бурному морю высадились в Любеке, где провели четыре дня, дожидаясь, пока выгрузят экипаж придворного ювелира, а затем 29 июня прибыли в Женеву.

Долгие часы, проведенные Кипренским в дороге, оказались для него чрезвычайно познавательными, ведь молодой живописец не напрасно считал Франсуа Дюваля «одним из лучших знатоков в искусстве в Европе».

Попутчики, вероятно, много беседовали, а подчас наверняка и спорили о старых и новых мастерах кисти и резца, недаром художник поделился с А.Н. Олениным: «Мне с Г-м Дювалем было весьма приятно сие путешествие, ибо во многом мы были согласных мнений» [134].

Столь отрадное времяпровождение в пути «при виде роскошествующей природы посреди изобилия своего» омрачило досадное происшествие под Касселем, когда «почтальон опрокинул коляску в канаву». Франсуа Дюваль отделался легкими ушибами и испугом, Кипренскому же повезло гораздо менее, и бедняга горестно вздыхал в том же письме в

Петербург, что «семь радужных цветов ознаменовали под глазом падение мое», тут же шутиливо описывая, как, оставшись «на дороге среди темной ночи» (пока слуга с почтальоном отправились за помощью на почтовый двор) и боясь разбойников, оба путешественника «вооружились терпением и храбростию, обнажили сабли, стучали и гремели оными, давая тем чувствовать окрестностям, что вооруженные суть на страже колесницы. Никакой змий, никакое чудовище и ни один волшебник не дерзнул к нам явиться на сражение; един токмо дождь – нас дурачил без пощады, лил ливнем. Герои вымокли, прозябли и притом дожидались целые три часа, покуда набрали двенадцать человек, кои насилиу пришли и насилиу! насилиу! подняли коляску! она потерпела; но колесам ничего не сделалось, следовательно мы немедля отправились далее» [135] .

Прибытие в вожделенную Италию явно задерживалось, и нетерпеливый художник с неприкрытой досадой сожалел: «В Женеве я был принужден оставаться почти три месяца для излечения глаза, ушибленного под Касселем», проживая под кровом, любезно ему предоставленным прежним Яковом, а теперь Жакобом-Давидом Дювалем.

Тому же Оленину Кипренский расписывал свои впечатления: «Господин Дюваль живет прекрасно, дом у него в Женеве славный, притом хороший кабинет картин; дача в девяти верстах от города в Картини преславная, я часто любовался на пастве стадами его. Опытность людей научает вести дом наилучшим образом. За быстрой рекою Роны, между гор Салев и Жюра, отсюда видна граница Франции. После работы в хорошую погоду я прохаживался по крутому берегу Роны и отдыхал под величайшею липой, которую посадил честный Сюлли» [136] .

В Женеве Орест Кипренский написал портреты гостеприимного хозяина и его дяди – бывшего скромного пастора, а ныне члена Большого совета и видного парламентского деятеля, «славного Дюмона, которого представил ораторствующим, как обыкновенно женевацы привыкли видеть его в Совете, вдали изобразил снежные горы Алп». Обе работы молодого русского портретиста экспонировались сразу же по написании на художественной выставке в этом гостеприимном швейцарском городе, а позже А. Дюваль подарил сии живописные изображения своих предков в Публичную и университетскую библиотеку в Женеве. Находясь в Швейцарии, Кипренский сделал карандашные зарисовки и других членов семьи Дювалей [137] .

В 1845 году вывезенную Франсуа Дювалем из России весьма изысканную коллекцию итальянских, немецких и голландских картин купил граф де Морни, сводный брат будущего французского императора Наполеона III. Новый владелец отправил ее в Лондон и там под именем галереи Дюваля выставил 12 и 13 мая 1846 года на аукцион, принесший графу около полумиллиона франков. С молотка ушло и написанное самим Грёзом по заказу Дюваля «Семейство пьяницы».

Расставаясь с картинами мастеров иностранных школ, Франсуа Дюваль сохранил у себя коллекцию работ швейцарских художников, а также прекрасные античные мраморы, бронзы и камеи. Все это унаследовал его сын – швейцарский художник Этьен Дюваль. Предметом вожделения знатоков была найденная в 1784 году на вилле Адриана группа из паросского мрамора «Фавны», причем отличной сохранности. За «Фавнов», увековеченных по рисунку Михайлова Клаубером в весьма тонкой гравюре резцом на меди, король Баварский, будучи в Петербурге, предлагал Дювалю 4 тысячи голландских червонцев [138] .

Франсуа Дюваль женился 21 ноября 1821 года на прелестной Нинетте, дочери известного швейцарского художника Вольфганга-Адама Тёпфера, о котором Орест Кипренский вспоминал, что тот недаром тогда славился в Женеве, ибо «пишет Швейцарию в том роде, как Тениер писывал Фландрию». Кстати, в собрании Государственного Эрмитажа есть три картины тестя придворного ювелира русской вдовствующей императрицы, но если две из них приобретены в советское время у частных лиц, то третья – «Вид окрестностей Женевы», написанная, судя по подписи автора, в 1801 году, поступила в музей из Павловского дворца [139] . Не исключено, что этот холст Франсуа Дюваль мог послать в дар своей августейшей покровительнице.

Любовь родителей к живописи передалась родившемуся в 1824 году Луи-Этьену Дювалю, второму сыну достойной четы, ставшему после учебы у Александра Калама неплохим пейзажистом. Других детей Франсуа Дюваля профессия отца также не привлекла. Скончался всеми уважаемый бывший ювелир Двора русской императрицы Марии Феодоровны 16 декабря 1854 года в Женеве [140].

«Черен для пера», или «головная булавка гирляндой из мелких изумрудов»

Средний сын Луи-Давида Дюваля оказался достойным продолжателем семейного дела. Однако атрибуция его произведений затруднена из-за отсутствия на них каких-либо подписей и клейм, ибо заказчику выставлялся счет.

Руке Франсуа Дюваля можно приписать эгрет-«черен для пера», значившийся в другой, более поздней, описи русских коронных вещей как «головная булавка гирляндой из мелких изумрудов в коих 22 бриллианта», ограненных «подвескою» [141], ибо чересчур уж близка ему по описанию в перечне драгоценностей, исполненных этим ювелиром для императрицы Марии Феодоровны в апреле 1808 года, «ветка, скомпонованная из 23 грушевидных алмазов индийской грани, бриллиантов и роз», стоимостью «за поставленные камни и работу, в 3602 рубля» [142].

Самое удивительное, что соединительных ушек для прикрепления подвесок к оправе «смарагдовых» листочков на сохранившемся порт-султанине имеется тоже двадцать три, хотя в 1838 году на гирлянде находился лишь 21 панделок «разной величины», но через три десятилетия к ним опять добавился один из двух утраченных солитеров. Однако алмазы-«грушки» индийской грани и бриллианты-панделоки отчасти объединяет только форма, напоминающая по очертаниям слегка приплюснутую каплю, фасетки же на кристалл наносились по-разному. Да и диамантовые «розы», похожие на кусочки прозрачного, посверкивающего радужными искрами льда, чересчур отличаются по цвету от ярких травянисто-зеленых изумрудов. Для большей светонаполненности самоцветов применена ажурная оправка: бриллианты окружала серебряная, а изумруды – золотая.

Вероятней всего, вскоре Франсуа Дюваль, ювелир вдовствующей императрицы, почти в точности повторил так понравившуюся его патронессе «ветвь». И вот уже вьется-завивается спиралью тоненькая золотая веточка то ли лавра, покрытая изумрудными листочками, перемежающимися со сверкающими солитерами-«плодиками», то ли маслины с бриллиантовыми цветочками и с подвешенными к смарагдовым листикам панделоками-«оливками», закрепленными подвижно и при малейшем колебании искрящимися радужными брызгами. (См. цвет. илл. 18.)

Поскольку эта «гирлянда» не упомянута среди бриллиантов императрицы Елизаветы Алексеевны, можно предположить, что это полное символика украшение под султан шляпы Мария Феодоровна подарила боготворимому сыну – императору Александру I. Хотя воспитанник Лагарпа не любил обвешивать себя драгоценностями, но в скором времени предстояло много важных встреч: тут и Эрфуртское свидание с Наполеоном в сентябре 1808 года, и сопровождаемый пышными празднествами визит в январе 1809 года в «Северную Пальмиру» прусской королевской четы, совпавший с неожиданным обручением любимой сестры Екатерины Павловны с герцогом Георгом Ольденбургским, и, главное, торжественный въезд в отвоеванную у Швеции Финляндию. Могущественный монарх 31 марта 1809 года явился во всем блеске своего величия в Або, где с удовольствием лицезрел триумфальную арку с льстивой надписью: «Александру I, войска которого покорили край, и благость которого покорила народ».

Над челом самодержавного властелина покачивался украшающий треуголку пышный плюмаж с перьями, закрепленный снизу в ажурной лаврово-оливковой гирлянде победителя, несущего покорившимся мир. Матушкин презент оказался как нельзя кстати.

Орден Золотого Руна с бразильскими топазами

А через несколько лет, когда русский государь стал освободителем Европы, вдовствующая императрица Мария Феодоровна сделала венценосному сыну не менее восхитительный подарок.

В 1814 году русскому самодержцу из Мадрида прислали драгоценную, украшенную эмалью орденскую цепь с характерной подвеской: под огнивом с вырывающимися из него языками пламени свисала шкурка золотого барашка с поникшей рогатой головкой и изящными ножками с трогательными копытцами. Благодарный испанский король Фердинанд VII впервые в западноевропейской истории наградил православного монарха Александра I самым престижным и древним католическим орденом Золотого Руна.

Немного истории... Об ордене Золотого Руна

Существование свое этот рыцарский орден отсчитывает с 10 января 1429/1430 года, ибо в XV веке календарный год обычно начинался с Пасхи. В этот день Филипп III Добрый, прозванный из-за обширности земель « великим герцогом Запада » (поскольку владел не только Бургундией, Брабантом и Лимбургом, но и графствами Фландрии и Артуа, Голландии и Зеландии, Фрисландии и Генегау, а также пфальцграфством Намюр) , торжественно праздновал в Брюгге свадьбу со своей третьей супругой Изабеллой Португальской. В разгар пира, когда знатные гости отдавали должное разнообразнейшим яствам, заодно завистливо созерцая ослепляющие роскошью и кажущиеся неисчислимыми богатства, нарочно выставленные не только в громадном поставце, но и на приставленном к сей « витрине » семиметровом помосте, счастливый новобрачный встал и торжественно объявил об учреждении рыцарского ордена Золотого Руна « в честь Девы Марии и Апостола Петра в защиту веры и католической церкви » , причем « не для того, чтоб прочим быть подстать, не для игры или забавы, но чтобы Господу хвалу воздать и чая верным – почести и славы » [143] .

*Название ордена казалось странным, хотя еще в 1382 году правитель Неаполя Карл III Малый учредил недолго просуществовавший орден Корабля или аргонавтов, слывших тогда образцом доблести и храбрости. Просвещенный же бургундский герцог, владевший великолепной библиотекой с книгами, посвященными не только рыцарским подвигам, но и истории Востока, вне сомнений, знал из поэтической пастурели Фруассара о детях беотийского царя Афаманта, вынужденных из-за козней мачехи покинуть милую родину на волшебном златорунном баране. Несчастливая Гелла, испугавшись бурных волн, не удержалась на крупе сказочного существа и упала в воды моря, названного в ее память « Геллеспонтом » , а Фрике счастливо добрался до берегов реки Фасиса (ныне Риони) , где принес в жертву богам спасшее его дивное животное. Шкуру златорунного барана с ножками и с увенчанной рогами головой повесили в роце Ареса. Там ее охранял вечно бодрствующий страшный дракон, извергающий из пасти пламя, чтобы никто не посмел даже приблизиться к сокровищу. Однако вернуть в Грецию золотое руно, несущее его обладателю благоденствие, удалось отважному Ясону, приплывшему в далекую Колхиду со своей верной дружиной на корабле « Арго » . Потому-то редкостная смелость и небывалый успех античного героя отразились в девизе бургундского ордена: « Награда не уступает подвигу » (*Pretium labore non vile*) , или « Цена труда – не малая » [144] .*

Однако современники ехидно замечали, что жизнелюба Филиппа III Доброго так однажды пленили прелести златовласой дамы, нечаянно свалившейся на полном скаку с седла и шлепнувшейся в воду, что локон рыжих кудрей очаровательницы, заставившей вспомнить о несчастной Гелле, герцог уподобил золотому руно и прикрепил сладостную добычу к своей нагрудной цепи. Другие шептались об одном из членов правящей семьи, подобно античному Ясону счастливо избежавшем плена в Колхидской Мингрелии.

В переносном же смысле в походе за Золотым Руном видели поиск духовного озарения,

обретение бессмертия и преодоление темных сторон человеческой природы, а также символ завоевания невозможного [145] . И хотя при дворе Филиппа Доброго алхимики усердно пытались получить философский камень, все превращавший в золото, не подлежало сомнению, что подлинным сокровищем Нидерландов была обыкновенная овечья шерсть, превращавшаяся в золотые монеты, ибо из подобного руна искусными руками мастеров создавались не только всевозможные дорогие ткани, но и имитировавшие умело окрашенными нитями живопись, баснословной стоимости безворсовые ковры-шпалеры, пополнявшие деньгами казну герцогов Бургундских.

Статуты ордена Золотого Руна приняты в городе Лилле 27 ноября 1431 года, в день Св. Андрея, небесного покровителя Бургундии, на капитуле, где первыми членами нового братства рыцарей « без страха и упрека » стали 24 дворянина, давно обзаведшиеся фамильными гербами. Каждому из них глава ордена пожаловал золотое ожерелье, причем с середины драгоценной цепи ниспускалось на грудь кавалерственной персоны « подобие золотого руна » . Если одна часть звеньев напоминала косой крест-распятие Св. Андрея, образуемый взаимно перекрещивающимися кремнями, от коих исходили языки пламени, то другую образовывали двойные буквы « В » , символизирующие Бургундию и Брюгге (или Брабант) . В статуте подчеркивалось: сие « ожерелье не может быть украшено драгоценными камнями или чем-либо другим, не может быть отдано в дар, ни продано, ни заложено, ни отчуждено по каким-либо причинам » , а после смерти кавалера оно как неотъемлемая собственность ордена обязательно возвращается в капитул [146] .

Чтобы показать свое членство в сем « дружеском союзе », рыцарь обязан всегда носить знаки ордена под угрозой денежного штрафа в пользу церкви, к тому же прегрешивший, дабы подчеркнуть свою добродетель и нравственность в глазах общества, искупал допущенную небрежность еще и заказом обедни. Правда, кавалерам, одетым в полное вооружение, разрешалось надевать на шею лишь подвеску ордена Золотого Руна без постоянного ожерелья.

Все орденское одеяние, даже шляпа и туфли, было красного цвета, символизировавшего как кровь Христа, пролитую на Голгофе, так: и рвение в вере, достоинство и неустрашимость, а на багрянце мантии красовались вышитые шелком и золотом не только шкурки волшебного барашка и «огнивицы», окруженные языками пламени, выбитого столкновением кремней, но и второй горделивый девиз: « Я обладаю и другого не хочу » (Autre n'aiga) . Правда, преемник Филиппа III Доброго, герцог Карл Смелый, столь заносчивый, что из-за пустячной ссоры с императором упустил титул короля Бургундии, даже чуть изменил французский слоган на высокомерное: « Я получил » (Je lay empris) , лишь бы подчеркнуть престижность ордена Золотого Руна, чьим гроссмейстером он являлся по праву рождения. Однако последующие магистры оказались более скромными и наделенными показным христианским смирением, а посему с XVI века возобладал латинский эквивалент второй части первоначального девиза: « Ничего другого » (Non aliud) [147] .

И надо же случиться, что именно в 1430–1431 годах в Руане проходит процесс обвиняемой церковниками в колдовстве и чародействе Орлеанской Девственницы, которую впоследствии привыкли называть Жанной д'Арк. Как выяснили не так давно французские ученые, в жилах Жанны текла королевская кровь, ибо отважная воительница была плодом прелюбодейной связи королевы Изабо с герцогом Луи Орлеанским, младшим братом французского короля Карла VI – законного супруга августейшей распутницы, а поэтому приходилась герцогу Бургундскому Филиппу III Доброму по его второй жене свояченицей [148] . Церковь заставила знать смириться с вынесенным приговором по обвинению столь высокорожденной Жанны в колдовстве и неподобающем ношении одежды, не приличествующей ее полу.

Языческие мотивы новоучрежденного ордена теперь становились не очень приемлемыми. Да и Ясон, хотя и совершил немалые подвиги в Колхиде, все-таки поступил бесчестно, тайно своровав Золотое Руно с помощью волшебства влюбленной Медеи, внучки

самого бога солнца Гелиоса, а затем коварно изменил царевне, всем для него пожертвовавшей и предавшей ради прекрасного чужеземца родных отца и брата. Подобные деяния античного героя, столь недостойные для истинного рыцаря, позволяли втихомолку сравнивать их недоброжелателями герцога с тогдашней политикой Бургундии в отношениях с сюзереном – французским королем Карлом VII. Не случайно даже Ален Шартье, придворный поэт Филиппа III Доброго, не удержался от порицания главы аргонавтов: « Для Бога и людей презренны / Идущие, поправ закон, / Путем обмана и измены, – / К отважных лику не причтен / Руно Колхидское Ясон / Похитивший неправдой лишь. / Покражу все ж не утаишь » [149] .

Пришлось учредителю ордена прислушаться к советам высокообразованного епископа Шалонского и заменить язычника Ясона на не отличавшегося особой отвагой Гедеона, зато библейского персонажа, заимствованного из Книги Судей Израилевых. По молитве Гедеона, ожидающего знамения Господня, на расстеленную праведником стриженую шерсть выпала роса небесная, в то время как поле вокруг осталось сухим. Когда же Гедеон попросил подтвердить чудо, абсолютно сухое руно покоилось на влажном поле.

Этому эпизоду Старого Завета, что немаловажно, соответствовали в Новом Завете не только таинство Благовещения, но и Непорочное Зачатие Девы Марии. Ведь в руне Гедеоновом видели один из ярких символов сей тайны, ибо искупитель первородного греха Иисус зародился благодаря дарованной благодати в лоне Девы Марии подобно жемчугу, появляющемуся, как верили, в морской раковине из небесной росы « без какого-либо участия порождающего семени » . И хотя об ордене Золотого Руна продолжали говорить как о Руне Ясона (*Vellus Jasonis*) , в XV веке довольно часто встречался и другой термин – « Знаки Гедеона » (*Gideonis Signa*) [150] . Но продолжалось это недолго.

Уже в 1454 году бургундский герцог Филипп III Добрый, решивший организовать крестовый поход, дабы защитить древние христианские церкви и освободить от приверженцев Аллаха территории православной Византийской империи, только-что павшей под ударами турок, собрал своих сторонников на пиришество, устроенное в Большом зале старинной резиденции в городе Лилль. На картинах и шпалерах, украшающих стены, пирующие могли созерцать подвиги Геркулеса и Ясона – самых славных героев древних времен. Ведь герцоги Бургундии возводили свою генеалогию к получившему бессмертие Геркулесу, считая, что, когда тот пересекал места их будущих владений ради свершения очередного из двенадцати подвигов по дороге в Испанию, полубогу встретилась прекрасная дама Алисия, перед чьей прелестью сын Зевса не смог устоять, и от сего союза пошел род повелителей Бургундии.

Среди разнообразных персонажей пантомимы, развлекающей участников знаменательного банкета, не замедлил вскоре появиться « во плоти » и сам « рыцарь » Ясон. Легендарного воителя сопровождала аллегория христианской Церкви, молящей о помощи против неверных как самого Филиппа III Доброго, « настоятеля пэров Франции » , так и тех, кто носит знак Золотого Руна. Собравшиеся кавалеры не остались равнодушными к ее призывам и, когда на стол поставили блюдо с живым фазаном, стали над птицей, чье название напоминало по созвучию о реке Фасис, громко возглашать клятвы, что будут в предполагаемом крестовом походе действовать как подобает ревностным христианам, во имя спасения души, искупления грехов и святого крещения схизматиков. Однако молодежь предпочитала (как это делали в романах истинные паладины) произносить куртуазные обеты « дамам и фазану » [151] . К тому времени прочно забыли о библейском Гедеоне, никого из рыцарей не вдохновлявшем на ратные подвиги.

В 1477 году единственная малолетняя наследница герцогов Бургундских Мария, дочь Карла Смелого, вышла замуж за австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, и будущий император Священной Римской империи германской нации получил не только земли супруги, но и стал по статуту сюзереном ордена Золотого Руна. Их сын Филипп Красивый женился на Хуане Безумной, наследнице королевств Кастилии и Арагона. После Филиппа I гроссмейстером ордена Золотого Руна, перенесшим орденский архив в Мадрид, оказался его

первенец, избранный в 1519 году на императорский престол под именем Карла V. За три года до сего знаменательного события, будучи лишь испанским королем, он, чтобы облегчить жизнь кавалерам да и себе, отменил штрафы за отсутствие непременно ожерелья в непраздничные дни, разрешив взамен драгоценной инсигнии носить лишь знак отличия ордена либо на золотой цепочке, либо на красной шелковой ленте, продеваемой через огниво, украшенное одним драгоценным камнем.

Когда владения империи стали чересчур обширны, Карл V в предвкушении своего добровольного отречения от престола передал в 1556 году родовые австрийские и немецкие земли младшему брату Фердинанду, королю Чехии и Венгрии, ставшему вскоре императором, а сыну Филиппу II оставил Испанию и Нидерланды, не забыв о статусе гроссмейстера их повелителя в ордене Золотого Руна. Потому-то последующими магистрами ордена в течение полутора столетий обязательно были испанские короли из династии Габсбургов, вплоть до бездетного Карла II, скончавшегося в 1700 году.

Чести стать кавалерами самого возжеленного католического ордена удостаивались немногие – лишь владетельные особы и представители самых древних и знатных родов. Недаром знаменитый французский романист Александр Дюма отнюдь не случайно « наградил » орденом Золотого Руна благородного графа Де ла Фер, вымышленного героя трилогии о королевских мушкетерах.

Король Карл II Испанский Габсбург завещал свой трон внуку французского монарха Людовика XIV, поскольку женой « короля-солнца » была инфанта Мария-Терезия, приходившаяся родной сестрой владыке, обделенному счастьем отцовства. Новый повелитель Испании из рода Бурбонов, принявший тронное имя Филиппа V, сразу после воцарения стал уже с 1701 года раздавать нужным персонам ордена Золотого Руна.

Этого не могли потерпеть германские императоры Габсбурги. Однако у инфанты Маргариты-Терезии, другой сестры Карла II Испанского, в супружестве с императором Леопольдом I не было детей. Лишь в третьем браке повелитель « Священной Римской империи » обрел сыновей. Старший воцарился на отчем престоле с 1705 года, приняв имя Иосифа I, а его младший брат Карл еще при жизни венценосного батюшки стал претендовать на мадридский трон. Сей эрцгерцог в ходе войны за столь лакомое наследие захватил в 1710 году на несколько дней возжеленную столицу, хотя и не успел там провозгласить себя испанским королем Карлом III, зато вывез архив ордена Золотого Руна в Вену, а всего через год неожиданно, после ранней смерти брата, оказался на троне германских императоров под именем Карла VI.

Испанию ему так и не удалось заполучить, однако в ходе сражений к Священной Римской империи отошли земли Брабанта вместе со столичным Брюсселем и достославным Брюгге, то есть Южные Нидерланды, обеспечивавшие правомочность владения орденом Золотого Руна. Провозгласив себя законным гроссмейстером самого престижного католического ордена, император Карл VI начал награждения орденом Золотого Руна, причем, в отличие из испанских, венские знаки отныне пополнились дополнительной, располагающейся между цепью и огнивом золотой пластиной со сценой битвы Ясона с драконом. В результате самый древний и почитаемый католический орден разделился на две ветви, что признали законным после ряда скандалов и выяснения отношений лишь в 1748 году.

Царь Петр I, ставший в споре обоих гроссмейстеров ордена Золотого Руна на сторону своего современника – императора Карла VI Габсбурга, но при этом прекрасно знавший, что престижнейшим европейским орденом награждают только католиков, учредил свой Андреевский орден, специально подчеркнув в проекте устава 1720 года, что российский продолжает два уже угасших западноевропейских ордена, основанных во имя так почитаемого на Руси ее небесного покровителя: « Орден Св. Андрея, яко патрона и заступника, в Шотландии уже пресекался; а другой, учрежденный в 1430 году в честь Пресвятой Богородицы и Апостола Андрея устроенный, в Орден Золотого Руна превращен

от цесаря Карла » [152] .

В « бриллиантовом » XVIII веке европейские государи, ставшие кавалерами ордена Золотого Руна (что от мадридского двора, что от венского) , как только получали от суверенов-гроссмейстеров соответствующее разрешение, делали для себя лично дополнительные орденские знаки, теперь как можно пышнее украшенные драгоценными камнями, причем ювелиры старались иллюзорно передать переливы пламени от выбитого кресалом огня в геральдической эмблеме Бургундии и Нидерландов, скрывающей еще один девиз: « Удар падает прежде, блеснет пламя » (*Anteferit Quam flamma micet*) . Теперь на смену звену-огниву, скромно украшенному одним некогда разрешенным блестящим камешком, пришел крупный « огнистый » самоцвет с отходящими от него золотыми языками « пламени » , все чаще дополняемыми ослепительным сверканием граней бесценных кристаллов.

Баварский курфюрст украсил свои орденские знаки громадными вишнево-красными богемскими гранатами и редкостным голубым алмазом в 35 карат, имитирующим вспыхнувшее огниво. Не отставали от властителя Мюнхена и саксонские курфюрсты Август II Сильный и его достойный сын Август III. Избранные на польский королевский престол, они, обожавшие пышность, заказывали волшебникам камня ордена Золотого Руна, один роскошнее другого, непременно входившие в очередной великолепный набор аксессуаров костюма. В одном из них взоры участников придворных церемоний несколько десятилетий восхищал несравненный по величине и редкостному цвету « Дрезденский Зеленый » алмаз, а в другом взгляды ослепляла сплошная, ослепительно сверкающая мозаика из крупных бриллиантов. Да и сейчас в « Зеленых сводах » столицы Саксонии хранятся карнеоловый (сердоликовый) , черепаховый, изумрудный, рубиновый и алмазный гарнитуры обоих Августов, и гордость дрезденской сокровищницы составляют одиннадцать знаков ордена Золотого Руна [153] .

Но всех европейских монархов превзошел французский король Людовик XV. Августейшему кавалеру ордена Золотого Руна мало было « белого » убора, в коем золото основы едва виднелось из-под сверкающих и переливающихся всеми цветами радуги « инеистых » алмазов. Поэтому для любимого государя ювелир Жакмен с резчиком Жаком Греем в 1749 году создали « цветной » комплект, куда также входил самый желанный из иноземных орденов. Фантазия умельцев на сей раз преобразила огниво с кремнями в огнедышащего дракона-хранителя шкурки волшебного барашка. Для создания тела ужасного монстра не пожалели столетиями покоящейся в сокровищнице владык Франции громадной алой шпинели, причем как крылья, так и хвост, спирально обвившийся вокруг бриллианта в 38 карат, сплошь унизывали алмазы, в большинстве своем поставленные на красную фольгу. Два топаза напоминали клубы огня, вырывающегося из пасти сказочного чудовища, заодно изрыгающей похожий на ослепительно блестящий поток голубого пламени или на язык раскаленной вулканической лавы грушевидный синий бриллиант в 67 1/8 карата, с которого свисало само золотое руно.

Французский путешественник Тавернье, побывавший в Индии, низжайше преподнес в 1668 году дивный лазурный каплевидный алмаз в дар королю-«солнцу» , за что Людовик XIV пожаловал верноподданному в благодарность 250 тысяч ливров. Редкостный камень в 112 1/4 карат после нескольких переогранок « похудел » до 67 1/8 карат, зато превратился в восхитительный « Синий бриллиант Короны » , перед Французской революцией 1789 года оценивавшийся в 3 миллиона франков. Однако грабителям, похитившим восхитительную вещь из бывшей Королевской сокровищницы 17 августа 1792 года, не было никакого дела до ювелирного шедевра, попавшего к ним в руки. Изумительный по красоте знак ордена Золотого Руна безжалостно разломали, а чтобы знаменитый « Голубой Тавернье » не был узан, уникальный камень поскорее переогранили.

Очень опытный ювелир, чье имя так и осталось неизвестным, срезал верхушку панделока-«грушки» и преобразовал ее и довольно крупные сколы камня в бриллианты. Но лишь в 1830 году на аукционе появился « великолепнейший и редчайший бриллиант

замечательной чистоты и совершеннейшей огранки » , сочетавший в себе « великолепный цвет сапфира с игрой и блеском алмаза » . Продавал его лондонский торговец Элиассон, а приобрел за 18 тысяч фунтов для своей изысканной коллекции самоцветов то ли голландский, то ли ирландский купец Генрих-Филипп Гопе (Норе) , по имени которого дивный камень в 44,4 карата отныне стал называться « Гоп/n/e » , или, на английский лад, « Хоуп » . Правда, голубой бриллиант, прошедший через руки многих владельцев прежде, чем оказался в Смитсоновском институте в столичном Вашингтоне, многие пишущие на русском языке авторы все чаще предпочитают именовать, обыгрывая фамилию первого владельца, « Надеждой » .

Довольно крупные сколы прославленного синего диаманта Французской Короны, иначе называемого « Голубым Тавернье » , превращенные в бриллианты, еще в самом начале XIX века приобрели европейские коллекционеры [154] .

Ныне взоры посетителей выставки Алмазного фонда России радует восхитительный голубой бриллиант в 7,6 карат, купленный императрицей Марией Феодоровной на ее собственные деньги. Августейшая хозяйка носила уник в перстне, завещанном любимой невестке, обеспечившей династию продолжением рода. Подарок был поистине царским: в центре щитка ярким блеском горел и переливался алмаз поразительной чистоты, редкостного небесного, как у цейлонских сапфиров, цвета, призванный напоминать дорогие сердцу Александры Феодоровны васильки, не раз предвестивших в девичьи годы дочери королевы Луизы Прусской светлое будущее. Окаймленные золотыми полосками алмазные ромбы восхитительной ажурной оправы строгого, но изящного рисунка, четырежды повторяли необычную форму дивного самоцвета. Не исключено, что то была работа « Собственного придворного ювелира » Якова Дюваля. (См. цвет. илл. 19, слева.)

Однако вдова Павла I предписала обязательное условие: после смерти супруги Николая I редкостный самоцвет присоединится к сокровищам Русской Короны. Так и произошло в 1860 году, но голубой бриллиант по прихоти императрицы Александры Феодоровны теперь находился не в кольце, а украшал наверху модной булавки, которой можно было кокетливо подколоть шляпку к прическе или красиво расположить кружева воротничка на платье [155] .

Его форма, описанная знатоком геммологии Александром Евгеньевичем Ферсманом, как « неправильная ромбоидальная, с верхней стороны ступенчатой грани так же, как и с нижней » [156] , невольно заставляет задуматься, не обломок ли это верхушки панделока « Голубого Тавернье » , ибо во времена Людовика XIV бриллиантовая форма огранки еще только вырабатывалась, а ювелиру, стачивавшему боковые углы треугольного скола, нанося новые фасеты, пришлось сохранить и несколько старых, дабы сохранить, насколько возможно, массу редкостного синего алмаза. И как жаль, что во время экспонирования в 1997 году выставки « Сокровища Романовых » в столице США так и не отважились сравнить физические параметры этого бриллианта с данными « Хоупа » , а ведь они довольно близки: при изучении обоих синих раритетов в рентгеновских лучах удалось уточнить, что они принадлежат к редкой разновидности полупроводниковых алмазов типа II b, причем уник Смитсоновского института в лучах ртутно-кварцевой лампы флюоресцирует не синим, а красновато-розовым цветом. Исследование стало невозможным из-за скандальных афер российской автономной некоммерческой организации, пышно называемой « Исполнительной дирекцией проекта « Миссия доброй воли » и руководимой Михаилом Соломоновичем Гусманом, от желания урвать побольше денег совершившим, к стыду и сожалению, многочисленные обманы как своих американских партнеров, так и отечественных участников этой выставки.

А в Бриллиантовой кладовой Государственного Эрмитажа и сейчас можно полюбоваться золотым тоненьким гладким перстнем с сердцевидным бриллиантом « около 5 гран весом, весьма синего цвета » , окаймленным ажурной серебряной лентой, усыпанной мелкими бриллиантиками. Он также входил в число русских коронных вещей (может быть, его некогда носила императрица Елизавета Алексеевна) , пока по повелению Николая I не

оказался передан в Галерею драгоценностей императорского музея. Правда, перстень этот, « парный камню в булавке Алмазного фонда », чуть было в 1932 году не продали за границей, но то ли из-за чересчур высокой цены, то ли из-за « слишком простого » вида царского кольца, показавшегося возможным покупателям не достаточно презентабельным, синий бриллиант-панделок в 1,10 карат вернулся в родные стены [157].

Вдохновленная получением от своего венценосного кузена шведского ордена Серафимов, Екатерина II, лстиво называемая иноземцами « Великим государем », лютеранка по рождению, перешедшая в России в православие, теперь воспылала иметь и самый возжеланный католический орден Золотого Руна. Но гордость не позволяла ей, в случае неудачи, получить открытый отказ, и императору Иосифу II, путешествовавшему в 1780 году по России вместе с « цесарским » посланником при петербургском Дворе Кобенцелем, не раз пришлось выслушивать весьма прозрачные намеки из уст всесильного князя Григория Александровича Потёмкина.

Уже 12 июля властитель Римской империи германской нации, придя от столь неожиданного предложения в сильное замешательство, обратился за помощью и советом к своей мудрой матери Марии-Терезии: монархине-соседке « до смерти хочется получить от меня в знак дружбы и признательности орден Золотого Руна, но она не знает, как у этому приступить; она понимает, что это против правил, но тем не менее страстно желает иметь принародное доказательство моей дружбы и хотела бы, чтобы для нее одной и только в ее случае, не создавая прецедента, было сделано исключение из правил ». К тому времени Иосиф II хорошо успел узнать Екатерину II лично и понять, что « тщеславие есть ее единственный недостаток, и сознание того, что она могла бы стать первой женичиной, получившей такую награду, доставляет ей невероятное удовольствие » [158].

Однако « Северная Семирамида » была не только умной правительницей обширного государства, но и главой русской православной церкви, а поэтому императору-гроссмейстеру ордена Золотого Руна пришлось прибегнуть к тактике проволочек, о чем послушный сын через неделю уведомил августейшую родительницу: « Дела до сих пор на той же точке. <...> насчет ордена я тоже помалкиваю и, во всяком случае, не собираюсь сам его предлагать; надобно, чтобы Императрица первая об этом заговорила, поэтому я прошу В<аше> В<еличество> сохранить в тайне все, что я имел честь Вам сообщить касательно сего предмета. Полагаю, что действовать надлежит именно так » [159]. Итак, поставленным в тупик Габсбургам оставалось только затягивать решение каверзного вопроса, пока сама Екатерина II не отказалась от своих несбыточных мечтаний.

Павел I об ордене Золотого Руна даже не помышлял. Женатому самодержцу больше грело душу избрание его вначале протектором, а затем и гроссмейстером католического Мальтийского ордена, что никак не желали признавать суверены Западной Европы.

В начале XIX века престиж ордена Золотого Руна еще более вырос. Французский император Наполеон I, сместив с трона испанских Бурбонов и в очередной раз разгромив через год войска австрийского императора (таковым еще после разгрома под Аустерлицем стал титул повелителя Священной Римской империи германской нации), торжественно обнародовал 15 августа 1809 года в Шёнбрунне декрет об установлении своего ордена Трёх Золотых Рун. Бонапарт горделиво пояснял: « Мои орлы завоевали Золотое Руно королей Испании и Золотое Руно императоров Германии. Я хочу создать для Французской империи имперский орден Трёх Золотых Рун. Это будет мой орел с распростертыми крыльями, держащий подвешенными в каждой из своих лап по одному из старых Рун, которых он взял с бою, и он гордо поднимет вверх, в своем клюве, Руно, которое я учреждаю » [160]. Правда, из-за несчастливого похода на Россию награждения новоучрежденным наполеоновским орденом так и не состоялись.

19/31 марта 1814 года русские ратники во главе с Александром I и войска союзников по антинаполеоновской коалиции победоносно вошли в Париж. Сразу разгорелись нешуточные страсти за награждение триумфаторов, дошедшие до своеобразного соревнования между

властителями больших и малых европейских государств, благодарными за освобождение от ига французского монарха-«узурпатора» . Правда, еще в славном 1814 году хитрюга Талейран с ловким Меттернихом быстро, втайне от Александра I, соединили усилия с поддерживающей их Англией, дабы ослабить позиции России. Потом были Сто дней Наполеона, окончательный разгром его при Ватерлоо, Венский конгресс. Дождь орденов продолжил проливаться на победителей, однако двуличная политика бывших «верных» союзников отразилась даже в пожалованиях орденом Золотого Руна обоими его гроссмейстерами.

Австрийский император от своих щедрот (как помнит внимательный читатель) выделил русскому царю, хотя и предводителю коалиции союзников, и христианину, но «схизматику», военный орден Марии-Терезии. Зато Франц I постарался тут же забыть, что английский принц-регент Георг, из-за слабоумия венценосного отца фактически правитель Альбиона, исповедует англиканство, а посему Великий магистр австрийского ордена Золотого Руна, не замедлив, вручил возжеланный католический орден будущему великобританскому королю Георгу IV, весьма обожавшему демонстрировать на обширной груди «коллекцию» отечественных и иноземных орденских знаков. Правда, августейшего Габсбурга вдохновило на подобный дипломатический шаг награждение того же местоблюстителя английского трона испанским орденом Золотого Руна, сделанное восстановленным на престоле королем Фердинандом VII Бурбоном.

Испанский монарх, претерпевший унижения в Байонне и долгую вынужденную ссылку в Валансэ, не считал столь уж большим грехом пожалование ордена Золотого Руна впавшим в ересь христианам-некатоликам. Посему Фердинанд VII наградил, не откладывая в долгий ящик, этим престижнейшим орденом британского фельдмаршала Веллингтона за Ватерлоо, а в 1814 году кавалером испанского ордена Золотого Руна стал Александр I, вскоре избранный главой Священного Союза монархов Европы. Но на этом Фердинанд VII не остановился и за последующее десятилетие удостоил древним католическим орденом трех русских дипломатов: посла в Испании Дмитрия Павловича Татищева, посланника во Франции и Англии графа Поццо ди Борго и канцлера Карла Васильевича (Карла-Роберта) Нессельроде, не говоря уже о родных братьях петербургского властителя.

А 27 июня 1818 года дражайшая супруга русского государя, императрица Елизавета Алексеевна, получила «Испанский Орден бриллиантовой с изумрудами», дополненный «лентой фиолетовой с белыми полосами». Сей испанский женский орден Марии-Луизы был после смерти вдовы Александра I, «по резолюции Кабинета 23 февраля 1827 года, отправлен к управляющему Министерством иностранных дел» для возвращения мадридскому двору [161].

Поскольку все последующие повелители России становились кавалерами испанского ордена Золотого Руна еще при провозглашении их престолонаследниками, вряд ли случайно в утвержденном Александром II в 1856 году гербе Кутаисской губернии появилось золотое руно [162]. Ведь именно в Колхиду приплыл с аргонавтами отважный Ясон в поисках волшебного золота. Но и в этой легенде содержалось зерно истины: местные жители с незапамятных времен устилали русла стремящихся с гор золотоносных ручьев овечьими шкурами, а через какое-то время, сжигая их вместе с осевшим золотым песком, запутавшимся в курчавых завитках овчины, добывали столь необычным способом благородный металл цвета солнца.

Присылаемые из Мадрида в Петербург знаки ордена Золотого Руна были сделаны, как правило, из золота и дополнены красочной эмалью. Однако вдовствующая императрица Мария Феодоровна, собственноручно вырезавшая золотую медаль в честь сына-«избавителя народов», не могла смириться со слишком уж скромным видом самого престижного и прославленного европейского ордена у ее обожаемого первенца, тем более, что уже не раз петербургские мастера делали знаки иноземных орденов для кавалерственных «высочайших» особ. Достаточно вспомнить о цепи прусского ордена Чёрного Орла, сделанной Жерми Позье для императора Петра III [163].

Хотя документы о выплатах за поставленные вдовствующей императрице ее придворным ювелиром Франсуа Дювалем в 1813–1815 годах драгоценные изделия в архивных бумагах вдовы Павла I не сохранились, можно почти без сомнения предположить, что роскошный знак Золотого Руна, весь усыпанный драгоценными камнями, исполнил для Александра I именно этот представитель прославленной династии ювелиров, вероятно, вместе с другим петербургским искусником Жаном-Франсуа Лубье. Потому так хороша чеканка с обеих сторон ослепительно блестящей золотой волнистой ишкурки барашка, обильно усыпанной изумительно закрепленными алмазами, полыхающими и переливающимися разноцветными огоньками. Восхитительно передана изнанка кажущейся отлично выделанной и от того мягкой овчины. Но особенно поражают своей красотой и величиной драгоценные камни, « изображающие » огниво с отходящими языками вспыхнувшего от удара кремней пламени. (См. цвет. илл. 20.) Владелец крупной столичной мастерской « Братья Дюваль » , несомненно, хотел превзойти творения и фантазию западноевропейских собратьев, создавших знаки ордена Золотого Руна для своих повелителей. И это ему удалось.

Начал он с поиска самоцветов, лучше всего могущих передать иллюзию « выбитого » кресалом огня, олицетворяющего истину и знание, поглощающие ложь и невежество и выжигающие нечистоту. Как нельзя лучше для « каменного » пламени пришелся обрамляемый сверкающими бриллиантовыми « язычками » ровный блеск розовато-сиреневых топазов, ибо (так уж совпало) для родившегося под знаком Стрельца, 12 декабря 1777 года, Александра I был наиболее благоприятен именно этот камень, как считалось, привлекающий дружбу и благосклонность окружающих, способствующий сообразительности, объективности и либерализму в суждениях и действиях, да к тому же разоблачающий тайны и интриги.

Дивные бразильские самоцветы Франсуа Дюваль намеренно заключил в изящную золотую ажурную оправу, чтобы свет пронизывал насквозь чудесные кристаллы, подчеркивая их красоту, отсутствие изъянов и изумительный цвет. Очень удачно и элегантно ювелир обыграл форму топазов. Овальное огниво как будто полыхнуло от удара огнем и с боков кресала вспыхнуло и тут же разгорелось ровное пламя, но отнюдь не унылыми золотыми « трезубцами » . Оно больше похоже на крылья какой-то фантастической бабочки, обрамленные устремленными вверх, трепещущими « язычками » , составленными из бриллиантов, ослепительно сверкающих и переливающихся всеми цветами радуги. В холодный блеск серебра оправы алмазов, как издавна любили делать ювелиры семейства Дюваль, изысканно вклиниваются точки золотых крапанов закрепки нежно-пурпурных самоцветов [164] .

Привозили столь красивые топазы из Бразилии. Камни и так были крупны и хороши, но из-за нагрева до 500 градусов Цельсия, как открыл в 1750 году парижский ювелир Дюмель, они изменяли свою природную оранжевую окраску на больше напоминающую « королевский » пурпур светло-фиолетовую, а иногда подходили даже на красные яхонты-корунды. И до сих пор под пышным именем « рубина бразильского » скрывается торговое название ярко-розового и розово-красного с сиреневатым оттенком топаза.

Желтые бразильские топазы в первые два десятилетия XIX века были в большой моде, а поэтому довольно часто (как *rubis de Brezil*) упоминались в украшениях, сделанных Франсуа Дювалем для его августейшей хозяйки [165] .

Когда до Петербурга из далекого Таганрога дошла печальная весть о кончине 19 ноября 1825 года Александра I, тут же начали готовиться к церемонии погребения усопшего государя. Вдруг неожиданно выяснилось, что непонятно куда затерялись принадлежавшие покойному самодержцу ордена: недоставало шведского Серафимов, польского Св. Станислава, саксен-веймарского Белого Сокола и французского Св. Людовика. Но что самое ужасное, никак не могли найти ожерелье ордена Золотого Руна, которое после упокоения « в Бозе почившего » императора непременно следовало вернуть в Мадрид. Пришлось прибегнуть к помощи петербургского золотых дел мастера Хенрика

Таппера.

К его услугам обратились не случайно. Выходцу из Финляндии, прибывшему в столицу Российской империи, повезло попасть в ученики к Карлу-Фридриху Бреденбергу, одному из лучших серебряников «Северной Пальмиры», а поэтому достаивающемуся придворных заказов. Этот мастер иностранного цеха ювелиров, уроженец города Борго, брался обучать ремеслу лишь своих земляков и теперь с удовольствием передавал свои обширные знания талантливому и способному Хенрику Тапперу.

Понятливый ученик уже в 1808 году получил статус подмастерья и еще четыре года совершенствовался у своего учителя в познании тайн избранной профессии. Может быть, именно в это время он сблизился с Иваром (Иваром-Кристианом) Прагстом, ставшим подмастерьем в том же 1808 году. Юноша получил образование в мастерской своего отца, шведа Иоганна-Кристиана Прагста, перебравшегося в Петербург из Риги и вступившего мастером в столичный цех ювелиров еще в 1791 году, а затем, после скандала с Теннером, неоднократно работавшего для Придворной конторы. Общение с Иваром Прагстом очень многое дало Хенрику Тапперу, жадно постигавшему в общении со своим ровесником важные, до того не известные секреты работы над драгоценными металлами, и в результате он уже около 1815 года стал мастером достопочтенного цеха ювелиров. Что же касается Ивара Прагста, то он смог выдержать экзамен на это высокое звание лишь в 1822 году.

Хенрик Таппер успешно исполнял самые различные вещи. В числе его работ числятся и золотые церковные сосуды, и чеканные лампы, и золотые ножны сабли генерал-майора Эрнрота, и орденские знаки. И надо же было такому случиться: когда он уже закончил работу над цепью-ожерельем иноземного ордена Золотого Руна, неожиданно в комнатах Зимнего дворца отыскался оригинал, который и отправили в Испанию. Зато исполнительному искуснику хорошо заплатили за его труды.

К сожалению, сведения о Хенрике Таппере обрываются после 1827 года, и дальнейшая его судьба неизвестна. Но, скорее всего, мастер рано скончался. Ведь его работы ценили. Недаром вышедшую из рук золотую, покрытую черным лаком табакерку, на крышке которой красовались миниатюрные портреты Александра I и его преемника на русском престоле, обрамленные изящно прочеканенными рамками, исполненными в сложной технике четырехцветного золота, при коронации Николая I «высочайше» пожаловали графу Йохану-Фредрику Аминову, представлявшемуся среди других членов финской делегации новому монарху [166].

Роскошный же знак испанского ордена Золотого Руна и крест прусского ордена Чёрного Орла, принадлежавшие Александру I, присоединили к коронным бриллиантам. При внесении в опись данные о происхождении вновь поступивших вещей, по обыкновению, опустили.

В 1865 году ареопаг придворных оценщиков вынес вердикт: престижнейший орден Золотого Руна, находящийся среди сокровищ Русской Короны, оказывается, декорируют не «пять бразильских рубинов», а такое же число жженых топазов, с чем через полвека согласился и видный академик-минералог Александр Евгеньевич Ферсман [167].

Любимые серьги императрицы Марии Феодоровны

Вероятно, именно Франсуа Дюваль, и скорее всего, в 1810 году исполнил для своей августейшей патронессы наряду с какими-то другими вещами баснословно дорогие серьги-«Вишенки» [168], ибо 1 октября он за что-то получил от императрицы-матери 50 000 рублей. Да это и не удивительно. Даже в 1865 году комиссия ювелиров, просматривавшая русские коронные драгоценности, оценила только алмазы в этих серьгах в 28 660 рублей [169].

В отличие от правления Екатерины II, когда в украшениях царили пышные розы, затем сменившиеся нежными сентиментальными незабудками и победными триумфальными оливами и лаврами, в самом начале XIX века в моде оказались, как можно судить по

архивным документам, гораздо более скромные отечественные представители царства Флоры.

Франсуа Дюваль сделал в 1811 году для императрицы-матери новый стебелек к веточке вишен из рубинов [170]. Такие «веточки»-гирлянды тогда носили как эгрет. Еще раньше придворный ювелир представил своей повелительнице пару сережек с двумя круглыми жемчужинами под алмазными листочками [171]. Вероятно, они очень понравились Марии Феодоровне, и мотив веточки с парой крупных ягод, выглядывающих из-под природной крыши и напоминающих соплодия вишни или черешни, стал варьироваться мастером.

И вот на толстых черешках, набранных из триады крупных (каждый по 3,5 карата) бриллиантов, под укромной защитой листиков, унизанных алмазными «капельками росы», тяжело зависли обворожительные, восхитительной «игры» бразильские алмазы-солитеры, больше похожие на сказочные «спелые вишенки». Более крупная из каждой «сладкой парочки» сих «ягод» – это громадный 11-каратный овальный бриллиант, а «вишенка» поменьше, массой «только» в 6 карат, обязана своей грушевидной формой огранке «панделокком». Все дивные камни заключены в сплошную серебряную оправу с золотой подпайкой. Поэтому Франсуа Дюваль смог применить любимый «фамильный» прием, и на листиках из-под алмазной «росы» эффектно проглядывают тоненькие золотистые прожилки основы. Тяжелые серьги, чтобы не разорвать мочки уха, пришлось снабдить специальными золотыми «скобками», которые закреплялись в пышной прическе или подвешивались к золотому ободку, накидывавшемуся на ушную раковину.

Серьги-«вишенки» стали для увлекающейся ботаникой государыни самыми любимыми. Не случайно миниатюрист Карл Кроноветтер написал портрет хозяйки Павловского дворца в год ее смерти, не забыв запечатлеть искусной кистью важные для императрицы Марии Феодоровны аксессуары парадного костюма: ни коротких рукавчиков платья для официальных приемов, ни горностаевой мантии, ни сверкающей в сложной прическе бриллиантовой короны, ни золотой с эмалью цепи со свисающим с нее алмазным крестом высшего ордена Российской империи Св. Андрея Первозванного, ни красной ленты высшего женского ордена Св. Екатерины с орденским знаком, закрепленным на банте над левым бедром (ведь вдова Павла I – гротсмейстер этого ордена), ни покоящуюся на груди собственноручно вырезанную каменю с профилем супруга-благодетеля. Шею государыни огрузили три нитки крупного жемчуга, в ушах же красуются те самые, легко узнаваемые сережки [172].

Императрица Мария Феодоровна отписала восхитительные «вишенки» в казну, но в завещании специально указала, что они туда попадут лишь после кончины супруги Николая I, императрицы Александры Феодоровны, получающей «право пользоваться <...> моими прекрасными бриллиантовыми сережками» [173]. (См. цвет. илл. 21.)

А в последней трети XIX века даже возник обычай непременно присоединять эти серьги «в форме вишен» к дополнявшему свадебный наряд великих княжон комплекту коронных вещей.

К. Кроноветтер. Императрица Мария Феодоровна. 1828 г. (Бушак видны серьги-«вишенки», на голове – корона этой монархини)

В апреле 1907 года в Царском Селе состоялось торжественное бракосочетание дочери великого князя Павла Александровича, самого младшего брата Александра III. Юная Мария стала супругой герцога Карла-Вильгельма-Людовика Зюдерманландского, второго сына короля Густава V. Новоиспеченная шведская принцесса, одновременно тогда же под венцом провозглашенная русской великой княгиней, позже с юмором вспоминала, как у нее настолько разболелись уши от тяжести серег, что на торжественном вечернем банкете она уже не вытерпела, сняла «вишенки» и, к великому изумлению кузена-императора Николая II, повесила драгоценную казенную собственность на край стоявшего рядом с новобрачной стакана с водой. Интересно, что бы сказала изнеженная красавица Мария Павловна, если бы ей надели серьги середины «осьмнадцатого» века, принадлежавшие «дщери Петровой». Ведь вес серег с пчелками равен 70,23 грамма, да и сапфировые с фантастическими фонтанами лишь чуточку полегче (69,46 г). Не уступали им в тяжести (71,52 г) серьги лалового гарнитура Екатерины II, исполненные Леопольдом Пфистерером в 1764 году. Зато через несколько лет тот же мастер, вероятно, по желанию августейшей повелительницы, ухитрился почти в два раза более легкими (всего-то 43,51 г) сделать серьги красно-яхонтового убора. Так что серьги-«вишенки» вдовы Павла I, весившие «лишь» 26,48 г, заодно отлично демонстрируют немалый прогресс, произошедший за полвека в деле сбережения нежных

дамских ушек. Однако через столетие и эти два десятка граммов казались непосильными томным прелестницам эпохи модерна [174].

Розовый бриллиант и бразильские топазы

Той же любимой невестке и на тех же условиях вдова Павла I отписала свое «прекрасное» кольцо с розовым бриллиантом, сделанное в начале века Яковом Дювалем. Императрица же Александра Феодоровна повелела превратить подарок свекрови в булавку, которую, согласно воле дарительницы, после смерти супруги Николая I присоединили к коронным вещам [175].

Императрица Мария Феодоровна приобрела «на собственные деньги» сей «бесподобный камень, один из редчайших камней Индии старых добыч Голконды», притом «исключительной чистоты и мягкости тона» [176], а весом в $3 \frac{5}{16}$ карата. В обрамлении уникального диаманта Яков Дюваль намеренно применил только алмазы огранки «роза» с их искристым мерцанием, чтобы яркий блеск привычного, но уже приевшегося бриллиантового ободка не помешал бы наслаждаться редкостным цветом и прекрасной огранкой розового красавца, заключенного в специально приподнятую глухую кольцевую оправу. На золотой овал ее, видный между двумя рядами роз в серебре, ювелир аккуратно нанес для усиления контраста черную эмаль. Зато сплошная вереница алмазов третьего, почти скрытого от глаз внешнего венца помещена в ажурную оправу, что придает изящество и даже некоторую легкость жуковине бывшего перстня [177].

Когда в 1922 году разбирали коронные бриллианты, геммолог Александр Евгеньевич Ферсман, увидевший редкостный розовый алмаз, был поражен, насколько оттенок камня близок к цвету «хорошо выжженного бразильского топаза» [178]. (См. цвет. илл. 19, справа.)

Однако именно во второе десятилетие XIX века подобные бразильские топазы становятся чрезвычайно модными при петербургском Дворе.

13 сентября 1811 года Франсуа Дюваль представил своей патронессе целый набор драгоценных украшений из топазов и бриллиантов, стоивший десять тысяч рублей [179]. Императрица Мария Феодоровна явно хотела располагать сим великолепным гарнитуром ко времени предстоящих родов в далекой Германии ее третьей дочери, супруги герцога Карла-Фридриха Саксен-Веймарского и Эйзенахского. Вскоре оттуда пришла радостная весточка. Довольная августейшая матушка как раз в эти осенние дни еще наслаждалась жизнью в любимом Павловске и, зайдя в один из павильонов, написала в находившемся там дневнике: «Прощаюсь с моей красивой Фермой 27 сентября почти сразу после получения радостной новости о счастливом разрешении моей дорогой доброй Марии и о рождении моей второй внучки» [180].

Не приходится сомневаться, что Мария Павловна с восхищением приняла чудесный подарок, доставленный из России. Рисунок шатонов с топазом, окруженным двойным кольцом алмазов, напоминал о розовом бриллианте материнского кольца. Только теперь двойной ободок составляли бриллианты в ажурных кольцевых оправках, соединенных между собой в единую конструкцию редкими радиальными прутками. Колье дополняли точно такие же подвески-панделюки, как у серег, а окружающие их внешние алмазные ободки, закрепленные подвижно, завершались наверху крошечным прелестным бантиком. Особенно красив, хотя и прост по рисунку был съемный фермуар: двойной ажурный ряд металлической оправы казался испускаемыми розовым камнем лучами, завершающимися ослепительным сиянием диамантов. Самой фантазийной вещью гарнитура была кулон-брошь, называемая по-французски «devant de corsage», поскольку такое украшение по тогдашней моде непременно акцентировало центр корсажа на груди очаровательниц. Крупный овальный топаз возлежал на дивном треугольном бриллианте, покоящемся, как в гнездышке, в развилке двух зеркально симметричных веточек с листочками и тяжело свисающими кистями соцветий, а на пересечении стеблей был вывязан бант, от коего тяжело, покачиваясь в алмазном обрамлении, свисала грушевидная подвеска.

Новорожденную крошку-принцессу Августу впоследствии ожидал высокий жребий: она вышла замуж за принца Вильгельма Прусского, будущего первого германского императора. А памятный убор из розовых топазов переходил от матери к дочери, пока не очутился среди сокровищ Шведского королевского дома [181] .

Уники царства минералов, дарованные императрице Марии Феодоровне заботливым супругом

Еще Павел I отлично знал об увлечении своей благоверной всевозможными минералами, предпочтительно редкостными, а поэтому старался радовать супругу в ее праздники уникальными самоцветами, оправленными в достойную оправу искусными руками Якова Дюваля, «Собственного ювелира» капризного русского самодержца.

22 июля 1797 года, в день Ангела (или тезоименитства, как тогда выражались) возлюбленной супруги монарх удостоил ее перстнем с чрезвычайно красивым сапфиром в обрамлении драгоценных бриллиантов, стоившим всего лишь 3800 рублей [182] . Но потом подарки становились все дороже и дороже.

Ровно через год императрица Мария Феодоровна получила от предупредительного мужа «привеску»-кулон из «великолепного опала, окруженного крупными бриллиантами», на сей раз уже в 9500 рублей [183] .

Опалы издавна привлекали взоры любителей камня своей необычной красотой. Восхищался ими и автор знаменитой «Естественной истории» – погибший 25 августа 79 года при извержении Везувия Гай Плиний Секунд Старший, ибо «есть в них нежнейший огонь, нежели в карбункулах, блестящая багряность аметиста, есть морецветная зелень смарагда, и все светятся ровно в неимоверном смешении». Да и позже завораживающе переливчатые красавцы соперничали по цене с алмазами, поскольку знатоки с апломбом уверяли: «Гораздо скорее можно найти несколько сот наилучших алмазов, нежели десяток опалов без всякого порока». И вдруг с начала XIX века в Европе опалы стали считать камнями, приносящими несчастье, и к середине столетия торговля ими совершенно заглохла.

Источник смешного суеверия удалось обнаружить кандидату геолого-минералогических наук Спартаку Фатыховичу Ахметову в «историческом» романе Вальтер Скотта «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, дева мрака», появившемся в русском переводе в «Северной Пальмире» лишь в 1830 году. Для удобства чтения пухлый опус британца издали пятью небольшими томиками. Роман привлекал лихо закрученной интригой, звучными именами и таинственной мистикой. И что же выяснилось? Дамы берегли не только свои прекрасные очи от излишнего напряжения, но и волнуясь за безупречную гладкость лиц, боялись, что на их нежной коже от переживаний появятся нежелательные складочки-морщинки. На страницах же книги модного писателя разыгрывались нешуточные страсти.

*В.Л. Боровиковский. Павел I в costume гроссмейстера Мальтийского ордена.
1800 г.*

Действие «Анны Гейерштейнской» начиналось в 1474 году, события разворачивались в Швейцарии, Франции и Англии, графы, бароны и дворяне отважно сражались на войне Алой и Белой Роз, не забыты были ни герцог Бургундский Карл Смелый, ни британский король Эдуард IV, ни повелитель Франции, коварный Людовик XI, ни даже злой дух Понтия Пилата. И, конечно же, искусный романист не обошелся без парочки беззаветно страдающих влюбленных. У прекрасной леди Анны, дамы сердца храброго рыцаря Артура, оказывается, была таинственная бабушка, явившаяся будущему супругу при странных обстоятельствах.

Дедушка-барон, занимавшийся чернокнижничеством, получил в награду от тех, что «являются прежде, чем пропоет утренний петел»-петух, серебряную лампаду на мраморном подножии, испещренном загадочными иероглифами. Сей ученый муж однажды, войдя в комнату замка, остолбенел, увидев, что на волшебном пьедестале вместо погасшей лампы «стояла прелестная молодая женщина в персидской одежде алого цвета. На ней не было ни чалмы, никакого другого головного убора, кроме головной ленты, продетой сквозь ее волосы и прикрепленной золотой пряжкой, украшенную огромным опалом, который при разнообразии цветов, свойственных сему камню, сиял красноватым оттенком, подобным огненной искре». Естественно, барон женился на очаровательной незнакомке, назвавшейся Гермией. Все бы хорошо, но баронесса никогда не расставалась со своим опалом, а, когда

ей приходилось снимать его, убирая волосы в прическу, она на эти мгновения становилась необыкновенно задумчивой и молчаливой. Водруженный же на голову красавицы, дивный самоцвет странно сам менялся, как будто отражая настроения своей хозяйки: в минуты ее возбуждения он «изливал из себя пламя, подобное огненному языку, гораздо ярче обычного», при оживленном разговоре в сумерках камень «сиял ярким лучом, который, казалось, происходил от него самого, а не как обыкновенно, через отражение какого-нибудь внешнего света». Зато стоило леди Гермионе вспылить, как «темно-красные искры сыпались из таинственного Талисмана». Больше всего красавица страшилась, чтобы на сей обворожительный амулет не попала вода, даже святая. Но не убереглась.

На крестинах девочки, ставшей плодом брака барона с Гермионой, подвыпившие гости рассорились и в пылу пьяного угара обвинили любезного хозяина в колдовстве, а его достойную супругу вообще объявили злым духом. Чтобы хоть как-то исправить положение, муж при всех окропил лицо столь страшно оклеветанной жены священной влагой из церковного сосуда. Вдруг дивный «опал, на который попала одна из капель, сверкнул ярким лучом, подобно падающей звезде, и тотчас лишился своего сияния и цвета, стал простым камнем». Барон поскорее отнес в спальню Гермиону, упавшую с болезненным стоном в обморок, а затем простерся ниц перед алтарем. Когда же бедный муж ввел наконец-то прибывшего доктора в комнату занемогшей супруги, на постели лежала лишь горсточка легкого серого пепла, «как бы от сгоревшей бумаги».

Прочитав такие страсти о столь коварных свойствах опала, дамы в ужасе бросали книжку и больше уже к прочим страницам не прикасались, а имеющийся у них дьявольский самоцвет забрасывали в лучшем случае в дальний ящик или же, в худшем, топили в морской пучине. А зря. Если бы прелестницы света добрались до четвертого тома, то узнали бы, что баронессу Гермиону просто отравили жидкостью, находившейся в церковном кубке-потире, о чем и поведал опал, лишившись блеска, ибо «таково свойство этого драгоценного камня в случае приближения к нему яда». В финале же романа леди Анна и ее верный рыцарь Артур поженились, и счастливая молодая без всяких опасений изредка надевала на голову доставшийся от бабки убор, «составленный из двух ястребиных перьев, соединенных пряжкой с опалом, которого цвет, изменяющийся от преломления лучей», невольно зачаровывал всех, его видевших. Потому-то английская королева Виктория, успешно правившая с 1837 по 1901 годы, обожала опалы и любила одаривать ими своих родных [184].

Да и при петербургском Дворе не верили в бредни об опалах, и дивный камень, не только завораживающий радужными переливами, но и испускающий изнутри ослепительные искры разноцветных лучей, не раз сверкал в украшениях императриц и великих княжон. До середины 1880-х годов среди русских коронных вещей хранился медальон «из весьма большого Опала прозрачного, малой игры, в виде сердца, осыпанный» двадцатью шестью «мелкими бриллиантами», а на соединительном с ушком звене красовался крупный солитер в 5 7/16 карата [185].

Через несколько месяцев после вручения роскошного опала, государь Павел Петрович обрадовал жену в день ее рождения, 14 октября 1798 года, «великолепным восточным топазом, вставленным в кулон, обрамленный» неизбежными бриллиантами, что обошлось самодержцу «всего» в 7000 рублей [186]. А 8 апреля 1800 года нежная супруга получила в подарок модный гребень, блистающий сапфирами и непременно бриллиантами [187].

«Прелестные» самоцветы вдовы Павла I

Императрице Александре Феодоровне достались в 1829 году по завещанию своей августейшей свекрови еще два особо ценимые императрицей Марией Феодоровной редкостных самоцвета, однако супруга Николая I могла опять же пользоваться ими лишь при своей жизни. Оба раритета, благодаря соединительным ушкам на изящной алмазной оправе, некогда служили фермуарами. Лишь черно-белые фотографии да скудные описания донесли

до наших дней красоту этих коронных вещей, затерявшихся в вихре послереволюционных продаж. Но даже такие скромные изображения могут многое сказать внимательному взору.

Ослепительно сверкающий и неподражаемо «прекрасный рубин-бале» в 45 1/2 карата, не только дивного вишнево-красного оттенка, но и без единого порока, подарил императрице Марии Феодоровне 14 октября 1800 года, на день рождения, ее заботливый супруг. Тройная изящная алмазная рамка изысканно простого и в то же время элегантно рисунка как бы повторяла прямоугольные со срезанными углами контуры верхней части самоцвета. Восьмиугольные пояски из трех с лишним сотен хороших мелких роз с обеих сторон окружали более округлый ободок из полторакаратных первоклассных бразильских бриллиантов. Ограненные розой, скромно мерцающие отдельными искрами алмазы чуть отстраняли переливающийся и полыхающий всеми цветами радуги «огонь» бриллиантов от алой шпинели, пламенеющей в центре, да к тому же помогали скрывать оправу из золота и серебра. Павел I мог быть доволен «высокохудожественным» творением рук придворного искусника.

В 1865 году дивный рубин-бале оценили в 9000 рублей, а через пятьдесят с лишним лет возглавляемая академиком-минералогом Александром Евгеньевичем Ферсманом комиссия, разбиравшая коронные вещи, уточнила, что беспорочный и чистый пурпурный камень вовсе не шпинель, а бразильский топаз. Твердость обоих минералов одинакова – 8,0 по шкале Мооса, показатели же преломления (его начали определять в XX веке) разные: у шпинели он равен 1,712–1,747, а у топаза – лишь 1,618–1,637. Эксперты, много повидавшие на своем веку, не смогли удержаться от восхищения как «неподражаемо прекрасным» самоцветом, так и «исключительной красотой» самого имеющего «огромное историческое значение» фермуара, созданного на грани XVIII и XIX столетий несомненно замечательным ювелиром.

Однако отсутствие на оправе каких-либо надписей и клейм помешало тогда усмотреть в дивной вещи искусную руку Якова Дюваля [188]. (См. цвет. илл. 22.)

«Прелестный» же аквамарин овдовевшая царица получила от почтительного сына Александра, а к Рождеству 1811 года ее придворный ювелир Франсуа Дюваль, по желанию своей патронессы, сделал роскошный фермуар. Правда, в это время застежку – самую фантазийную часть ожерелья, составляемого из цепочки одинаковых звеньев, уже чаще именовали «серединой колье» [189], ибо теперь модные прелестницы предпочитали ее демонстрировать, сдвигая на грудь. Достойный представитель династии чародеев камня, продумав полный изящества рисунок, затем воплотил его в драгоценных материалах, и дивный, прекрасно ограненный кристалл окружила восхитительная алмазная рамка.

В описях коронных драгоценностей «прелестный» самоцвет, «украшенный восемью крупными бриллиантами и листиками из мелких бриллиантов», называли «аквамарином», и, соответственно, камень семейства бериллов должен был иметь цвет «морской воды» (aqua maris). Ведь в зависимости от окраски берилл травянисто-зеленого цвета именуют изумрудом, темно-синего – максиксом, нежно-розового – воробьевитом (морганитом), золотисто-желтого – гелиодором.

Но наступил 1922 год. Комиссия экспертов разбирает сокровища царей, вывезенные еще восемь лет назад из столичного Петербурга в далекую от военных фронтов Оружейную палату Московского Кремля. Академик-минералог Александр Евгеньевич Ферсман, взяв в руки очередной обворожительной красоты фермуар, в центре «броши» увидел «крупный чистый», без всяких включений и пороков желтовато-зеленый камень «приятной воды», хотя «несколько холодный и мало игристый» [190]. Опытный геммолог определил, что перед ним берилл, привезенный из Нерчинского края. Именно там, в Забайкалье, под Челябинском, в самом конце XVIII столетия нашли Адун-Чолонские копи, богатые подобными самоцветами. Но, присмотревшись внимательнее, ученый понял, что перед ним редкостный образец подлинной игры природы. С торца шестигранного столбика кристалла подобного самоцвета в его голубой толще отчетливо просматривалось желтое ядро, отчего по законам оптики прозрачный камень казался золотисто-зеленым. Потому-то такие раритеты и называли либо зелеными аквамаринами, либо золотистыми бериллами [191].

Недаром августейшая вдова подарила своей невестке Елизавете Алексеевне, супруге обожаемого сына – императора Александра I, на день Ангела, пришедшийся на 5 сентября того же 1811 года, помимо усыпанной топазами «лиры» еще и медальон с модным «желтым аквамарином» (Aiguemarine jaune) [192] .

Потому-то отнюдь не случайно (хотя к середине века отечественные аквамарины стоили довольно дешево), столь любимый императрицей Марией Феодоровной, кажущийся на первый взгляд желто-зеленым, уникальный камень в 1865 году оценили в 200 рублей.

Дивный самоцвет плотно, как и в фермуаре работы Якова Дюваля, обвивала восьмиугольная рамка из трех десятков мелких бриллиантов, но на сей раз ее огибали напоминающие о победительных лаврах восхитительные веточки с листочками, усыпанными алмазиками-розочками. Начинались сии гирлянды от крупных квадратных, чуть более карата, бриллиантов, расположенных над центрами боковых сторон рамки, а заканчивались возле таких же диамантов, акцентирующих середины ее верхней и нижней граней. Легкое движение придавали четыре грушевидных бриллианта, чем-то неуловимым напоминающие фантастические бутоны, причем они как бы распластывались над угловыми гранями, широкой стороной обращаясь к боковым граням восьмиугольника. (См. цвет. илл. 23.)

Да и вписанные друг в друга квадраты, обеспечивающие очень удачную компоновку отдельных деталей фермуара, знаменовали рассудочное время господства ампира. Зато ажурная, кажущаяся воздушно-легкой, серебряная оправа с золотой галерейкой, едва виднеющейся между искусно закрепленными камнями, выдавала высочайшее мастерство Франсуа Дюваля, к тому времени окончательно сменившего старшего брата на посту придворного ювелира вдовствующей императрицы.

«Медальон из большого и отменного бразильского аквамарина, весьма голубоватого, осыпанный мелкими бриллиантами в виде цепи»

В сентябре 1810 года Франсуа Дюваль представил августейшей патронессе «медальон из очень большого аквамарина и бриллиантов, с дополнением из колец», стоивший 7400 рублей [193] . Позднее, когда дивную вещь присоединили к коронным бриллиантам, чиновник, заносивший ее в опись, скупое уточнил, что «отменный» и «весьма голубоватый» камень из Бразилии осыпан «мелкими бриллиантами в виде цепи». Зато через четверть века ювелиры-оценщики Кабинета не смогли удержаться от дифирамбов очарованию самоцвета «редкостной красоты и огня синего цвета» [194] . Да и минералогов «ферсмановской комиссии», в 1922 году описывавших сокровища династии Романовых, этот аквамарин поразил не только своей чистотой, но и размерами (4,0 × 4,2 см), а также «густым синим тоном, хотя и несколько холодным, однако прекрасным по общему впечатлению». Эксперты не удержались от соблазна вынуть уник из легкой золотой ажурной оправы. Оказалось, что «бразилец» весил 231,65 карата, или чуть более 46 грамм. Что и говорить, императрица Мария Феодоровна знала толк в камнях...

Не менее изысканно было и обрамление, казавшееся восхитительно воздушным. Мелкие бриллианты, заключенные в серебро, так унизывали поразительно тонкой работы звенья, что ажурная основа казалась почти невидимой. Лишь в нескольких точках изящная оправа прилегалась к дивному аквамарину, чтобы ослепительное сверкание алмазов не помешало, а лишь подчеркнуло бы яркое сияние лазоревого раритета. Остается только поражаться искусству мастера, придумавшему ее волшебного впечатления рисунок из простейших одинаковых элементов, однако не забывшему уравновесить «утяжелить» нижнюю часть медальона «скобкой» из семи бразильских однокаратных бриллиантов. Даже черно-белая фотография позволяет восхититься аккуратностью закрепки многочисленных камней. (См. цвет. илл. 24.)

И как же обидно, что столь незаурядное творение Франсуа Дюваля безжалостно и, наверняка, за демпинговую цену продали за рубеж, а ведь еще в 1865 году медальон стоил

4526 рублей [195] .

Диадема, чья реплика получила в наши дни романтическое название «Русское поле»

Для своей августейшей патронессы Франсуа Дюваль сделал в союзе с Лубье «исключительную по оригинальности замысла и ювелирному исполнению диадему из шести колосьев ржи с большим прозрачным кристаллом-лейкосапфиром по середине». Судя по названию (ведь «лейкос» по-гречески означает «белый»), сапфир должен был бы быть совершенно бесцветным, однако сей идеально чистый, без каких-либо включений, «немного холодный» красавец-камень оказался «с легким винно-желтым оттенком». Тонкий золотой ободок изящного венца поддерживал обе триады золотистых тучных колосьев, туго набитых алмазными «зернами» с отходящими от них усиками остей. Между ними слегка покачивались серебряные стебельки льна с алмазными листочками и вот-вот готовыми раскрыться цветками, чьи бутоны имитировали помимо крупных бриллиантов тридцать семь сказочной красоты грушевидных бриолетов, покрытых не совсем обычной сеточкой индийской грани и весивших «всего» 130 каратов. Эти диаманты «удивительной воды» поражали редчайшей обработкой: одни отличались двухконечной заостренностью, а некоторые из них – еще и слабой округлостью фасеток [196] . (См. цвет. илл. 25.)

Создание диадемы, вероятно, можно отнести к 1808 году, поскольку еще в марте придворный ювелир вдовствующей императрицы исполнил шесть бриллиантовых колосков, а чуть позже Франсуа Дюваль получил из Императорского Банка сто пять тысяч рублей, из коих шестьдесят две он отдал мастеру Лубье [197] .

Императрица Мария Феодоровна так ценила дивную диадему, что даже в завещании выразила пожелание, чтобы та вместе с сапфировым и бирюзовым уборами, как самые дорогие украшения, отошла бы на долю умерших к тому времени дочерей Елены и Екатерины. Эти вещи должны были выкупить Николай I и его младший брат Михаил, а вырученные от продажи деньги передать осиротевшим детям покойных сестер, ибо августейшая бабушка заботилась о безбедной участи своих внучат [198] . Потому-то с 1829 года изумительно красивый венец, ласково называемый владелицей «моя диадема из колосьев» (*mon diadme en üpis*), очутился среди русских коронных вещей. А через столетие, как ни умоляли радеющие об отечестве специалисты-искусствоведы сохранить в государственном достоянии и выставить для всеобщего обозрения сей подлинный шедевр ювелирного искусства, как ни приводили доводы, что «продавать музеи, чтобы оздоровить бюджет, – все равно, что в засуху выбегать в поле и поливать его из лейки», дивный венец оказался в 1927 году на лондонском аукционе Кристи [199] .

Диадема императрицы настолько обвораживала всех видевших ее своей чарующей фантазией, что в 1980 году ее искусно повторили по черно-белой фотографии, сократив более чем вдвое длину (15,5 см вместо 34 см) и чуть изменив пропорции, Виктор Владимирович Николаев и Геннадий Фёдорович Алексахин, мастера Ювелирной лаборатории Государственного хранилища ценностей [200] .

Отнюдь не случайно первый из них поставил на реплике свое клеймо-именник «НВ» – честь, коей удостаивались единицы, ибо внес свое и в композицию, и в решение отдельных частей, устранив тем главный недостаток венца императрицы. Ведь только «необычайная легкость общей компоновки, изящество исполнения деталей и очень художественно выполненные боковые части» искупали допущенные Франсуа Дювалем «некоторую несогласованность и пустоту передней части» оригинала [201] .

Теперь узкие листья льна, на сей раз сделанные чуть более широкими, гуще сплетаются в центре, да и колосья ржи внизу совсем соединились в единый ободок. Место же дивных тридцати семи грушевидных бриолетов заняли теперь одинаковые, причем более объемные, чуть приоткрывшиеся «бутоны льна» с платиновыми лепестками, усеянными бриллиантами. Те ослепительно переливаются радужными сполохами, поскольку распускающиеся цветочки

столь искусно закреплены на пружинках, что тяжело колыхаются от малейшего колебания диадемы. Золото колосьев перекликается с нежной желтизной редкостного (прекрасно заменившего цейлонский 37-каратный лейкосапфир прежней диадемы) дивного бриллианта в 35,52 карата, символизирующего солнце, создавая с «инеистыми» алмазами изысканную праздничную цветовую гамму. Кажется, вот-вот поднимется солнце, осветит поле и высушит росу, и раскроются навстречу живительным лучам цветы льна, выросшего среди уже вызревших колосьев ржи. Потому-то и получила истинно царская диадема название «Русское поле», ибо напоминает, что лен и рожь – главные богатства и слава России. (См. цвет. илл. 26.)

«Бахрома»-«франж» – это вам не отдельные «зубы гарпии»

В первом номере «Северного Меркурия» за 1805 год столичные франтихи упоенно читали: «Ожерелья теперь наиболее в моде так называемые: *Feston a dents de Harpie*». Правда, иногда подобные кольца предпочитали именовать не «гирляндой зубов гарпии», безобразной и безжалостной полуженщины-полуптицы, а просто «зубами дракона» [202]. Заостренные пирамидки отдельных камней, свисающих с ровной низки кольца, действительно напоминали гирлянду редких клыков в щербатой пасти отвратительного и мерзкого существа. Вероятно, так обозвал подобное ожерелье какой-то острослов, увидев его на шее дамы, самозабвенно портящей, а то и вовсе уничтожающей репутации соперниц злыми сплетнями. Удачное ехидное и двусмысленное название понравилось и быстро привилось в легкомысленном свете.

Однако при русском Дворе дамы могли из-за избытка алмазов позволить себе более дорогие вещи. Теперь само ожерелье набиралось из множества подвесок, тесно прилегающих друг к другу, образуя густую бахрому, по-французски именуемую «франж» (*la frange*). Поскольку в Европе тогда подражательниц петербургским мотовкам почти не нашлось, такое кольцо получило еще название «русского» (*le collier russe*).

В начале XIX века каждая великая княжна получала сверх приданого к свершившейся свадьбе от брата-императора чудесный подарок. Первую франж, ценой в 6000 дукатов, исполнил Яков Дюваль, получивший 13 июля 1804 года по изустному повелению Александра I «за работу сделанного им из казенных бриллиантов склаважа для Любезной Сестры Моей Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Павловны, Наследной принцессы Саксен Веймарской; и за добавленные к оному собственныя его розы» 1288 рублей 75 копеек [203]. А затем настала очередь Екатерины Павловны, побыстрее, лишь бы избежать брака с «выскочкой» Наполеоном Бонапартом, вышедшей в 1809 году замуж за герцога Георга Ольденбургского. Ей, любимой сестре, августейший брат вручил на свадебные торжества бриллиантовую франж работы Франсуа Дюваля, стоившую 29 775 рублей 75 копеек. Правда, в другом архивном документе драгоценное украшение значилось «склаважем бриллиантовым» [204].

Поскольку «бахрома» занимала в начале XIX века важное место в гарнитурах женских украшений, то она отнюдь не случайно числилась в сделанных тем же ювелиром-искусником бриллиантовом и жемчужном уборах приданого самой младшенькой дочери Павла I, великой княжны Анны, в феврале 1816 года ставшей супругой наследного принца Нидерландского [205].

Не удержалась от соблазна и сама августейшая маменька. Среди фамильных бриллиантов императорской семьи более века хранилось дивное кольцо. Задумка ювелира при всей простоте оказалась чрезвычайно эффектна. В восхитительной «франж» предусмотрительно пронумерованные алмазные полоски, из-за завершающего внизу каждую индийского грушевидного диаманта напоминавшие своеобразные палицы, чередовались с почти в половину меньшими пирамидками-«сосульками». Находящиеся с оборотной стороны звеньев колечки позволяли прикрепить нанизанное на три шелковые нити ожерелье к бархатному полумесяцу воротника, а то и прямо к вырезу платья. Высота зубцов плавно

уменьшалась от центра ожерелья (где «горел» и переливался всеми цветами радуги панделок в 5,5 каратов), к его концам, завершаемым простенькой застежкой, образуемой петелькой и крючком. Из-за плотности примыкания звеньев-«лучей» друг к другу, верхняя часть «бахромы», сомкнувшаяся вокруг шеи прелестной дамы, казалась почти сплошной, ослепительно сверкающей пластиной, напоминающей широкий серп луны. Созданию волшебного впечатления гармонии помогал изумительный подбор бриллиантов, в основном бразильского происхождения, искусно закрепленных в ажурную серебряную оправу с золотой подпайкой [206]. (См. цвет. илл. 27.)

Франсуа Дюваль в поисках вдохновения, несомненно, обращался к творениям старшего брата. Ведь, если внимательней присмотреться, простой и элегантный рисунок «бахромы» – не что иное, как луч в звездах ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, исполненных в 1797 и 1799 году Яковом Дювалем для своего августейшего патрона [207]. Но теперь, благодаря творческому озарению, охватившему автора новомодного склаважа, этот луч видоизменился: увеличился с семи до пятидесяти девяти деталей-«палиц», а соответственно, и расплылся в длину до 40 см.

Однако воплотить в драгоценных материалах столь удачную идею Франсуа Дюваль, конечно же, смог лишь с помощью Жана-Франсуа Лубье, по праву уже много лет считавшегося одним из лучших ювелиров Петербурга. Правда, заслуженному мастеру уже исполнилось 66 лет [208], а поэтому, скорее всего, кудесник камня подбирал нужные алмазы и отработывал их размещение на восковой модели, пользуясь помощью родного сына Жана-Пьера.

Не исключено, что императрица Мария Феодоровна именно за эту бриллиантовую «бахрому» обязалась 28 октября 1810 года выплатить престарелому искуснику в течение года не только 15 000 рублей банковскими ассигнациями, но и нарощие за период погашения долга дополнительные шесть процентов от этой суммы. Однако августейшая заказчица не заставила долго ждать, и даже ранее означенного срока, уже к 9 сентября 1811 года Лубье получил условленные 15 777 рублей 50 копеек. Императрице осталось только с легким сердцем перечеркнуть свою гатчинскую расписку [209].

Дивное ожерелье много десятилетий радовало своей красотой обитательниц Зимнего дворца, давно заметивших, что бархатный полумесяц с нашитой на него сверкающей «франж», можно закреплять и в прическе, причем перевернутая роскошная «бахрома» становилась похожа и на модную диадему, и на русский девичий «венец» [210]. Особенно актуальным стало подобное применение эффектного аксессуара после 1834 года, когда Николай I издал указ о придворном «национальном» платье, и отныне незамужним фрейлинам полагалось носить на голове драгоценные повязки, а дамам – кокошники с закрытым верхом, дополненными вуалью.

Капризным августейшим заказчицам так понравился элегантный рисунок «франж» Франсуа Дюваля, что ювелиры не только во второй половине XIX, но и в начале последующего столетия зачастую повторяли понравившийся образец почти точно, по сути лишь меняя число зубцов-«палиц» в роскошных диадемах, щедро изобилующих самоцветами. Именно подобную «русскую тиару» подарил Александр II своей дочери Марии в 1874 году к ее свадьбе с герцогом Эдинбургским именно подобную «русскую тиару», впоследствии перешедшую к внучке царя-«Освободителя», королеве Марии Румынской. Прошло два десятка лет, и Ксения, одна из дочерей Александра III, пожелала выйти замуж за «Сандро», как называли родные великого князя Александра Михайловича. Счастливый жених порадовал свою суженую, вручив ей перед свадьбой вариант работы Франсуа Дюваля, только на сей раз именно диадема, благодаря предусмотрительности ювелира Эдуарда Болина, могла легко превращаться при желании в колье [211].

На торжественных церемониях лики особ русского царствующего дома обрамляли полумесяцы из ослепительно сиявших на кокошниках бриллиантовых лучей, похожие, скорее, на сверкающий нимб святых. Уж на что был мастеровит прославленный живописец Иван Николаевич Крамской, но и он подчас отчаивался в попытках похоже передать

волшебное марево, «висящее» над алмазами, испускающими вороха разноцветных искр, ибо даже словами было «эффект бриллиантов решительно не определить», поскольку они «в таком огромном количестве имеют переливающийся блеск» [212]. Тем не менее, работая в начале 1880-х годов над портретами супруги Александра III, императрицы Марии Феодоровны, художнику удалось воплотить красками на холсте дивную лучезарность ореола кокошника, подчеркиваемую мягким светом, исходящим от вереницы жемчужин ободка царственного венца.

Даже в далекую сибирскую ссылку последняя императрица Александра Феодоровна не забыла захватить помимо других диадем свой «полумесяц бриллиантовый с пятью большими бриллиантами до 70 карат», якобы подаренный «царю турецким султаном», а потому и оцененный в 1933 году тобольскими экспертами в 310 000 рублей [213].

Тем более печально, что как ни хороша была «образцовая» бриллиантовая «франж», созданная ведущими петербургскими ювелирами начала XIX века, ее не обошли распродажи «дорогих, но ненужных побрякушек» на зарубежных аукционах в конце 1920-х годов.

Табакерка с портретом императрицы-матери под «алмазным стеклом»

В честь состоявшегося 18 апреля 1809 года бракосочетания великой княжны Екатерины Павловны с герцогом Георгом Ольденбургским граф Александр Сергеевич Строганов придумал вместе с давно прославившимся своими фантазиями художником-декоратором Пьетро Гонзаго чем по-настоящему можно удивить участников торжественного придворного бала. Маскарад, устроенный в придворном Эрмитажном театре, вызвал подлинную сенсацию у казалось бы привыкших к пышным зрелищам царедворцев. Глазам собравшихся предстала роскошная «хрустальная палатка», ослепительно переливавшаяся всеми цветами радуги от яркого пламени горящих свечей, находившихся изнутри и снаружи. Амфитеатр зрительного зала окружила высоко поднимающаяся изгородь из бесчисленных стеклянных трубочек, гирлянды коих увенчивались наверху букетами из страусовых перьев. Все это напоминало волшебные сказки «Тысячи и одной ночи». Даже сдержанный отец новобрачного, герцог Петер-Фридрих-Людвиг Гольштейн-Ольденбургский, и то не мог сдержать восхищения [214].

Празднество оказалось столь великолепным, что вдовствующая императрица Мария Феодоровна захотела достойно вознаградить верного слугу. Самым лучшим подарком царедворцу явилась бы табакерка с августейшим портретом. Ее-то матушка новобрачной и повелела исполнить своему придворному ювелиру. Но Франсуа Дюваль оказался в это время настолько завален другими работами, то дабы успеть к назначенному сроку, ему пришлось воспользоваться привезенной из-за границы табакеркой, сделанной модным парижским мастером Пьером-Андре Монтабаном [215]. Французская вещица была действительно элегантна: золото основы сплошь прикрывали пластины черепахового панциря и только на крышке, красиво контрастируя с черным фоном, сияли две накладки, сделанные из эффектно прочеканенного благородного металла. Оставалось только сменить миниатюру, украшавшую центр золотого прямоугольника, что и сделал Франсуа Дюваль, прикрыв портрет императрицы Марии Феодоровны не простым, а «алмазным стеклом», как иногда называли плоские «портретные» алмазы.

Только 22 ноября 1809 года ювелир отдал августейшей повелительнице готовую табакерку, отметив в счете, что переделка обошлась ему в полторы тысячи рублей, причем 200 рублей из них Дювалю пришлось отдать некоему неназванному миниатюристу за портрет монархини, прикрывавший же лик императрицы алмаз, оговоренный «таблицей», был казенным.

Но как может многое сказать о человеке крошечная деталь, на которую часто даже не обращают внимания. Написав дату «22 ноября», как: «9bre 22.» [216], то есть «novembre 22», Франсуа Дюваль показал не только свое знание французского языка, но и собственную

образованность. Знатоки античной истории помнили, что римляне, стремясь польстить правителям «столицы мира», втиснули между шестым месяцем июнем и следующим за ним сентябрем два месяца, в чьих названиях увековечили обожаемых правителей Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Отныне сентябрь, обязанный своим именем «семерке»-«septas», стал в веренице из двенадцати месяцев после июля и августа лишь девятым, а следующие за ним октябрь, ноябрь и декабрь – соответственно, десятым, одиннадцатым и двенадцатым. Название последней троицы образовывали числительные «octo» – «восемь», «novem» – «девять» и «decem» – «десять», к коим прибавлялось в конце дополнение «-ber», перешедшее позднее в некоторых европейских языках в «-bre».

И вот уже с XVII века в среде образованных людей возникает мода обозначать при письме четыре последних месяца года, указывая перед «-bre» (или «-ber») лишь нужную цифру: «7bre» = сентябрь, «8bre» = октябрь, «9bre» = ноябрь, «10bre» = декабрь. Все было простенько и со вкусом: отлично свидетельствовало о немалой учености и знании латыни, а также хоть немного экономило время при скорописи. Кстати, в том счете, где наряду с табакеркой для подарка графу А.С. Строганову проходят и другие работы ювелира, именно так написаны названия месяцев последнего квартала 1809 года.

Жалованный портрет Александра I, дарованный великой княжне Екатерине Павловне на ее обручение с принцем Георгом Ольденбургским

Каждую треть года Франсуа Дюваль представлял августейшей патронессе сводные счета на различные вещи, указывая, кому те были вручены и по какому случаю. Заботливая матушка баловала свою ненаглядную дочку Екатерину прелестными украшениями, даримыми на день рождения и именины великой княжны. Чаще всего преподносились фермуары: бриллианты окружали то «бразильский рубин» (как тогда называли привозимые из далекой Южной Америки алые турмалины), то дивный, очень крупный отечественный зеленовато-голубой аквамарин, то, наоборот, большой бриллиант окаймляли алмазы огранки «роза». В 1808 году Катрин получила от августейшей маменьки красивую «стрелу» из изумрудов и бриллиантов, а также очаровательные бриллиантовые серьги с четырьмя большими жемчужинами.

О.А. Кипренский. Принц Георг Ольденбургский. 1811 г.

А вскоре, во время пребывания прусских короля и королевы в гостеприимном Петербурге, 1/13 января 1809 года состоялось торжественное обручение принцессы с герцогом Петром-Фридрихом-Георгом Голштейн-Ольденбургским, сложное имя которого в России быстро переименовали в Георгия Петровича. На пальчике сговоренной невесты красовался перстень с солитером в 18 тысяч рублей, а на груди ее жениха ослепительно сверкали бриллиантовые знаки высших русских орденов: Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

Однако больше всего взгляды присутствовавших при торжественной церемонии приковывал медальон на груди обворожительной нареченной, пожалованный ей от венценосного брата: из-под громадного плоского бриллианта в 34 карата, «размером с франк», виднелся лик любезного самодержца. Фантастической была и цена сказочного медальона – 88 842 руб. [217]

Великая княгиня чрезвычайно ценила это пожалование. Даже выйдя после кончины Георга Ольденбургского вторично замуж и став королевой Вюртембергской, Екатерина Павловна не забыла в написанном ею в июне 1817 года завещании, специальной статьей оговорить переход «портрета нашего возлюбленного брата, императора российского Александра, украшенного большим бриллиантом», к своему старшему сыну от первого брака, принцу-тезке венценосного дяди Александру (Фридриху-Павлу-Александру) Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбургскому. Мало того. Сия драгоценная памятная вещь

становилась даже не фамильной, переходящей к старшему в роде, а государственной. Ее, отныне неотчуждаемую, обязаны были по воле первоначальной владелицы выставлять при дворе герцогства Ольденбургского на обозрение желающим.

Неизвестный художник начала XIX в. Портрет великой княгини Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской

Поскольку первенец великой княгини Екатерины Павловны, дожив лишь до девятнадцати лет, скончался неженатым, то с 1829 года бесценная реликвия перешла к его младшему брату, принцу Фридриху-Константину-Петру Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбургскому (1812–1881), вскоре переехавшему на родину матери по приглашению августейшего дядюшки, императора Николая I [218]. Младший отпрыск Георга Ольденбургского, называемый теперь на русский лад «Петром Георгиевичем», столь много и достойно трудился на благо нового Отечества, зачастую тратя собственные средства на нужды просвещения, что благодарные россияне в 1889 году воздвигли на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге памятник герцогу, выбив на постаменте слова: «Просвещенному благотворителю». Женился Петр Георгиевич на принцессе Терезе Нассауской (1817–1871), и от этого брака пошло потомство этой русской ветви герцогов Ольденбургских. Драгоценный медальон с портретом Александра I впоследствии оказался у внука герцога Петра Георгиевича, принца Петра Александровича Ольденбургского (1868–1924), ставшего супругом великой княжны Ольги, дочери императора Александра III. Брак оказался неудачным, и в конце 1915 года был с разрешения царя Николая II расторгнут. Великая княгиня Ольга Александровна утратила все свои остававшиеся в Петербурге бриллианты в революционные годы. Неясно, успел ли ее экс-супруг вывезти фамильные драгоценности за границу, а поэтому судьба жалованного портрета Александра I, некогда исполненного Франсуа Дювалем, к сожалению, неизвестна.

Перстень канцлера с портретом императора под алмазом за проделки «Анны Ивановны» и «Наташи»

Вдовствующая императрица, когда прошли свадебные торжества, решила вознаградить за верную службу усердных царедворцев, внесших немалый вклад, чтобы ее дочь Екатерина избежала опасности стать второй супругой Наполеона, ненавистного дерзкого узурпатора древнего престола «наихристианнейших» французских королей. Перстни со своим портретом в 3800 и 3850 рублей матушка новоиспеченной супруги герцога Ольденбургского пожаловала «Министру иностранных дел графу Румянцову» и «Гофмаршалу Графу Толстому» [219].

Награды именно этим придворным были даны не случайно. Мария Феодоровна не ошибалась. Такая угроза действительно существовала, ибо еще в 1807 году, на Тильзитском свидании российский самодержец предложил Наполеону выдать свою любимую красавицу-сестру за Жерома Бонапарта. Однако сам повелитель французов счел такую партию для братца, которого он сделал Вестфальским королем, чересчур хорошей, и тот женился на принцессе Екатерине Вюртембергской, кузине Александра I. Сам же Наполеон, став счастливым отцом детей от своих возлюбленных, теперь неотвязно раздумывал о появлении на свет законного наследника. Нужно только развестись с Жозефиной и связать себя узами брака с какой-либо принцессой, связанной узами родства с древнейшими европейскими владетельными домами, да к тому же способной обеспечить рождение потомства, дабы дать начало новой династии. Все больше он склонялся к женитьбе на сестре русского государя. А чтобы оградить себя от возможных соперников, даже запретил покорным ему королям Баварии и Вюртемберга предлагать их родным свои руку и сердце русской высочайшей принцессе.

Действительно, у великой княжны, единодушно именуемой «красой России», отбою не было от претендентов в мужья. Сначала сватался было кузен Евгений Вюртембергский, затем долго и упорно добивался ее расположения баварский кронпринц Людвиг, потом прусский принц Генрих и австрийские эрцгерцоги Фердинанд и Иоганн, а также Леопольд Саксен-Кобургский.

Правда, сама честолюбивая и умная принцесса мечтала заполучить в мужья австрийского императора Франца I, когда тот неожиданно овдовел 3 апреля 1807 года, ибо при родах тринадцатого ребенка скончалась его вторая супруга Мария-Терезия Неаполитанская. Александр I, знавший своего союзника не понаслышке, пробовал отговорить Катрин от задуманного. Мало того, что Франц старше в два раза, он еще и неопрятный грязнуля, плешивый безвольный урод, слабак телом и душой, да к тому же такой трус, что, боясь скакать на лошади галопом, требует, чтобы ее вели (как было при Аустерлице) под уздцы. Но Катиш, как ее называли родные, только смеялась: Франца можно и помыть, а идеальный красавец Адонис ей и не нужен, глупость же, угрюмость и косноязычие тоже можно при большом желании исправить. Однако император бывшей Священной Римской империи предпочел уже 6 января 1808 года взять в жены черноокую кузину Марию-Людовику д'Эсте Моденскую, а вдобавок запретил своим младшим братьям и думать об обворожительной русской княжне.

«Като», естественно, немного повздыхала, но, чтобы проверить чары своих оболстительных темно-голубых глазок, искрившихся веселостью и умом, завела роман со славным военачальником – князем Петром Багратионом. Ее вовсе не останавливало, что тот был женат и исполнял обязанности коменданта Павловска. Правда, князь оказался человеком чести в отношениях с дамами: когда его высочайшая пассия вышла замуж, он сжег все компрометирующие ее бумаги.

Но тут уж не дремала августейшая маменька. Она вызвала в Петербург сына своей сестры Фредерики Вюртембергской, отпрыска младшей ветви Гольштейн-Готторпской династии, принца Георга Ольденбургского, дабы тот стал служить русскому престолу.

Выпускник Лейпцигского университета приехал в Северную Пальмиру в апреле 1808 года, а уже в июне Мария Феодоровна вызвала Георга в Павловск и объявила, что в суженые ему прочат великую княжну Екатерину Павловну. Следовало подстраховаться перед грядущим вторым свиданием Александра I с Наполеоном в Эрфурте.

Оно состоялось с 15/27 сентября по 2/14 октября 1808 года. Наполеон на встречу привез наряду с искусственным в тонкостях дипломатии, ловким и изворотливым Талейраном, носившим титул герцога Беневентского, и свиту из своих вассалов – многочисленных королей, герцогов и принцев, чтобы блеском и пышностью двора поразить русского монарха. Вместе с Александром Павловичем в Эрфурт приехали среди прочих царедворцев графы Николай Петрович Румянцев и Николай Александрович Толстой, а также Михаил Михайлович Сперанский. Начались сложные переговоры.

К немалому удивлению Александра I в гостинной любезной княгини Турн-и-Таксис, он вдруг услышал из уст Талейрана, бывшего министра иностранных дел Франции, коему сам Наполеон вверил вести переговоры с русским монархом, вкрадчивые речи: «Государь, для чего вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, а вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону. Французский народ – цивилизован, а русский народ – не цивилизован; следовательно, русский государь должен быть союзником французского народа». Союзник Бонапарта было опешил, думая, что это провокация, но не подал и виду. Да и трудно поверить, что его высочество светлейший князь и владетельный герцог Беневентский, великий камергер Императорского двора, вице-электор Французской империи, командор ордена Почетного Легиона, князь древнейшей и знатнейшей французской семьи Талейран-Перигор решился на тайную измену своему повелителю.

Гравюра с работы Боссельмана. Шарль-Морис Талейран-Перигор, герцог Беневентский, русский агент « Анна Ивановна »

Однако «хромой бес», почувствовав изощренным умом, что созданная корсиканцем империя стала клониться к закату, всерьез решил переметнуться к новому хозяину. В Эрфурте «достойный и верный» Талейран по утрам советовал Наполеону, как лучше укрепить франко-русский союз, а вечерами в апартаментах очаровательной княгини Турн-и-Таксис заклинал Александра I не только не идти ни на какие уступки, но и ни в коем случае не выдавать Екатерину Павловну за французского императора. Воспользовавшись случаем, Талейран выпросил у самодержца разрешить его племяннику жениться на богатой наследнице курляндских герцогов. Благодарный русский государь лично испросил согласие на брак принцессы у ее матери. Доротея Курляндская стала герцогиней Дино, а поскольку курляндские герцоги материально зависели от Российской империи, то теперь слишком меркантильный свекор красавицы мог вполне легально получать деньги из русской казны.

***Ж.-Б. Изабе. Миниатюрный портрет Наполеона, подаренный им в Эрфурте
Михаилу Михайловичу Сперанскому. 1808 г.***

Наполеон ничего не подозревал. Александр I решил, что все разведанные нужные сведения Талейран будет затем непосредственно передавать русскому министру иностранных дел Николаю Петровичу Румянцеву при как бы нечаянных встречах в парижских салонах. Потому-то высокопоставленный дипломат после Эрфурта перебрался, под предлогом заключения договора с Англией, в Париж, где прожил до 3 (15 по ст. ст.) февраля 1809 года, а затем срочно выехал на родину. Не исключено, что покинуть столицу Франции пришлось из-за событий, случившихся неделю назад. Когда Наполеон узнал, что высшие чины его двора, бывший министр иностранных дел Талейран и министр полиции Фуше, редкостные интриганы, ради личного обогащения предающих все и вся, ранее непримиримые враги стали появляться рука об руку в парижских салонах, он сразу заподозрил неладное и срочно вернулся из Испании. В присутствии придворных на вечернем приеме 28 января (н. ст.) во дворце Тюильри, император чуть ли не с кулаками налетел на

Талейрана, коря того за двуличие, и в заключение назвал «дерьмом в шелку», достойным повешения на решетке Карусельской площади. Хитрюга, понявший, что Наполеон ничего не знает о его платной работе на Петербург, молча выдержал истерику монарха, и только пробурчал лакею, подавшему ему плащ: «Как жаль, что такой великий человек так дурно воспитан». В ответ на «выволочку», утром следующего же дня Талейран нанес визит министру венского двора Меттерниху, после чего стал платным агентом еще и австрийцев.

Дж. Доу. Министр иностранных дел Николай Петрович Румянцев

Николай Петрович Румянцев очень опасался, что могут вскрыться его подлинные связи с Талейраном, ибо у Бонапарта было несколько полиций: Жозефа Фуше, следившего за всем населением наполеоновской империи, можно было не принимать в расчет, однако существовала и другая, еще более тайная, специально наблюдавшая за самим Фуше, а за обеими этими присматривал главный директор почт Лавалет. Но накануне отъезда французский монарх вручил Николаю Петровичу свое письмо к самодержцу, содержащие строки, что «никто, кроме графа Румянцева, по его талантам и полнейшей осторожности», не склонен для блага мира осуществить предначертания обоих повелителей. Находясь в дороге, в Мариенвердере близ Кёнигсберга, русский министр иностранных дел получил

датированное 17 февраля/1 марта с приказом остановиться и ожидать на месте приказаний Наполеона относительно австрийских дел, ибо считал возможным только графа Румянцева вести переговоры с венским двором. Николай Петрович ознакомил французского государя с этим письмом, добавив, что поскольку почти достиг русской границы, ему удобнее ожидать соответствующих повелений Бонапарта в Петербурге. Между тем хитроумный Талейран отправил 10 февраля письмо Александру I, в коем предложил новый путь передачи добытых секретов: теперь некий многознающий чиновник, месье Дюпон, верный и умеющий держать язык за зубами клевет герцога Беневентского, должен передавать тайные известия сотруднику русского посольства в Париже Карлу Васильевичу Нессельроде, а тот – посылать в Северную Пальмиру шифровки, предназначенные для передачи Александру I, на имя статс-секретаря Михаила Михайловича Сперанского. Для Талейрана придумали несколько псевдонимов, причем некоторые были весьма неприятными: «мой кузен Анри», «мой друг», «юрисконсульт» или «наш книгопродавец». А кто мог заподозрить хромоногого герцога Беневентского в «красавце Леандре»? Самыми же пикантными стали присвоенные вальяжному аристократу секретные клички «Анна Ивановна» и «Та». При ссылках на сведения, поступившие от Фуше, криптограммой указывалось, что они получены от «Бержьена», или «президента». И кому бы в голову пришло, что под шаловливым именем «Наташа» скрывался ужасный «ходячий мертвец» Жозеф Фуше, тот самый (по словам Стефана Цвейга) «тысячеглазый, бдительный калькулятор» с «безграничной, почти магической осведомленностью», ухитрявшийся «просунуть хвост, где голова не лезет». Оба платных изменника родине стоили друг друга и, хотя вращались в разных слоях общества, отнюдь не случайно французы прозвали министра полиции «Талейраном сволочи», из-за чего высокороденный аристократ очень переживал.

Талейран не забывал при удобных случаях польстить Николаю Петровичу Румянцеву, восхваляя в собственноручных посланиях мудрую деятельность русского дипломата, особенно восхищаясь заключенным 5 сентября 1809 года Фридрихсгамским миром со Швецией, утвердившим за империей Александра I земли шведской Финляндии, а уважаемому министру иностранных дел через два дня доставившим звание Государственного Канцлера.

Неизвестный художник. Жозеф Фуше, герцог Отрантский, русский агент «Наташа»

«Анна Ивановна» и «Наташа» вначале поставляли весьма важные сведения, но потом поток их начал иссякать, особенно когда 3 июля 1810 года Наполеон уведомил герцога Отрантского, что больше не нуждается в его услугах. Счастье прожженного интригана, что новый министр полиции Савари, имевший титул герцога Ровиго, оказался слишком доверчив, поверив обещаниям Жозефа Фуше постараться быстро привести все передаваемые дела в идеальный порядок. Четыре дня и четыре ночи поднимался дым из трубы камина, чересчур опасные бумаги исчезли в огне, теперь разрушены системы регистрации и шифры, запутана прежде четкая нумерация, из досье исчезли имена важных донсчиков. Но для петербургского Двора гораздо более важными представлялись теперь донесения того самого полковника Александра Ивановича Чернышева, который, как помнит внимательный читатель, лихо провернул дельце подавления угодной Александру I кандидатуры наполеоновского маршала Бернадота на шведский трон. Отчаянный резидент русской разведки в Париже ухитрился подкупить писца французского Военного министерства и стал регулярно получать от чиновника-предателя копии «наисвященнейшего документа, в котором хранилось военное счастье» страны – общую роспись войск Бонапарта по всей Европе с перечислением численности всех полков. Так уж получалось, что Наполеону подлинник сей важнейшей бумаги доставляли чуть позднее, нежели дамскому угоднику, красавцу Чернышеву.

Однако вернемся в 1808 год. 28 ноября при петербургском дворе произошло важное событие. Как вспоминали приближенные царской семьи, еще утром 28 ноября великая княжна Екатерина Павловна за завтраком шутила и смеялась над своим кузенком, страдающим поносом, но не скрывающим своих нежных чувств к обворожительной Като. А вечером собравшиеся у вдовствующей императрицы Марии Феодоровны неожиданно услышали громогласное объявление распорядителя, предвещавшее торжественное появление

«ее императорского высочества с нареченным женихом принцем Ольденбургским». От свалившегося на него счастья, принца Георга даже посетило поэтическое вдохновение, и он после куртага записал пришедшие ему в голову тяжеловесные немецкие стихи: «Моя самая большая заслуга в том, / Что я не испугался красивейшего из своих соперников; / Благодаря чему сегодня я в радостном упоении / Могу поблагодарить его за мое будущее счастье».

В апреле 1809 года великая княжна Екатерина Павловна, ускользнув от притязаний Наполеона, стала замужней дамой, получив на свадьбу драгоценные украшения работы Франсуа Дюваля, не причисляемые к приданому: от августейшей матушки – эгрет-«ветвь» (une Branche) из жемчугов и бриллиантов, стоимостью в 11 500 рублей, а от брата-императора – модный бриллиантовый склаваж-«бахром» в 29 775 рублей 75 копеек [220] .

Однако французский император не отказался от своего желания заключить династический союз с Романовыми и теперь с удвоенной силой стал мечтать о младшей сестре упущенной прелестительницы, хотя великой княжне Анне Павловне 7 января исполнилось только четырнадцать лет.

Ф.-Г. Фюгер. Великая княжна Екатерина Павловна. 1805 г.

Особенно его притязания усилились к концу 1809 года, когда война с Австрией успешно закончилась 14 октября мирным договором в Шёнбрунне [221] . И, может быть, за ранние донесения о конкретных планах Наполеона относительно ее младшенькой дочери благодарная императрица-мать Мария Феодоровна пожаловала 18 октября всезнающему графу Николаю Петровичу Румянцеву в знак особой милости «табакерку с камеей Ея

Императорского Величества» [222] . 15/27 декабря Бонапарт наконец-то развелся со своей первой супругой Жозефиной Богарне. А уже на следующий день маркиз Коленкур, французский посол при петербургском дворе, официально просил у Александра I руки его младшей сестры для Наполеона, обещавшего в обмен усиление русских позиций в Польше.

Растерянный самодержец написал 4 (26 н. ст.) января 1810 года любимой умнице-сестре Катиш в Тверь, что поскольку Бонапарт всерьез «положил глаз на Анну», то «мое собственное мнение состоит в том, чтобы не идти навстречу желаниям человека, причинившего нам столько неприятностей и даже вызвавшего ненависть к себе. Это лучше, чем ответить ему согласием с тяжелым сердцем» [223] . Оставалось лишь насколько возможно тянуть с ответом. Прошла неделя, вторая, третья.

Наконец 23 января/4 февраля 1810 года Александр I уведомил Коленкура, что его мать Мария Феодоровна согласна на брак, но из-за молодости невесты свадьбу можно будет провести лишь через два года. Дешешу с этим ответом посол в тот же день отправил в Париж. Но пока курьер скакал со срочным донесением, Наполеон уже понял, что получит из Петербурга завуалированный отказ. А тут еще австрийцы, смертельно боявшиеся, что если русская великая княжна Анна станет супругой французского императора, могущество их древнего государства окончательно умалится, «без малейшего колебания, с величайшей и трогательной готовностью» сами предлагали родственный союз. Бонапарт так жаждал скорее жениться на эрцгерцогине Марии-Луизе, что послал в Вену маршала Бертье провести свадьбу по доверенности, согласно брачному договору, фактически списанному с контракта Людовика XVI и тоже австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты. Мария-Луиза официально стала французской императрицей уже 11 марта, а настоящую свадьбу Наполеон со своей женой отпраздновал в Париже почти через месяц, 2 апреля. Обо всех перипетиях династического брака рода Бонапартов с древним домом Габсбургов регулярно в Петербург докладывала «Анна Ивановна», за что сия «дама» получила 3 000 франков.

Гравюра с работы Боссельмана. Мария-Луиза, императрица Франции

Довольный таким исходом дела самодержец пригласил маркиза Коленкура и дипломатично попросил поздравить Наполеона со сделанным выбором, поскольку не только тот хочет иметь детей, но и «вся Франция этого желает. Решение, им принятое, и есть самое предпочтительное». Тут Александр I не удержался и добавил: «Какое счастье, что возраст моей сестры нас остановил», а «медлительность, на которую вы сетовали тогда, была делом благоразумия» [224]. Тем не менее, чтобы хоть как-то насолить петербургскому Двору, злопамятный французский император отказался ратифицировать полностью подготовленный Николаем Петровичем Румянцевым договор по польским делам. А 28 апреля 1810 года Александр I изустно указал «заплатить Дювалю по счету 423 рубля из Кабинета, за переделку перстня с портретом Его Величества, всемилостивейшее пожалованного Канцлеру Графу Румянцову». Сам счет ювелира, представленный еще 19 апреля, позволяет понять, почему же столь мала сумма оплаты? Но она складывалась лишь из стоимости двух однокартных бриллиантов, портретной миниатюры и оценки самой работы. Остальные алмазы – и портретный камень в 4 $\frac{14}{32}$ карата, и 14 окружающих его бриллиантов в пол карата, дополненных шестнадцатью крупными розами, – были казенными. А четыремя месяцами раньше, 21 декабря 1809 года, тот же Франсуа Дюваль переделал подобный бриллиантовый перстень для обер-гофмаршала графа Толстого, окружив портрет российского государя, скорее всего, аналогичным двойным ободком из сверкающих диамантов [225]. Если годом ранее оба царедворца успешно посодействовали великой княжне Екатерине Павловне избавиться от брака с корсиканским безбожником, волею судьбы узурпировавшего французский трон, то теперь они избавили от реальной опасности

самую младшую сестру самодержца, а потому и удостоились награждением перстнями с портретом царствующего государя. Выше для придворных было только пожалование табакеркой с ликом монарха. Зато перстень не так громоздок, да и в глаза не так бросается, что для дипломата бывает немаловажным.

Жалованный портрет Александра I от августейшего властелина фельдмаршалу Гудовичу

Но и «большой» двор нуждался в услугах талантливого ювелира. Аналогичные документы (только визируемые к оплате Александром I) содержали перечни сделанных мастерской Франсуа Дюваля драгоценных украшений, жалуемых императрицей Елизаветой Алексеевной. Некоторые работы исполнялись непосредственно по повелениям царствующего монарха. Именно придворному ювелиру матушки доверил государь Александр Павлович сделать в 1812 году свой портрет для вручения Ивану Васильевичу Гудовичу (1732–1820), дослужившегося ревностными верностью и преданностью до чина фельдмаршала, дабы отметить заслуги уходящего в отставку военачальника, отдавшего служению Отечеству более полувека [226].

Талантливый военачальник храбро сражался под Хотинном, при Ларге и Кагуле, командовал Кубанским корпусом. С семитысячным отрядом в 1791 году он штурмом овладел турецкой крепостью Анапой, упорно обороняемой пятнадцатитысячным гарнизоном, а чуть позже завоевал для Российской империи Тарковское шамхальство и Дербентское ханство. Испытал Иван Васильевич и милости Павла I, даровавшего ему титул графа за верность присяге Петру III в дни екатерининского дворцового переворота, и страшные годы царевой опалы. При Александре I Гудович – главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане, и, если бы не потеря глаза и навалившиеся хвори, маститый старец еще, конечно же, сражался на благо Отчизны, однако с 1809 года ему довелось служить на гражданском поприще, ибо российский самодержец доверил ему почетный пост главнокомандующего в Москве.

В Белокаменной бодрый восьмидесятилетний старец показал себя врагом всяких новомодных вольностей. Иван Васильевич был настолько предан своему августейшему благодетелю, что до мелочей старался выполнять указы императора, даже если казались, на первый взгляд, абсурдными. Как известно, Александр I был близорук, однако принципиально не носил очков и не терпел их на носах приближенных, считая сие неприличной вольностью. Еще при его августейших предшественниках на троне считалось наглостью смотреть младшим по возрасту или чину на старших через очки, а разглядывание чужого лица в упор вообще воспринималось дерзким жестом. В крайнем случае можно было изящно поднести ненадолго к глазам более аристократический лорнет, чтобы рассмотреть внимательнее какую-нибудь миниатюрную вещицу, но при дворе пользоваться очками император запретил. Не случайно Лев Толстой заставил не «светского» Пьера Безухова, только что вернувшегося из-за границы, сделать бестактность, появившись в очках на приеме в чинном салоне Анны Павловны Шерер, доверенной фрейлины вдовствующей императрицы.

Вот и Иван Васильевич Гудович не терпел в подвластной ему Москве ношения очков молодежью. Он собственноручно срывал предосудительный предмет с носа «дерзких провинившихся», приговаривая: «Нечего вам здесь так пристально рассматривать!». Над подобными слабостями маститого генерал-фельдмаршала, сенатора, кавалера всех высших российских орденов да к тому же и члена Непременного государственного совета оставалось только втихомолку посмеиваться. Правда, однажды остроумцы все-таки не выдержали и провели по московским бульварам кобылу в очках и с шутливой надписью: «А только трех лет» [227]. Сии «подвиги» престарелого Гудовича невольно заставляют вспомнить незабвенных героев грибоедовского «Горя от ума», особенно полковника Скалозуба...

К счастью москвичей, пробарствовав три года в Первопрестольной, в феврале 1812 года

их престарелый главнокомандующий наконец-то ушел в отставку, уехав в пожалованное ему еще Павлом I украинское имение, где стал наслаждаться жизнью: завел прекрасный оркестр из крепостных, псарню, заделался страстным охотником и почил «от совершенного истощения сил» в 1820 году, немного не дожив до девяноста лет [228] .

Шпага Кутузова и перо Платова

В славном декабре 1812 года, когда войска Наполеона с позором спешно покидали пределы Российской империи, Франсуа Дюваль завершил работу над исполняемой по повелению императора «шпагой золотой, украшенной лаврами из изумрудов и бриллиантов», предназначенной мудрому фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову-Смоленскому [229] . Главнокомандующий русскими войсками удостоился парадного оружия за победу, одержанную 6 октября в кровавой битве при Тарутине над французским корпусом Мюрата, носившего пышный титул короля Неаполитанского. На донесении об одержанной после полуторамесячного затишья виктории, практически решившей плачевную судьбу армии Наполеона, теперь вынужденного покинуть Москву, «без лести преданный» Александру I граф Аракчеев 31 октября 1812 года написал, что «Его Императорское Величество» жалует победителю «шпагу, богато украшенную алмазами, с лавровыми венками» [230] . Франсуа Дювалю выдали казенные изумруды, добавив к ним бриллиант весом в 5 1/2 карат, остальные же материалы ювелир использовал собственные. Свою работу, продлившуюся полтора месяца, и золото мастер оценил в 2400 рублей. Всего же 25 125 рублей составила стоимость сей монаршей награды полководцу, к середине декабря уже успевшему изгнать грозного супостата за пределы России. И отнюдь не случайно в сопроводительной Высочайшей грамоте к золотой с драгоценными камнями шпаге присутствовала многозначительная фраза, обращенная к Михаилу Илларионовичу Кутузову: «Сей воинственный знак, достойно вами стяженный, да предшествует славе, какою по искоренению всеобщего врага увенчает вас Отечество и Европа» [231] . А в Новый год войска перешли рубежи отчизны, дабы сопроводить «узурпатора трона потомков Капетингов и Бурбонов» до самого Парижа, попутно освобождая европейские земли, попавшие под пяту французских захватчиков.

К сожалению, драгоценная шпага победителя Наполеона не уцелела от разрушительного действия времени, как и «бриллиантовое перо с вензловым Его Императорского Величества именем и с лаврами», чьи листочки опять имитировались травянисто-зелеными смарагдами, пожалованное для ношения на шапке знаменитому казачьему атаману и генералу от кавалерии графу Матвею Ивановичу Платову, сделанное тем же ювелиром в апреле 1813 года не только по «изустному» указу самодержца, но и «по апробованному им 22 февраля в городе Калише рисунку» [232] . (См. цвет. илл. 30.)

Столь необычная высокая награда была не случайной. Донские казаки, чуть не захватившие французского императора ночью 13 октября 1812 года близ реки Лужи, были грозой для «Великой Армии» противника. Одна лишь весть об их появлении вселяла во французов такой страх, что те спешно снимались с биваков, зачастую даже не рискуя сражаться с жестокими и безжалостными кавалеристами, чей глава обычно отчитывался начальству в рапортах, что «неприятель пардона не просил, а российские войска, быв разъярены, кололи и били его». Именно казаки войска Донского разгромили корпус маршала Даву, а на остатки драпавших после их сокрушительного удара воинов корпуса маршала Нея устроили «живое подобие звериной травли». Только при преследовании врага, отступавшего от Малоярославца до Ковно, казаки под личным предводительством Платова захватили 50–70 тысяч пленных, более 500 пушек, 30 знамен и все золото и серебро, награбленные французами в Москве. Население Пруссии да и других немецких земель встречали прославленного атамана как победителя, окончательно сокрушившего по признанию самого Наполеона французскую армию. Мирные жители удивлялись дисциплине казаков, хотя воины-ополченцы Платова вовсе не получали продовольствия и должны были добывать его

сами. Не останавливаясь ни на один день для отдыха, атаман-граф со своими войсками прошел от Немана до Данцига.

Во время визита Александра I в Англию в 1814 году британцы чествовали всевозможными торжествами находившегося в императорской свите «Зарейнского» атамана, поскольку видели в нем самого славного героя войны с Наполеоном. Оксфордский университет поднес Платову докторский диплом, город Лондон – золотую саблю с эмалевым гербом Великобритании и Ирландии и с его вензелем. Портрет русского графа занял почетное место в королевском дворце, а принц-регент пожаловал Матвею Ивановичу свой портрет, осыпанный драгоценными камнями, «в знак почтения, уважения и удивления к бессмертным подвигам, подъятым для пользы отечества своего и для спасения Европы» [233]. Простые же люди стремились воочию увидеть того самого генерала Платова, обещавшего, как утверждали лубочные картинки, отдать не только 50 тысяч крон, но и свою красавицу-дочку в жены герою, доставившему бы ненавистного Бонапарта живым или мертвым к столь патриотичному отцу. Кстати, передать царившее тогда в Англии искреннее восхищение предводителем казачьих войск, смешанное с благодарностью, как, впрочем, и отношение к «почтенному старику» обоих российских братьев-самодержцев, великолепно удалось Н.С. Лескову в «Левше».

Английские художники, портретируя атамана Донского казачьего войска, не забывали написать на его шапке драгоценное жалованное перо, ставшее своеобразным атрибутом Матвея Ивановича Платова [234]. Московский же мастер Андрей Григорьев исполнил несколько почти одинаковых серебряных, покрытых позолотой блюд. На каждом искусно вычеканены под оком Провидения увенчанный графской короной вензель и герб организатора ополчения донских казаков, окруженные всевозможным оружием, жалованными орденами, а на почетном месте красуется императорская награда. По борту одного из блюд в отдельных рамках читаются выведенные чернью не шибко грамотные надписи: «ТЕБЕ ПОТЧЕНЬЙ ГРАФЪ ОТЕЦЪ УСЕРДИЕ НАШИХЪ» «СЕРДЕЦЪ ТЫ НАМЪ ДОСТАВИЛЪ СЛАВУ И ПОЧЕТЪ», к тому же поясняющие причину дара: «ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗЪ ФРАНЦУСКАГО ПОХОДА», а заодно указывающие, что сия вещь поднесена «1814 ГОДА ОТЪ ОБЩЕСТВА МИХАЙЛОВСКОЙ СТАНИЦЫ». Другое же, тоже серебряное, блюдо через два года вручило герою Отечественной войны 1812 года благодарное Общество новочеркасских торговцев [235].

Немного истории... Тайные языки прелестниц

В галантный «осмнадцатый» век дамы любили пользоваться бессловесными, но красноречиво изъясняющимися языками мушек и вееров. Теперь кокетливые мушки отошли с пудренными париками в прошлое. Зато неизменные позиции остались у вееров, правда, на какое-то время уменьшившихся в размерах, но это отнюдь не мешало цеголихам вести безмолвный разговор с поклонниками. Хитрые красавицы, чтобы их амурные шашни не так-то легко было раскрыть ревнивым мужьям, непрерывно совершенствовали тайный язык влюбленных.

В 1820-е годы появился язык перчаток. Особенно любезна сердцу была выроненная разом пара перчаток, свидетельствующая: «Я вас люблю», а якобы «нечаянно» оброненная перчатка говорила влюбленному желанное «да». Зато ничего не было страшнее кавалеру, чем видеть свою пассию теребящей перчатки рукой, ибо сие означало жестокое «нет» [236].

Никуда не ушел и язык цветов. Он не только, в зависимости от моды, слегка корректировался [237], но и совершенствовался, поскольку барышни и дамы еще в Век Просвещения увлеклись ботаникой. Да так серьезно, что в Германии в 1805 году во время пребывания там Александра I берлинские дамы ради доказательства уважения к русскому императору – защитнику и избавителю их родины от притязаний Наполеона – носили «букеты под названием александровских», собранные из цветов, составляющих по

начальным буквам своих немецких названий имя « Alexander ». Без большого букета на груди или хотя бы маленького в волосах ни одна порядочная женщина не смела нигде появиться: ни в общество, ни в театр, ни на гулянье. А вскоре и русские дворяне узнали, что для создания нужного эффекта следует объединить воедино нежный анемон (Anemone), горделивую лилию (Lilie), веточку дуба с желудями (Eichel), амарант (Xeranthenum), стебелек акации (Acacie), пышный цветок гвоздики (Nelke), скромные « веселые глазки » (Dreifaltigkeitsblume), вьющийся плющ (Epheu) и, наконец, красавицу-розу (Rose) [238] .

В это время тексты любительских литературных опусов зачастую таили более или менее скрытые акрограммы. Граф Григорий Иванович Чернышёв (1762–1831) , обер-шенк высочайшего Двора, считался современниками одним из самых любезных людей в свете, славился умом и приветливостью. Бонвиван и душа общества, граф поражал окружающих своим красноречием и образованностью, обожал театр, но, следуя отчему примеру, был таким большим мотом и любителем роскоши, что имения его в течение восьми лет находились в опеке у заботливого Гаврилы Романовича Державина. Правда, лишь немногие знали, что расточительный богач был канцлером верховного органа, руководившего сетью масонских лож. Подкосила счастливую жизнь Григория Ивановича судьба сына Захара и зятя Никиты Михайловича Муравьёва. После восстания декабристов Захара разжаловали в рядовые, а милая Александра, верная супружескому долгу, самоотверженно уехала в Сибирь вслед за обожаемым мужем, сосланным на каторжные работы. Сиятельный граф окончательно удалился в губернский Орёл, где, впад в мистицизм, скончался от горести и скорби по близким. Но в счастливые годы вельможа любил пописывать на французском языке, на коем изъяснялись аристократы, и из-под его пера выходили не только громоздкие драмы, но и прелестные весёлые стихи.

Светские петиметры, любившие волочиться за изящными « Психеями » , особенно ценили пользующийся в своё время огромной популярностью галантный, полный галльского остроумия акростишок « Модное объяснение в любви » , сочинённый знатоком женских сердец. Ни одна прелестница не могла устоять перед чарами пронзительных строф графа Григория Ивановича Чернышёва. Она млела от страстных слов, зажигающих огонь в крови, голова кружилась от жарких клятв, и вскоре очаровательница готова была покориться сладостному чувству и раскрыть свои нежные объятия любезнику, вкрадчиво произносившему:

*Жить для тебя одной! Вот обет, который я даю.
Верь сей сладостной клятве, внушенной мне моим сердцем.
Нет счастья без тебя! Всё теряет свою прелесть!..
Один взгляд твоих очей – вот истинное блаженство!
Среди горестей одно только твоё единственное слово,
Слово восхитительное, правда, когда оно произносится от
сердца,
Решишь отныне мою блуждающую судьбу!
Это слово – « люблю тебя » . Да, пусть, вместо всякого ответа,
Твои уста и взоры мне признаются в этом!..
Я думаю, что заслужил его моею безмерной нежностью...
Ужель ты не согласишься разделить со мной этот пламень?
Скажи же, повтори за мной: тебя, одного тебя, я люблю!*

Но если бы красавица могла сии любовные вирши сама увидеть и прочитать в оригинале, да ещё выделяя первые слова каждой строки! Очаровательницу ожидало бы страшное разочарование, в очередной раз убеждающее в коварстве мужчин:

*Ne vivre que pour toi! C est le voeu que je fais.
Crois à ce doux serment; mon coeur seul me l'inspire.
Pas de bonheur sans toi! Tout devient sans attrait!
Un regard de tes yeux, voilà le vrai délire!..
Seul, au sein du malheur, un seul mot de ta part,
Mot charmant, il est vrai, quand le coeur le prononce,*

*De mon sort désormais va fixer le hasard!
Ce mot est un « je t'aime » que, pour toute réponse,
Que ta bouche et tes yeux m'accordent cet aveu!..
Je crois le mériter par ma tendresse extreme,
Te refuseras – tu de partager ce feu?..
Dis! Répète avec moi: cest toi, toi seul, que j'aime!*

Ведь в страстном признании в любви читалась составленная жестоким сердцем фраза: “*Ne crois pas un seul mot de ce que je te dis*” – « Не верь ни единому слову из того, что я тебе говорю » [239] .

Потому-то появление акрограммы из названий цветов было не случайно. Тем более, что уже давно существовал подобный язык, но только использовались в нем французские имена разнообразных представителей царства минералов.

Минералогия, особенно в первой половине XIX века, считалась модным занятием аристократов. Коллекционирование редкостных камней продолжало считаться страстью, достойной благородных людей. Как и в екатерининские времена очень ценились знатоками минералы диковинные. Модны за прихотливость природного рисунка различные агаты, особенно « моховые » и « дендритные » , внутри которых как будто пушились кустики мха или капризно простирались веточки карликовых деревьев. Особенно любим был горный хрусталь с естественными включениями кристалликов других минералов: актинолит и эпидот казались травой, вмерзшей в лед, но оставшейся вечнозеленой, либо « рисовали » фантастические пейзажи с заснеженными замками, а рутил и турмалин представляли то « стрелами Амура » , то тоненькими « волосами Венеры » , свитыми в прихотливые локоны, про которые древние римляне рассказывали, что эти пряди потеряла богиня любви и красоты при купании.

Однако в XIX веке верили, что дарить прозрачные фиолетовые аметисты со « стрелами Амура » , особенно ограненные сердечком, мог только супруг и то – своей законной половине, ибо влюбленный, подарив такой камень замужней даме, рисковал потерять ее любовь. Да и вообще в это время аметист шутливо называли « камнем старых холостяков » и запрещали презентовать украшения с ним молодым дамам и девушкам [240] .

Самоцветы, украшая вещи, как и прежде, восхищали взоры непривычной окраской, необычностью рисунка и редкостью примененного камня, однако в них теперь часто вкладывался иной тайный смысл, понятный знатокам, но скрытый от профанов, не посвященных в секреты знания и оттого ничего не понимающих. Камень либо подменял собой литеру-вензель чьего-то имени, либо минералы по первым буквам их названий выстраивали в цепочку, чтобы составленная акрограмма формировала целое слово и даже фразу. Особенно любили помещать подобные загадки на послуживших подарками перстнях, браслетах и табакерках, реже – на поясах и веерах.

Отнюдь не случайно, покидая гостеприимный Петербург, прусский король Фридрих-Вильгельм III и его красавица-супруга Луиза преподнесли вдове Павла I на память о связывающей их дружбе « широкий пояс из золотой проволоки с бирюзой и бриллиантами и с надписью: „*Souvenir d'amitié*“, сделанную из цветных камней » [241] .

Сравнительно дешевые украшения с зашифрованными надписями, доступными пониманию лишь высокообразованных людей, владеющих тайным, хотя и курьезным языком камней, как нельзя более импонировали европейским аристократам, многие из которых обеднели из-за революций, войн и прочих превратностей судьбы.

Акрограммы из камней вошли в такую моду во многом отчасти благодаря выдающемуся представителю разветвленного рода Голицыных, князю Дмитрию Алексеевичу (1734–1803) . Много лет прослуживший Отчизне на дипломатическом поприще, будучи « чрезвычайным посланником Ее Императорского Величества при высокодержавных Соединенных Провинциях » в Гааге, он, уйдя в отставку, наконец-то смог всерьез заниматься любимым делом. Князь не обращал внимания на насмешки знати, иронизирующей над аристократом, относящимся к столь древней и прославленной на Руси

фамилии, неприлично и слишком уж углубленно предающимся научным исследованиям. Не пожалев времени и сил, бывший дипломат не только составил, но и издал в 1801 году в Брауншвейге « Сборник наименований в алфавитном порядке, принятых в минералогии для земель и камней, металлов, полуметаллов и горных смол... » . За эту книгу Дмитрий Алексеевич Голицын удостоился избрания председателем Минералогического общества в Йене [242] . Она стала настольной для любителей изысканного искусства составлять из цепочек правильно подобранных камней надписи. Но это умение вызвало ехидное замечание Жермены де Сталь. Знаменитая писательница, посетившая древнюю Москву и блистательный Петербург и подметившая, что здесь преобладает « тяга к внешнему великолепию » , съязвила: « Говорят, кто-то в России предложил сделать азбуку из драгоценных камней » и буквами из них написать Библию, поскольку « этот человек понимал, как легче всего привлечь воображение русских к чтению » . Правда, надменная француженка явно не знала, что Дмитрия Алексеевича Голицына избрали своим членом многие европейские академии, а собранную им коллекцию минералов он не смог привезти на Родину лишь из-за излишней подозрительности Павла I, а потому князю пришлось, скрепя сердце, подарить подлинно редкостные образцы камней в Йенский музей. Но просвещенная дочка банкира Неккера считала страну, которой правил Александр I, « преддверием иной, неведомой земли Востока » и всерьез полагала, что « в русском народе сочетаются европейская культура и азиатский характер » , отчего здесь так велик « вкус к роскоши » [243] .

Но баронесса де Сталь напрасно иронизировала. Против модной и увлекательной забавы не устоял даже император французов Наполеон Бонапарт. Для своей молоденькой второй супруги, австрийской принцессы Марии-Луизы, он повелел ювелирам сделать три браслета. На замке каждого из этой триады красовались алмазные цифры, обозначающие нужный год. К замку примыкала цепочка из звеньев, представлявших собой отдельные шатоны с закрепленным в каждом из них одним-единственным, зато достаточно крупным самоцветом, заглавная буква названия которого и создавала нужную литеру в надписи. Своеобразными разделителями слов служили звенья с цифрами, набранными из мелких алмазов.

Судя по цветной фотографии, первый браслет после застежки с цифрами « 1769 » украшали желтоватый нефрит (*Néphrite*) , фиолетовый аметист (*Améthyste*) , золотисто-зеленый хризолит (*Péridote*) , радужный опал (*Opale*) , синий лазурит (*Lapis-lazuli*) , густозеленый изумруд (*Emeraude*) , полосатый оникс (*Опук*) и нефрит (*Néphrite*) . Следующее звено декорировали алмазные цифры « 15 » , а далее шли еще четыре камня: агат (*Agate*) , опал (*Opale*) , непрозрачный фиолетово-розовый ирландский унакит (*Unakite*) (?) и зеленовато-голубая бирюза (*Turquoise*) . В результате на этом браслете вместе с цифрами на замке по-французски читалась дата рождения и имя императора: « 1769 Napoleon 15 août » , то есть « 1769 Наполеон 15 августа » .

На втором браслете были с помощью красивых камней зашифрованы имя (Мария-Луиза) и дата появления на свет (12 декабря 1791) новой французской императрицы: « *Malachite, Améthyste, Rubis* (алый рубин) , *Iris* (абсолютно прозрачный, подвергивающийся радужными сплохами горный хрусталь) , *Emeraude, Lapis-lazuli, Opale, Unakite* (?) , *Iris, Saphir* (глубокой синевы сапфир) , *Emeraude, 12, Diamond* (алмаз) , *Emeraude, Chrysopraxe* (полупрозрачный зеленоватый хризопраз) , *Emeraude, Malachite, Beryl* (желтовато-зеленый берилл) , *Rubis, Emeraude, 1791* » .

На третьем же браслете знатоки минералогии могли любоваться столь дорогими сердцу августейших молодоженов датами первой встречи счастливой четы 27 марта 1810 года в Компьене и последовавшей через неделю, 2 апреля, свадьбы в Париже: « 27, *Malachite, Améthyste, Rubis, Saphir* (сапфир) , 1810, 2, *Améthyste, Vesuvianite* (прозрачный бесцветный везувиян) , *Rubis, Iris, Lapis-lazuli, 1810* » [244] . (См. цвет. илл. 29.)

Казалось бы, мне удалось правильно расшифровать самоцветы этих браслетов. И надо же такому быть. В понедельник начиналась научная конференция с грядущим чтением

доклада об акрограммах из камней, уже напечатан сборник материалов сообщений, а почти накануне, в предшествующую пятницу, у меня в руках оказался двухтомник о ювелирном искусстве 1789–1910 годов. В нем под цветной фотографией с изображением всех трех браслетов перечислялись материалы вставок, хотя при этом оказалась полностью пропущена расшифровка имени « Луиза » . Наибольшим сюрпризом оказался минерал, дающий букву « N » . Поскольку камень вставки явно не мог являться перламутром (*Nacre*) , а редко встречающийся натролит (*Natrolite*) , судя по минералогическому справочнику, должен бы быть прозрачным и бесцветным, пришлось довольствоваться лишь нефритом, который вполне подходил и по цвету. Оказалось, что все-таки в обеих вставках применили именно отвергнутый мною натролит, чьи месторождения имеются во Франции. И бывает этот зачастую лишь просвечивающий камень еще белым, желтоватым, серым и даже красноватым. Букву « U » обеспечивал « Uranium » , то есть уран. Несколько непонятным остался минерал *Vermeil* (*corail*) , дающий букву « V » , ибо бесцветная прозрачная вставка никак не напоминает коралл или киноварь, а тем более оранжево-красные цирконы, гранаты и шпинели. Правда, цвет на фотографии все-таки подвел меня в двух случаях: на третьем браслете: « S » в слове « mars » обеспечивал не синий сапфир, а серпентин-змеевик (*Serpentine*) , а в названии апреля (*avril*) из-за полыхания синих переливов на камне лабрадорит (*Labradorite*) был мною принят за лазурит (*Lapis-lazuli*) [245] .

Большой любительницей и знатоком камней была императрица Мария Феодоровна, приохотившая к этому занятию и своих детей. Кстати, ее дочь Александра Павловна увезла в Венгрию вместе с вещами приданого собрание минералов, ставшее впоследствии основой геологической коллекции одного из будапештских университетов. Императрица-мать обождала дарить приближенным перстни, украшенные малахитом, поскольку его французское название – « *malachite* » , начинаясь с той же буквы, что и имя « Мария » (*Marie*) , должно было напоминать владельцу кольца о щедрой монархине.

Достаточно лишь пролистать завещание вдовы Павла I, чтобы увидеть, как часто она использовала самые различные камни, чтобы первая литера их французского названия образовывала скрытый вензель. Своей внучке, принцессе Марии Веймарской, императрица Мария Феодоровна оставила на память « волосяной браслет с четырьмя цветными камнями, изображающими имена Карла, Марии, Георга и Екатерины » [246] . Другой внучке, принцессе Софии Вюртембергской, достались « кольцо с цветными камнями, изображающими имена ее родителей » , а также « печать в виде колеса, с именем ее матери, сделанным из цветных камней » [247] . Зато великой княгине и герцогине Веймарской Марии Павловне августейшая матушка помимо браслета « с цветными камнями, изображающими имена Георга и Екатерины » – памятки о безвременно скончавшихся сестре, Вюртембергской королеве Екатерине Павловне и первом супруге той, герцоге Георге Ольденбургском, отписала еще один, « с всевидящим оком, с вензелями моих внучат, сделанными из цветных камней, с Аютиными глазками, с буквою А, изображающею вензель незабвенного ангела нашего, с вырезанным на ней 1818 г. и с дубровником » [248] поскольку этот цветок, называемый также « дубровкой » , означал: « более на тебя гляжу, более тебя люблю » [249] . Надпись на вензеле Александра I означала год поездки вдовствующей императрицы к родственникам в Германию с разрешения сына-самодержца, когда заботливая родительница смогла погостить и у любимой дочери в Веймаре.

Браслет императрицы Марии Феодоровны «с именами детей»

Младшенькой дочери Анне Павловне, будущей королеве Нидерландской, Мария Феодоровна завещала в числе прочего «браслет с простыми цветными камнями, изображающими имена моих детей» [250] . Таковую же вещь, но с гораздо более дорогими минералами, вдова Павла I отписала своей самой любимой невестке – императрице Александре Феодоровне [251] .

Вероятно, еще в начале XIX века августейшая патронесса повелела «собственному ювелиру» Якову Дювалю исполнить для нее парные (при желании объединяемые в один) браслеты в виде цепочки из отдельных медальонов, содержащих вставку какого-либо самоцвета, заменявшего «вензелевое имя» кого-то из ее детей. По мере увеличения семейства благодаря появлению зятьев и снох к браслету матери присоединялись новые звенья. Назывались они «шатенами», поскольку каждое из них представляло собой обжимающую лишь один камень оправу-каст (по-французски – *chaton*), соединяемую с другими аналогичными звеньями системой ушек и крючков. Франсуа Дюваль, сменивший старшего брата на службе императрицы-матери, добавил в ее браслеты 10 сентября 1810 года «шатены из разных цветных камней», оценив проделанную работу в 345 рублей [252] .

Императрица Александра Феодоровна получила браслет свекрови с оговоркой, что может владеть им лишь до своей смерти, а затем это украшение должны присоединить к коронным бриллиантам. Вдова Павла I пояснила в датированном 21 января 1827 года завещании, что для нее си я красивая памятная вещь («*Mon beau bracelet en pierres de couleurs doubles, formant les noms de mes enfants*») ценна «двойным рядом цветных камней, образующим имена моих детей» [253] . При желании браслет можно было расцепить на две цепочки шатонов, но в едином браслете сверкающие алмазами звенья выстраивались как бы в шахматном порядке.

После смерти супруги Николая I разъединенный на два зарукавья браслет ее августейшей свекрови, как та и желала, оказался среди коронных вещей. Однако каким-то там чиновникам Камерального отделения Императорского Кабинета совершенно незачем было знать тайное значение камней на нем. Секрет, известный обеим царственным владелицам, оказался намеренно утерян. Да и трудно узнать памятный предмет в «двух браслетах с двумя цветными камнями, между коими крупные шатоны». Но именно так его внесли в опись. Правда, потом запись подкорректировали, и над аккуратно зачеркнутым словом «двумя» появилось другое: «разными». К счастью, перепутать это мемориальное украшение с другим было невозможно: в сем документе оно значилось в небольшом, подписанном 16 февраля 1861 года начальником отделения статским советником Даниловским списке «вещам, оставшимся после в Бозе почившей Государыни Императрицы Александры Феодоровны, которые, на основании духовного завещания Императрицы Марии Феодоровны, должны поступить в число коронных бриллиантов» [254] .

В 1865 году придворные оценщики устроили капитальную проверку коронных вещей. По ее итогам завели новую, более подробную опись. Были сосчитаны с определением веса драгоценные алмазы, но попутно определены и прочие камни. Достаточно внимательно осмотрели и разделенный на два браслет императрицы Марии Феодоровны. На одном зарукавье в окружении 23 бриллиантов в 1 1/2 карата и трехсот алмазов-роз оказались опал (*opale*), два альмандина (*almandine*), аметист (*améthyste*), хризолит (*chrysolithe*), два малахита (*malachite*), два «ясписа» (*jaspe*), сердолик (*cornaline*) и еще один хризолит (*chrysolithe*), наверняка весьма крупный и отличного качества, поскольку стоил 10 рублей – довольно крупную сумму для подобного самоцвета [255] .

Помимо восьми бриллиантов в 5 1/2 карата и трехсот алмазов-роз другое зарукавье украшали один хризолит (*chrysolithe*), два альмандина (*almandine*), три малахита (*malachite*), два сердолика (*cornaline*) и один полевой шпат (*feldspath*) [256] .

Эксперты, разбиравшие в 1922 году под руководством минералога Александра Евгеньевича Ферсмана поступившие в Гохран бывшие коронные драгоценности, установили, что браслет с одиннадцатью цветными камнями имеет длину 19 см, а с девятью – 17 см. Вес бриллиантов увеличился на 1/2 карата, изменилось и количество алмазов-роз: на большом браслете их оказалось около 350, а на меньшем – около 375. Знатоки самоцветов также внесли небольшие коррективы в определение камней: теперь сердолики значились под их родовым именем «халцедонами» (*calcédoin*), что, правда, не повлияло на первую букву названия камня. Однако единственный полевой шпат (*feldspath*) перевели в яшму (*jaspe*), а один из малахитов (*malachite*) стал хризопразом (*chrysoprase*) [257] .

Итак, если по первоначальному определению, сделанному в 1865 году, первые буквы французских названий двадцати цветных камней на браслете императрицы обеспечивали пять «А», шесть «С», два «J», пять «М», а также по одному «F» и «O», то после проверки 1922 года осталось пять литер «А» и одна «O», но стало семь «С», три «J», четыре «М».

Кто же должен был занять почетное место на маменькином браслете?

Первенец августейшей четы, взошедший после смерти отца в марте 1801 года на русский престол Александр I (1777–1825) в 1793 году вступил в брак с принцессой Луизой-Марией-Августой Баденской, при переходе в православие получившей имя Елизаветы Алексеевны. Его брат, великий князь и цесаревич Константин Павлович (1779–1831), первым браком женился в 1795 году на принцессе Юлии-Генриэтте-Ульрике Саксен-Заальфельд-Кобургской (1781–1860), ставшей в России великой княгиней Анной Феодоровной, а вторым, в 1821 году – на польской графине Жаннете Грудзинской. Великая княжна Александра Павловна (1783–1801) в 1799 году стала женой эрцгерцога Австрийского и палатина Венгерского Иосифа. Ее красавица-сестра Елена Павловна (1784–1803) неделей ранее вступила в супружество с принцем Фридрихом-Людвигом Мекленбург-Шверинским. Великая княжна Мария Павловна (1786–1859) в 1803 году вышла замуж за принца Карла-Фридриха Саксен-Веймарского и Эйзенахского. Деятельная и умная великая княжна Екатерина Павловна (1788–1819), побыв в 1809–1812 годах в супружестве с принцем Георгом (Петром-Фридрихом-Георгом) Ольденбургским, в январе 1816 года, после нескольких лет скорби по безвременно почившему мужу, стала женой «любимого Фрица» [258] – кронпринца Фридриха-Вильгельма-Карла Вюртембергского, через девять месяцев после свадьбы взошедшего на отчий королевский престол под именем Вильгельма I. Великая княжна Ольга Павловна (1792–1795) умерла во младенчестве. Великая княжна Анна Павловна (1795–1865) вышла в 1816 году за принца Вильгельма Оранского, ставшего с 1840 года королем Нидерландов. Великий князь Николай Павлович (1796–1855) женился в 1817 году на прусской принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине (1798–1860), принявшей в России имя Александры Феодоровны, а после кончины Александра I в 1825 году унаследовал трон. «Порфирородный» великий князь Михаил Павлович (1798–1849) взял в жены в 1823 году принцессу Фредерику-Шарлотту-Марию Вюртембергскую (1806–1873), известную в России под именем великой княгини Елены Павловны, хозяйки Михайловского дворца.

Зная «ключ», мне очень захотелось раскрыть тайну зарукавья императрицы Марии Феодоровны, но не тут-то было. Сам браслет продали в 1920-е годы, не сделав никакого его воспроизведения.

Как ни крути, на браслете должен насчитываться двадцать один камень, а их только двадцать. Значит, кто-то из членов августейшей семьи намеренно пропущен в почетных рядах, но кто?

Перечни же самоцветов как в дореволюционных описях, так и в аннотации по результатам проверки комиссией 1922 года завели в тупик.

Казалось бы, под пятью литерами «А» скрываются Александр (Alexandre), две Александры (Alexandrine) и две «Анны (Anne), а под «O» – Ольга (Olga), но на Константина (Constantin), Екатерину (Catherine) и Карла (Charles) приходится шесть или семь «С». То же самое с буквой «М»: даже если к Михаилу (Michel) и Марии (Marie) прибавить августейшую маменьку, все равно четырех (а по первоначальному определению – пяти) малахитов многовато. В два «J» вначале хорошо вмещались Иосиф (Joseph) и Жаннета (Jeannette), но кто может значиться под появившимся в 1922 году третьим «J»? На двух Фридрихов (Frédéric) одного «F» и так недоставало, а затем сия «каменная» литера и вовсе исчезла в 1922 году. А как же быть с Елизаветой (Elisabeth) и двумя Еленами (Hélène), Георгом (Georges) и Вильгельмом (Guillaume), да и с Николаем (Nicolas)? Ведь в обоих перечнях отсутствуют камни, чьи названия начинались бы с «E», «H» и «N». Но тем не менее для обеих августейших владелиц каждый из двадцати самоцветов браслета когда-то действительно «изображал» первую букву имен десяти отпрысков супруги Павла I вместе с

женами и мужьями.

Стало ясно, что как дореволюционных, так и современных экспертов волновали лишь драгоценные камни первого порядка (алмазы, рубины, сапфиры, изумруды и жемчуг), а остальные минералы определялись весьма небрежно на глаз, причем даже их твердость, скорее всего, проверялась лишь изредка. Поэтому самым трудным для меня оказалось понять, какой же минерал должен числиться вместо указанного ювелирами, ибо камни должны быть похожи по внешнему виду, цвету, степени прозрачности и твердости.

А ведь императрица Мария Феодоровна любила загадки. Достаточно вспомнить, как она предупреждала своего сына Николая, что «маленькая безделушка, которую я предназначала для вас, еще не готова и будет сделана лишь к воскресенью» [259]. Из последовавшего через неделю послания тому же адресату выяснилось, что имелся в виду подарок, который великий князь должен вручить своей будущей нареченной. Ведь еще почти десять лет назад, когда прусская королева Луиза приезжала в Петербург, обе августейшие матери решили судьбу своих детей: супругой Николая станет принцесса Шарлотта. Для молоденькой дочери короля Фридриха-Вильгельма III было уже вдовой Павла I придумано имя, которое невеста получит при переходе в православие: Шарлотта в честь русского самодержца-победителя Наполеона станет Александрой, а отчество у нее будет, как и у свекрови – «Феодоровна» в память особо почитаемой в семействе Романовых иконы «Богоматери Феодоровской».

Теперь заботливая матушка поясняла сыну значение изображений на наконец-то готовой вещице: «Вот, дорогой Никош, печатка с буквою А, которая означает для непосвященных *Amitié* (дружба); всевидящее око освящает нашу дружбу; вам же я скажу, что мне хотелось, чтобы эта буква означала для вас имя Александрины, которую я поручаю покровительству Провидения; под ее именем стоит слово „добродетель“ (*vertu*); надеюсь, что она будет руководить всеми ее поступками; с двух других сторон я велела награвировать слова „честь и постоянство“ (*honneur et constance*). Вы будете всегда руководствоваться в своих поступках принципами чести и всегда будете постоянны по отношению к Александрине; на другой стороне печати награвирован цветок Иван-да-Марья (*une pensée*), оттиск которого я вам посылаю» [260]. Правда, стоит сказать, что название этого цветка здесь переведено с французского не совсем точно, поскольку августейшая маменька, конечно же, имела в виду «анютины глазки» – символ дум о близких.

Так что императрица Мария Феодоровна очень хорошо продумала, как зашифровать от профанов подлинное значение камней своего браслета. А в результате пришлось мне штудировать всевозможные минералогические справочники для правильной классификации каждого отдельного камня и вариантов написания его названия на французском языке, чтобы решить уравнение со многими неизвестными.

Кое-что подсказала сама императрица Мария Феодоровна. В своем завещании она отписала дочери Марии Павловне, «кольцо с желто-зеленым изумрудом, которое я постоянно ношу с тех пор, как купила его в Веймаре, так как камень изображает вензель покойного императора Павла», а во французском оригинале этот странного и непривычного для смарагда цвета самоцвет назван «*une péridot*» [261]. Значит, крупный хризолит (называемый также оливином, а по-французски – перидотом) вполне мог персонифицировать в застежке имя отца многочисленного семейства – императора Павла I.

Зато дочери великой княгини Марии Павловны, принцессе Марии Веймарской, заботливая бабушка оставила на память «браслет с портретом сына моего, императора Александра, гравированным на аметисте». Текст же французского оригинала завещания пояснял, что изображение вырезано инталий, то есть в толще камня [262]. Итак, пурпурного цвета аметист обозначал монограмму Александра I.

А в 1873 году известный гранильщик и знаток драгоценных камней А.А. Фохт продавал в Петербурге оцененную в тысячу рублей «вставку из эвклаза, в 7 или 8 линий величиною, цвет которой походил на цвет обыкновенного хризолита с ярким изумрудным оттенком» [263]. Столь дорогая цена объяснялась размерами самоцвета, достигающими

18–20 мм, ибо тогдашняя мера длины, называемая «линией», равнялась 2,54 мм [264] . Стало ясно, что под одним из двух оставшихся хризолитов скрывался эвклаз (euclase), символизирующий имя императрицы Елизаветы Алексеевны.

Последний же «хризолит» ввел ювелиров в заблуждение своим оливково-зеленым цветом. На самом деле это был зеленый гранат (grenat), обеспечивший вензель принца Георга Ольденбургского. О подобного оттенка гранате знают все, кто читал изумительный рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет». В XIX веке найденные на Урале оливково-, а то и травянисто-зеленые разновидности граната из-за сильного алмазного блеска называли «демантоидами», то есть «алмазоподобными», хотя торговцы продолжали именовать их русским, сибирским, а то и новым уральским хризолитом [265] .

Три же халцедона, ранее именуемые сердоликами, послужили заменой инициала цесаревичу Константину Павловичу, его сестре Екатерине Павловне и герцогу Карлу Веймарскому.

Что же касается камня, из-за своей однородной яблочно-зеленой окраски вылетевшего в 1922 году из малахитов в хризопразы, то минералогии из-за царившей при осмотре коронных драгоценностей спешки не узнали в нем нефрит (néphrite), символизовавший имя Николая I. Два малахита, как и полагалось, обеспечивали имена «порфиородного» великого князя Михаила Павловича и его сестры, великой княгини и герцогини Веймарской Марии Павловны. В двух же оставшихся «лишними» ярко-зеленых «малахитах» ювелиры не узнали из-за не очень характерного рисунка другого камня – амазонита (amazonite), заменявшего вензеля обеих Александрин, дочери и невестки императрицы Марии Феодоровны.

Одна пара альмандинов, скорее всего, фиолетово-алого цвета, символизировала нидерландскую супружескую чету: великую княжну Анну Павловну и ее супруга Вильгельма. Ведь имя будущего короля соответствует французскому «Гийом», а альмандин – не что иное, как разновидность граната (grenat). Зато вторую пару красных альмандинов, скорее всего, с небольшой примесью рыжинки в их окраске, вдова Павла I считала другой разновидностью граната, называемой «гессонитом» (hessonite), благодаря чему на ее браслете нашли место обе Елены (Hélène), дочь и невестка.

Полевой шпат (feldspathe), несправедливо отправленный в 1922 году в яшмы, заменял с самого начала имя одного из зятьев-Фридрихов. Одна из двух первоначальных яшм (jaspe) символизировала вензель эрцгерцога Австрийского и палатина Венгерского Иосифа (Joseph), а в другой, оставшейся на долю второго Фридриха, «яшме» таился «лиственит» (feuilletis).

Довольно быстро стало ясным, что камни-монограммы супругов соседствуют в одном и том же ряду. В другой цепочке камней оказались лишь принц Георг Ольденбургский, рано скончавшийся первый муж великой княгини Екатерины Павловны, да будущая владелица памятной вещи августейшей свекрови, императрица Александра Феодоровна. Но амазонит жены Николая I занял почетное место в чуть смещенном центре ряда, а нефрит ее супруга при воссоединении обеих верениц звеньев-медальонов в единый браслет оказывается рядом. (Кстати, как помнит внимательный читатель, оба зеленых камня эксперты в 1865 году посчитали малахитами).

Размещение камней оказалось таково (второй ряд – курсив): P – Péridote (перидот), числился хризолитом (Chrysolithe), находится в застежке

= Paul – император Павел I (1754–1801).

G – Grenat (гранат), числился альмандином (Almandine), разновидностью граната

= Guillaume – принц, затем король Вильгельм Нидерландский (1792–1849), муж в. к. Анны Павловны.

C – Cornaline (сердолик), в 1922 г. – халцедон (Calcédoin)

= Constantin – в. к. и цесаревич Константин Павлович (1779–1831).

A – Almandine

= Anne – в. к. Анна Павловна (1795–1865), супруга короля Вильгельма Нидерландского.

C – Cornaline (сердолик), в 1922 г. – халцедон (Calcédoin)

- = Charles – великий герцог Карл-Фридрих Саксен-Веймар и Эйзенах (1783–1853).
- E – Euclase (эвклаз), числился хризолитом (Chrysolite)
- = Elisabeth – императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826), супруга Александра I.
- M – Malachite (малахит)
- = Marie – в. к. Мария Павловна (1786–1859), супруга в. герц. Карла Веймарского.
- A – Améthyste (аметист)
- = Alexandre – император Александр I (1777–1825), супруг Елизаветы Алексеевны.
- F – Feldspathe (полевой шпат), в 1922 г. – яшма (Jaspe)
- = Frédéric – герцог Фридрих-Людвиг Мекленбург-Шверин (1778–1819), муж в. к. Елены.
- O – Opale (опал)
- = Olga – в. к. Ольга Павловна (1792–1795).
- H – Hessonite (гессонит), числился альмандином (Almandine)
- = Hélène – в. к. Елена Павловна (1784–1803), жена Фридриха Мекленбургского.
- N – Néphrite (нефрит), считался малахитом (Malachite), в 1922 г. – хризопраз (Chrysoprase)
- = Nicolas – император Николай I (1796–1855), супруг имп. Александры Феодоровны.
- A – Amazonite (амазонит), считался малахитом (Malachite)
- = Alexandrine – имп. Александра Феодоровна (1798–1860), жена Николая I.
- C – Cornaline (сердолик), в 1922 г. – халцедон (Calcédoin)
- = Catherine – в. к. Екатерина Павловна (1788–1818), первым браком замужем за Георгом Ольденбургским, вторым – за Фридрихом-Вильгельмом Вюртембергским.
- M – Malachite (малахит)
- = Michel – в. к. Михаил Павлович (1798–1849), муж в. к. Елены Павловны.
- F – Feuilletis (лиственит), считался яшмой (Jaspe)
- = Frédéric – герцог Фридрих-Вильгельм, затем король Вильгельм Вюртембергский (1781–1864).
- H – Hessonite (гессонит), числился альмандином (Almandine)
- = Hélène – в. к. Елена Павловна (1806–1873), жена в. к. Михаила Павловича.
- J – Jaspe (яшма)
- = Joseph – эрцгерцог Австрийский и палатин Венгерский Иосиф (1776–1847), муж в. к. Александры.
- G – Grenat (гранат зеленый), считался хризолитом (Chrysolite)
- = Georges – принц Георг Ольденбургский (1784–1812), первый муж в. к. Екатерины Павловны.
- A – Amazonite (амазонит), считался малахитом (Malachite)
- = Alexandrina – в. к. Александра Павловна (1783–1801), жена палатина Венгрии Иосифа.

Из почетного списка оказались выкинутыми обе супруги великого князя-цесаревича Константина Павловича, поскольку первая совершила непозволительный поступок: поехав в 1801 году за границу «лечиться на водах», великая княгиня Анна Феодоровна посмела не только навсегда покинуть своего благоверного, но в 1820 году и официально развестись с ним, а род прекрасной полячки Жаннеты Грудзинской не числился в «Готском Альманахе». Когда первые буквы французских названий выстроенных в цепочку камней образовывали какое-либо французское слово, то прочесть его можно было, лишь правильно определив именно французские названия использованных самоцветов. Если это удавалось сделать, с виду непонятный, страдающий отсутствием гармонии цвета ряд камней оказывался расшифрованной акрограммой.

Вюртембергской принцессе Софии-Доротее-Августе, в России получившей в 1776 году при переходе в православие имя великой княгини Марии Феодоровны, принадлежал сохранявшийся в библиотеке ее любимого Павловского дворца альбом в черном лаковом переплете. Украшением его лицевой стороны служила золотая чеканная рамка из виноградных листьев, окружавшая закрепленные на дощечке червонного золота восемь

драгоценных камней: за прозрачным бесцветным алмазом (Diamant) располагался окруженный с обеих сторон опалами (Opale), переливающимися радужными бликами, алый рубин (Rubis), далее шла голубая бирюза (Turquoise), за ней – рыжевато-красный гиацинт (Hyacinthe), а завершали пестрый ряд два травянисто-зеленых изумруда (Emeraude). Акрограмма названий этих самоцветов составляла девичье имя супруги русского престолонаследника: Dorothee [266] .

Став императрицей, бывшая вюртембергская принцесса не упускала возможности подарить своим близким вещь, дополненную акрограммой из камней. Придворным, наиболее близко знавшим навеки уезжавшую в 1816 году с мужем в Нидерланды великую княжну, вручили табакерки и браслеты, прелесть коих состояла не в цене, а в украшающих их цветных камнях, составляющих имя «Анна». Нужный ряд могли составлять четыре зеленых минерала: два нефрита, фланкируемые амазонитом и изумрудом (Amazonite, Néphrite, Néphrite, Emeraude), но были вероятны и другие сочетания.

Две подобных табакерки (Boite avec le nom de Son Altesse Imperiale en pierres de Couleur), стоимостью каждая в 4600 рублей, получили граф Головкин и г-н Пашков. Графине Орловой вручили «браслет с именем из цветных камней», а кому-то достался сравнительно дешевенький, всего в 425 рублей, аналогичный браслет, дополненный плетенкой из прядей волос великой княжны Анны Павловны (un Bracelet avec le nom en pierres de Couleur et des tresses en Cheveux) [267] . В своем же завещании императрица Мария Феодоровна отписала внучке, великой княжне Ольге Николаевне, «браслет с волосами ее брата и с изображением его имени, сделанным из цветных камней» [268] .

*Неизвестный художник начала XIX в. (Копия с Ж.-Л. Монье). Императрица
Елизавета Алексеевна. После 1806 г.*

Но делались и более сложные надписи. Для своей августейшей патронессы Франсуа Дюваль в 1807 году прибавил «шатоны из разноцветных камней» в ее «браслеты, формирующие девиз» [269]. На Крещение 1812 года младшая великая княжна Анна Павловна получила от маменьки браслет, украшенный 9 цветными камнями. А годом ранее вдовствующая императрица послала в Веймар дочери и внучке ко дню Ангела по браслету: на предназначенном для герцогини Марии Павловны насчитывалось двенадцать самоцветов, а на подаренном другой имениннице, принцессе Марии Веймарской, – только десять. Вскоре и графиня Ливен, воспитательница всех великих княжон, удостоилась браслета с десятью камнями, а мадмуазель Нелидовой достался браслет лишь с пятью [270]. Все это были работы придворного ювелира императрицы Марии Феодоровны.

Многозначительный подарок августейшей свекрови грешной невестке-императрице Елизавете Алексеевне

А в 1811 году Франсуа Дюваль поторопился исполнить по повелению императрицы-матери к назначенному сроку великолепный браслет из различных цветных камней и бриллиантов, ценой в 6000 рублей [271]. Высокопоставленная заказчица желала сделать драгоценный подарок невестке, императрице-имениннице Елизавете Алексеевне в день тезоименитства. К тому же в этот год через десять дней, 15 сентября, праздновалась десятилетняя годовщина коронации Александра I и его супруги, и «Психея» (как ее называли при Дворе) могла появляться на торжествах, поражая присутствующих красотой украсившего ее прелестные руки нового браслета, состоявшего из двух (при желании отделяемых друг от друга) рядов самоцветов в отдельных шатонах, осыпанных алмазными цветами. А в заведенной с 1810 года «книге бриллиантовым вещам государыни Императрицы Елисабет Алексеевны» появилась аккуратная запись: «1811 Года Сентября 5-го от Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны» поступил «Браслет из разных камней, один» [272].

Дар августейшей свекрови после смерти в Белёве его владелицы поступил в Кабинет как «одна браслетка с семью бриллиантами и другими цветными камнями», где его хранили более десятка лет [273]. Пока в начале 1840-х годов не передали из-за мемориальной значимости в коронные вещи. К тому времени расцепленный на две части браслет императрицы Елизаветы Алексеевны утратил застежку, ибо украшающие ее солитеры потребовались на создание других предметов. Вероятно, тогда же несколько шатонов переставили местами, чем окончательно затемнили чтение акрограммы. Теперь это была просто «пара браслет из двенадцати разных цветных камней, между каждым осыпь бриллиантовая» [274].

В 1865 году при проверке коронных вещей посчитали, что на «паре браслет из разных камней» находятся помимо бриллиантов изумруд, сапфир, гиацинт, «яспис», агат, аквамарин, берилл, хризопраз, хризолит, аметист и два коралла, причем один: белый, а другой – красный [275].

Эксперты же комиссии по разбору в 1922 году драгоценностей Российской Короны увидели, что эти два браслета «с разными камнями в золоте и хорошими бриллиантами в серебре оригинальной фигурной закрепки» образуют одно кольцо, в котором явно зашифрована какая-то совершенно не поддающаяся разгадке акрограмма. На эту мысль поневоле наталкивали «неправильная и некрасивая последовательность тонов и старинный подбор материала».

Просмотрев камни, специалисты решили, что в первом браслете они идут в таком порядке: аметист (Amétyste), хризолит (Chrysolithe), хризопраз (Chrysopraxe), топаз (Topaze), в коем ранее видели берилл (Beryl), аквамарин (Aigue-marine) и карнеол (Cornaline), до того бывший красным кораллом (Corail). Второй же браслет, по мнению знатоков, они составляли халцедон (Calcédoin), доселе считавшийся белым кораллом (Corail), яшма (Jaspe), гиацинт (Hyacinthe), сапфир (Saphir), изумруд (Emeraude) и агат (Agate) [276].

И действительно, получается какая-то абракадабра: АССТ(В)АС + СЛНSEA. Императрица Мария Феодоровна хотя бы в своем завещании указала, что подбором минералов на ее любимом браслете зашифровала имена своих детей. А здесь полнейшая неясность.

Да еще подарок вдовы Павла I невестке безжалостно продали со многими другими бывшими коронными вещами в 1927 году на аукционе Кристи. Не осталось даже фотографии. Куда дел г-н Филлипс сию «пару браслетов», доставшуюся ему всего за 310 фунтов стерлингов, тоже пока неизвестно [277].

Но посмотрев внимательнее на дюжину букв акрограммы, удалось подметить маленькую «зацепку». Ведь ни с чем не спутаешь фиолетовый аметист, синий сапфир и травянисто-зеленый изумруд, да и бывшие кораллы, хотя и перешли в белого цвета халцедон

и рыжевато-красного оттенка сердолик, все равно обеспечивают парочку «С». А если вспомнить, что под яблочно-зеленым хризопразом вполне может скрываться нефрит (Néphrite), то начинает вырисовываться что-то осмысленное, похожее на: C??????SANCE. Мелькнула догадка: не слово ли это CONNOISSANCE, то есть «знание», ибо именно так его писали в XIX веке, пока дифтонг «oi» не сменился позже буквосочетанием «ai».

А далее стала крепнуть уверенность в правильности сего предположения.

Торговцы самоцветами предпочитали золотисто-желтый или оранжевый прозрачный гиацинт именовать «жаргоном» (Jargon), а то и «жаконом». Казалось бы, в акрограмме появляется второе «J», при необходимости обычно подменявшее «I». Однако уже имевшееся (благодаря «Jaspe») «J», как оказалось, заменяется литерой «N», ибо в браслете за яшму явно принимали очень на нее похожий, непрозрачный темно-зеленый нефрит с темными пятнами.

Другое необходимое «N», как ни странно, дал агат. Скорее всего, для браслета взяли камень, в котором слои черного или темно-коричневого цвета чередовались с полупрозрачными серовато-голубыми прожилками, а подобная разновидность агата имела свое название: «Николо» (Nicolo), произошедшее от термина «агатоникс» (Agatonyx).

Теперь оставалось внимательнее присмотреться к оставшимся трем прозрачным самоцветам. Два из них были, судя по определению минералогов, золотисто-зеленого оттенка. Мнения в определении первого камня сошлись: он – не что иное, как хризолит (Chrysolithe) – ювелирная разновидность оливина (Olivine), по-французски именуемая «перидотом» (Péridot), что позволило выбрать нужную литеру «O».

Другой желто-зеленый минерал, в 1865 году признанный бериллом, через шесть десятков лет посчитали топазом. Однако нельзя исключить, что в этом камне на браслете вначале видели оливин. Ведь все три минерала очень похожи, а твердость их по так называемой «шкале Мооса» колеблется в слишком небольшом диапазоне: от 7 до 8 [278]. Ювелиры же довольно часто в XIX веке продавали «за хризолит или оливин... такого же цвета апатит (мороксит) и берилл»; полагая, что «последний минерал, в вставках, даже лучше настоящего хризолита по своей прочности и блеску» [279]. Вот и этот оливин обеспечил в акрограмме второе «O».

В оценке третьего самоцвета эксперты опять были единодушны: перед ними был аквамарин – голубая разновидность берилла, обязанная своим названием цвету морской воды (aqua maris). Однако существует очень похожий на него камень – кианит (Cyanite), чье название обязано греческому слову, в переводе означающему: «синий». По-французски кианит именовали также «дистеном» (Distène), или «пластинчатым бериллом» (Beryl feuilleté), а вот шотландцы предпочитали звать сей лазоревый камень «саппарэ» (Sapparé), поскольку именно такой термин был в ходу у парижских ювелиров для обозначения светлого сапфира [280]. Итак, нашлась и последняя, необходимая буква «S» для акрограммы «CONNOISSANCE».

Удалось понять и схему предполагаемого объединения обоих браслетов в один, чтобы шатоны соседствующих цепочек расположились в шахматном порядке, а первые буквы камней образовали бы сие многозначное слово:

C – Corail (коралл белый), с 1922 года – халцедон (Calcédoin). O – Olivine (оливин), ранее называли хризолитом (Chrysolite).

N – Nephrite (нефрит яблочно-зеленый), ранее – хризопраз (Crysopraxe).

N – Néphrite (нефрит темно-зеленый), ранее – «яспис»-яшма (Jaspe).

O – Olivine (оливин), в XIX в. – берилл (Beryl), а с 1922 года – топаз (Topaze).

J – Jargon (жаргон), ранее именовали гиацинтом (Hyacinthe).

S – Sapparé, или кианит (Cyanite), ранее – аквамарин (Aiguemarine).

S – Saphir (сапфир).

A – Améthyste (аметист).

N – Nicolo (николо), или агатоникс (Agatonyx), ранее – агат (Agate).

C – Corail (коралл красный), с 1922 года – сердолик-карнеол (Cornaline).

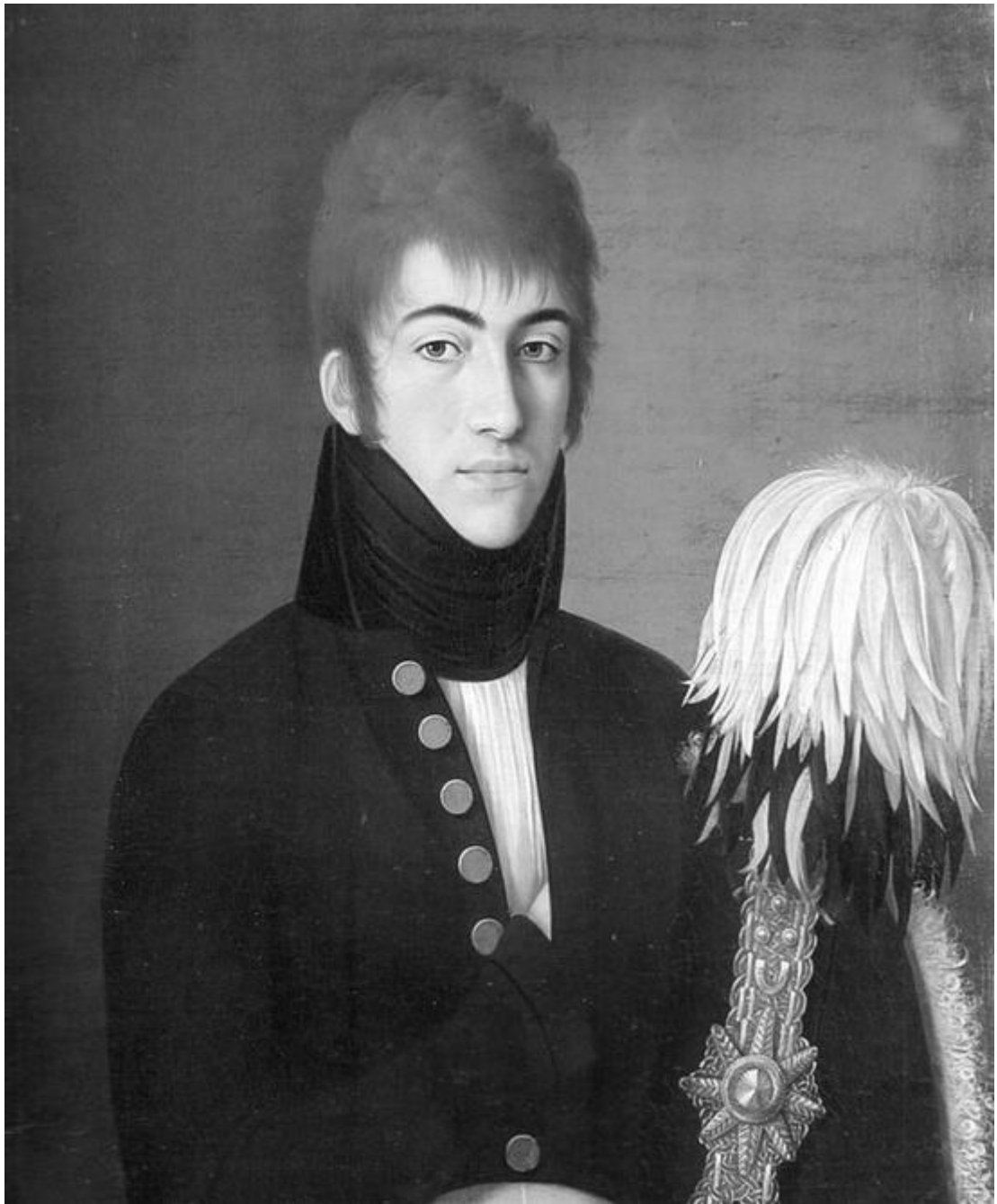
E – Emeraude (изумруд).

Подбор камней императрица Мария Феодоровна сделала «с подвохом», и как же надо было знать минералогию, чтобы прочесть тщательно зашифрованную надпись-акрограмму. В то же время, даря императрице Елизавете Алексеевне сверкающий многочисленными великолепными алмазами браслет искусной работы Франсуа Дювала, августейшая свекровь вкладывала в зашифрованное слово и другой смысл. Ведь она любила не только держать невесток в строгости, но и ссорить их с благоверными, чтобы сохранять над теми свою исключительную власть [281]. Еще когда у снохи появилась на свет первая девочка, императрица Мария Феодоровна пожаловалась мужу, что темноволосая малышка, названная в ее честь Марией, не могла появиться у белокурых родителей, а поэтому подлинным отцом крохи, которую заботливая мать любовно называла по-немецки «Mäuschen» («Мышкой»), наверняка должен являться князь Адам Чарторижский, коварный друг престолонаследника. Павел I тогда поверил наветам дражайшей половины и сильно разгневался на супругу своего первенца.

Когда же Александр I охладил к жене и предпочитал проводить время у ног обольстительной красавицы Марии Антоновны Нарышкиной, брошенная «Психея» пламенно полюбила кавалергарда Алексея Яковлевича Охотникова. Лишь своему дневнику доверила Елизавета Алексеевна родившиеся в глубине ее сердца поэтические строки, чей подстрочный перевод гласил:

«Надо иметь друга,
Надо его обожать,
Надо посвятить свою жизнь
Счастьем его дней.
Хочу быть тебе другом,
Любить тебя всегда,
Хочу посвятить мою жизнь
Счастьем твоих дней.
Хочу всегда тебя любить» [282].

Из-за сложностей придворного этикета влюбленным приходилось довольствоваться обменом украдкой взглядами при случайных встречах. Как герои сентиментальных романов, они обменивались надписями на коре деревьев в укромных уголках Каменноостровского парка. Их сердца трепетно бились, когда в театре Охотникову удавалось хотя бы отчасти выразить присутствовавшей там обожаемой императрице томившую его страсть, громко аплодируя актерским репликам, совпадавшим с его затаенными чувствами [283]. Однако недолго продолжались тайные свидания любовников. Счастье Елизаветы Алексеевны закончилось, когда ее возлюбленный безвременно скончался от снедающей его чахотки, хотя некоторые современники утверждали, что красавец-кавалергард погиб от руки подосланного убийцы, а плод незаконной любви, появившаяся на свет прелестная Лизанька, как и первое дитя, умерла, когда резались молочные зубки.

Неизвестный художник начала XIX в. Кавалергард Алексей Яковлевич Охотников, возлюбленный императрицы Елизаветы Алексеевны

Самодержец простил неверную жену, ибо сам был перед ней виноват. К тому же, зная, что маленькая великая княжна – не его ребенок, Александр I возблагодарил Бога за рождение девочки, благодаря чему сразу отпала щекотливая проблема передачи престола бастарду [284]. Но вдовствующая императрица не отличалась милосердием к невестке и при случае напоминала, что хорошо знает о прегрешениях той, которую считала недостойной высокого сана. Правда, она никогда не забывала внешне сохранять декорум и ежегодно заботливо преподносила в дни рождения (13 января) и тезоименитства (5 сентября) Елизавете Алексеевне памятные подарки, как правило, созданные в мастерской Франсуа, а после 1816 года – А. Филиппена Дюваля.

В 1806 году супруга Александра I стала счастливой обладательницей «гранатного с бриллиантами убора». В диадеме в окружении сверкающих всеми цветами радуги бриллиантов затаенным, «глубинным» огнем «горела» триада громадных темно-вишневых камней. Хороши были и серьги. Однако через десять лет дивный венец стал казаться

слишком скромным, и строгая свекровь 5 сентября 1816 года прибавила к нему четыре самоцвета, привезенных из Богемии. Но этим Мария Феодоровна не ограничилась, и уже 13 января 1817 года презентовала «новорожденной» еще четыре «богемские гранаты и бриллиантовые листочки». После смерти императрицы Елизаветы Алексеевны диадема гранатного гарнитура перешла к другой, на сей раз действительно любимой, невестке вдовы Павла I, супруге очередного российского самодержца Николая Павловича. После победы над Наполеоном и реставрации европейских монархий на Венском конгрессе, ранее «невыездные» члены августейшего семейства Романовых теперь все чаще наносили заграничные визиты своим родным. Когда императрица Александра Феодоровна в очередной раз приехала в Берлин, королевское семейство устроило для обожаемой дочери Фридриха-Вильгельма III пышный праздник Белой Розы. «Белый цветок», или «Бланшефлур», как называли принцессу Шарлотту в дни ее юности, была так тронута вниманием прусских родичей, что подарила на память о 29 мая 1829 года своей невестке, жене любимого брата – кронпринца Фридриха, прелестную и одновременно достаточно дорогую (в 28 000 руб.) бриллиантовую диадему с одиннадцатью богемскими гранатами. Что же касается оставшихся от дивного убора серег «с четырьмя богемскими гранатами и с бриллиантами», то в феврале 1830 года супруга Николая I получила их от своего любящего благоверного. И лишь среди «убора красного с бриллиантами» какое-то время оставался лежать между посверкивающих алыми рубинами украшений «цветок, составленный из одного граната и двух листочков бриллиантовых» [285].

Затем наступил черед изумрудов. В том же 1806 году Елизавета Алексеевна стала владелицей «зеленого гарнитура с бриллиантами»: диадемы с тринадцатью смарагдами разной величины и цепью-кольце с тридцатью тремя травянисто-зелеными камнями. Согласно счету братьев Дюваль от 5 ноября, работа над сей цепью-кольце, включая и стоимость украшающих ее ограненных «розой» алмазов, обошлась мастерам в 1100 рублей, а создание рисунка, восковой модели и окончательная отделка изумрудного венца оказались оценены в 1800 рублей. А затем становятся настолько модными фермуары, служившие звеном-застежкой для ожерелий-кольце, что становятся самой парадной частью в цепочке камней, располагаясь на груди шеголих. 18 сентября 1813 года вдовствующая императрица Мария Феодоровна дарит старшей снохе фермуар с бриллиантами и четырьмя изумрудами, «из коих один круглой и три банделоками» – грушевидными панделоками. Пожалованный 15 сентября следующего года бриллиантовый фермуар с тринадцатью смарагдами был сделан «в виде Якоря» – символа надежды. А в 1815 году августейшая свекровь презентовала Елизавете Алексеевне два фермуара с теми же самоцветами. В центре одного из них виднелся якорь в окружении лир со стрелами. Другой составляли две раковины, намекающие на прозвище супруги Александра I, ибо ее называли при петербургском дворе «Психеей» – смертной девушкой, пленившей своей красотой, не уступавшей самой богине Венере, крылатого бога Амура, своими стрелами вызывавшего огонь любви даже в сердцах бессмертных небожителей.

На день рождения в 1816 году императрица-мать Мария Феодоровна подарила Елизавете Алексеевне фермуар, на сей раз дополняющий «антиковой» бриллиантовый убор. В середине его покоилась резная гемма, по обеим сторонам коей размещались пронзившие кольцо стрелы [286].

Если бы не другое описание одной и той же вещи, ни за что бы не догадаться, что под «цветком бриллиантовым в виде Сырена» скрывался эгрет, напоминавший веточку сирени. Императрица Мария Феодоровна потому и подарила невестке-имениннице 5 сентября 1817 года с таким завершением шпильки, что в это время вошла в моду именно сирень. А вдова Павла I столь заботливо следила за появлением новых растений в ее любимом Павловске, что держала в личной библиотеке каталог по ботанике и даже собственноручно выписала в тетрадь термины, касающиеся сей науки аристократов. Стены же апартаментов августейшей хозяйки украсили душистые красивые гроздья, пышно цветущие на раскидистых кустах, заодно давшие названия оттенкам фиолетового цвета – сиреневому и лиловому (поскольку

по-французски сирень именуется lilas). Не случайно веточка сирени стала своеобразным знаком счастливых влюбленных, безмолвно говорящих друг другу: «Каждое выражение твоего лица и каждое твое слово говорят о красоте твоей души».

В следующем же году императрица-мать подарила старшей невестке на день рождения «накладку бриллиантовую головную, сделанную в виде цветков». Но на сей раз изящная гирианда состояла из череды «больших и маленьких Астров», невольно заставляя вспомнить о девизе бесстрашных и настойчивых в достижении поставленной цели: «От терний к звездам», звучащим на латыни как «Per aspera ad astra». Цветки, от бриллиантов кажущиеся инеисто-белыми, действительно напоминали фантастические звезды, поблескивающие на небе, однако смысл их символики казался «новорожденной» весьма двусмысленным: «Твоя искренняя дружба смягчает муку моего несчастья». Даже в конце XIX века преподнесенная кому-либо астра означала на языке цветов «тайное намерение» [287].

В начале 1820-х годов в моду входят браслеты с бирюзой. В 1821 году именинница получила от августейшей свекрови дешевенькое (всего-то в 150 руб.) золотое зарукавье с замком «в виде змеиной головы», отданное после смерти хозяйки ее камер-медхен, или «комнатной девушке», Анне Эттер. Но все-таки при Дворе без алмазов не обойтись, а поэтому хотя и мелкие, зато переливающиеся всеми цветами радуги бриллианты соседствовали с отполированным до блеска небесно-лазоревым камнем в обоих браслетах, презентованных Елизавете Алексеевне от матери дражайшего супруга в дни рождения и тезоименитства [288].

А перед отправлением императорской четы в Таганрог вдовствующая царица вручила нелюбимой невестке своеобразный амулет, ибо Филиппен Дюваль изобразил на браслете по заказу августейшей патронессы Око Провидения – воплощение Божественного Промысла, окруженное анютиными глазками – скромными цветочками, однако служащими символом постоянных дум о благополучии близких и родных, не забыв о главном – надписи: «Сохрани, возврати», обращенной к милости Всевышнего. Вскоре после кончины императрицы Елизаветы Алексеевны в Белёве этот браслет, найденный в дорожном мешке усопшей, отправили в 1828 году к ее матери, маркграфине Баденской [289].

Благочестивый вклад вдовствующей императрицы в Казанский собор

Вдова Павла I, еще будучи цесаревной, полюбила делать благочестивые вклады в почитаемые храмы и украшать самоцветами чудотворные иконы, сими дарами благодаря Всевышнего за осуществление ее молитв, горячо возносимых за успешный исход важных событий. Да и став императрицей, Мария Феодоровна, будучи талантливой резчицей по кости и камню, продолжала с помощью мастера Николая Фая собственноручно вытачивать из этих материалов предметы литургических наборов, а лучшим ювелирам поручала опривить их в золото и серебро, не забыв добавить в декор драгоценные камни.

Для церкви Св. Марии Магдалины в Павловске она исполнила в 1794 году из слоновой кости и янтаря большое запрестольное паникадило на двенадцать свечей и литургический прибор. От всего комплекта до наших дней сохранились лишь золотая звезда с выточенным из кости диском, окантованный ободком из того же благородного металла, да чаша для причастия. Хотя на основаниях диска и потира великая княгиня гордо выгравировала по слоновой кости: «25 марта 1794 года. Мария», ей было не обойтись без помощи Якова Дюваля, ювелира Малого двора. Зато как хорош оказался потир. Блистательно отполированная литая золотая чаша не нуждалась в чеканке и гравировке, поскольку ее украшал овальный эмалевый образок с изображением Христа, окаймленный вереницей прекрасно подобранных алых рубинов, красиво перекликающейся с серебряными лучами сияния, сплошь унизанными нежно-голубыми, с легким зеленоватым прицветом отечественными аквамаринами [290].

Вероятно, тот же Яков Дюваль, уже став к тому времени Собственным ювелиром Павла

I, помог своей августейшей патронессе в создании прибора для причастия, пожалованного храму Св. Александра Невского в столичном Смольном монастыре. На сей раз эмалевую иконку Христа Вседержителя, окруженную сверкающим бриллиантовым ободком, дополняет рамка из унизанных такими же алмазами ажурных фестонов. Очень нарядно и продуманно сочетается здесь золото чаши с прозрачной травянисто-зеленой эмалью, подчеркивая медовый цвет янтаря и белизну слоновой кости на ножке, на коей императрица не преминула выгравировать: «Мария. Дано 25 декабря 1798 года». До наших дней дошел в пару к этому потиру еще дискос слоновой кости [291]. Однако в буре революций пропала из церкви Смольного резная костяная икона работы покровительницы Института благородных девиц: институтки могли в четырехугольной раме созерцать Пречистую Богородицу с предстоящими архангелами Гавриилом и Михаилом, а также расположившихся под ними святых Александра Невского, Елизаветы, Марии Магдалины, Константина, Анны и Николая, соименных членам царской семьи.

А 15 сентября 1811 года, в юбилей 10-летия коронации Александра I, в столице прошло в присутствии всей августейшей фамилии торжественное освящение выстроенной по проекту Андрея Никифоровича Воронихина церкви Казанской Божией Матери. Современник торжества вспоминал: «Начиная от Зимнего дворца до самого нового собора стояли в параде войска; все дома и улицы наполнены были народом, к чему благоприятствовала также прекрасная погода», а «крестный ход был самый величественный», причем в этот же день от императрицы Марии Феодоровны был «прислан в дар собственных трудов Священный сосуд, со всеми к нему принадлежностями, сделанный частью из кости и янтаря, частью же из дорогих металлов» [292]. Если золотая чаша потира блистала алмазами и рубинами, то выточенная из мамонтовой кости ножка поражала аккуратностью работы на токарном станке. Основание ножки укреплял золотой круг, а в центре стояна красовался круглый граненый янтарь. Шар из янтаря увенчивал золотую звездицу, а дискос, на который она ставилась при священном ритуале литургии, восхищал великолепной резьбой по кости [293].

Франсуа Дюваль, подавший счет только 24 сентября, перечислил, что на исполнение предметов литургического прибора, сделанного по заказу матери Александра I, пошло 184 золотника (= 785 г) золота 80-й пробы и 162 (= 691 г) 72-й. Сама работа вместе с угаром была оценена мастером в 3200 рублей при стоимости благородного металла в 4255 рублей. На обрамление четырех эмалевых образков ювелир использовал 491 казенный алмаз огранки «розой», но зато за вставку драгоценных диамантов в серебро запросил 350 рублей [294].

Драгоценные уборы самой младшей сестры Александра I

Последними работами Франсуа Дюваля становятся драгоценные украшения для великой княжны Анны Павловны, вышедшей в начале 1816 года замуж за принца Вильгельма Нидерландского. Уже более десяти лет штатный ювелир Двора вдовствующей императрицы создавал бриллиантовые парюры для ее младшей дочери. В самый ранний убор с сапфирами входили головная повязка, пара серег, обвивающее шею кольцо с триадой синих яхонтов, непременно пара браслетов с крупным лазоревым камнем в застежках и модная цепь. Затем последовали гарнитуры с аметистами, жемчугами, изумрудами и рубинами. Самым ослепительным стал бриллиантовый убор. Он состоял из больших диадемы и гребня, дополненных «ветвью» для украшения прически. «Франж»-бахрома была предназначена обвивать шею, тяжелые серьги – сверкать в ушах, с плеч должна была красиво и элегантно свисать большая цепь-«сотуар», а для дополнения парадного платья был исполнен «галун с узорами а-ла грек», то есть в виде античных меандров. Русская принцесса могла воспользоваться и другой цепью, восемьсот шестнадцать звеньев коей представляли собой отдельные шатоны-«касты с бриллиантами разной величины», а на шею надеть «нитку» из тридцати больших солитеров. Заботливый брат-император позаботился и о другой, самого модного рисунка диадеме «о восьми колосьях» [295].

Сверх этих парюр, вошедших в приданое великой княжны, Александр I пожаловал любезнейшей сестре на помолвку с нареченным медальон со своим портретом, прикрытым плоским портретным алмазом, а в день свадьбы – еще восхитительную цепь с аметистами, стоившую 77 600 рублей. Не отстала от сына и августейшая маменька. По ее повелению Франсуа Дюваль выполнил небольшой гарнитур с камнями в алмазном обрамлении, причем из сей парюры императрица сначала презентовала дочери на обручение диадему и серьги, а затем на свадьбу вручила и цепь из гемм [296].

А. Филиппен Дюваль продолжает семейное дело

Какое-то время после возвращения Франсуа Дюваля на родину дела мастерской «Братья Дюваль» курировал племянник Жан Сеген. Именно он представил в апреле 1817 года новоиспеченной наследной принцессе Нидерландской затребованные вещи из запасов работ дядюшки-ювелира: несколько перстней и фермуаров с аметистами и топазами, чтобы Анна Павловна могла жаловать их своим придворным. Один из этих фермуаров представлял собой две скрещенные стрелы, а в месте их соединения искрился великолепный гиацинт.

Любопытно, что название камня по-французски было (в отличие от общепринятого *Hyacinthe*) написано как «*Jacinthe*» [297].

Однако вскоре в Северную Пальмиру приехал кузен сыновей Луи-Давида Дюваля, А. Филиппен Дюваль. Теперь он становился главой семейного дела в Петербурге, а заодно и придворным ювелиром императрицы Марии Феодоровны. К сожалению, о нем пока почти ничего неизвестно, хотя, несомненно, вице-консул Швейцарского Союза не мог быть заурядной личностью. В начале 1830-х годов А. Филиппен Дюваль приобрел на Каменном острове участок возле Большого канала, граничивший с дачей Мордвиновых, а уже в мае 1832 года просил у придворной конторы дозволения построить дачу со службами, ибо существовавший небольшой дом пришел в ветхость. Представленный «рисунком фасадам» понравился владельцу Каменного острова, великому князю Михаилу Павловичу, и дом, строившийся по проекту столичного архитектора Поля Жако, был готов уже в 1834 году. Деревянное одноэтажное здание стояло на высоком цоколе. С восточной стороны оно выглядело совсем просто, напоминая русскую избу с одним окном в центре. Зато расположенный с противоположной стороны вход украшали две коринфские колонны, а главный фасад радовал взоры не только пятью большими прямоугольными окнами, но и портиком, поддерживаемым пятью колоннами того же ордера.

Небольшая задержка вышла с перестройкой сарая, поскольку эскиз сего служебного строения совершенно не удовлетворил брата Николая I, ревниво относившегося к красоте принадлежавших ему мест, и его императорскому высочеству благоугодно было приказать избрать другой фасад «покрасивее и лучшей наружности».

Дачу, некогда принадлежавшую А. Филиппену Дювалю, архитектор Юлий Юльевич Бенуа перестроил в 1879–1880 годах в двухэтажный особняк с террасой и трельяжной беседкой, увитой зеленью плюща, но это романтическое творение безжалостно снесли еще в 1919–1920 годах [298].

А. Филиппену Дювалю работы хватало. В феврале 1818 года великий князь Михаил Павлович отправлялся для завершения образования в путешествие по России. Но в дороге ему могли потребоваться всевозможные драгоценные вещи для пожалований. Поэтому по

повелению заботливой августейшей маменьки месяцем раньше ее штатному ювелиру дали для образца список предметов, взятых два года назад для аналогичной поездки по странам Западной Европы великого князя Николая Павловича, а заодно перечень подарков по случаю разрешения от бремени императрицы Елизаветы Алексеевны. Вдова Павла I выбрала на сей раз из представленных четырнадцать перстней, три золотых табакерки и пять карманных часов с цепочками, стоимостью от 180 до 1440 рублей. В описи выбранных для грядущих подарков вещей один из сопровождающих высокородного путешественника аккуратно помечал, кому и за что доставалась какая-либо вещь. Забавно читать, как перстень с гиацинтом в 710 рублей великий князь пожаловал «в Туле коллежскому советнику Ардину, приставленному от дворянства для угощения», а вот «в Тамбове дворянину Жукову», исполнявшему те же обязанности, дал кольцо с топазом ценой лишь в 410 рублей. «Порфиородный» отпрыск императорской фамилии вручил перстень с аметистом «Курскому мещанину Ивану Вязьмитинову за поднесение медалей и монет», а землемеру Томарову – золотую табакерку «за поднесение плана Курской губернии». Самые дешевые часы с цепочкой достались «Нижегородскому мещанину Свешникову на крестинах сына, родившегося в день приезда великого князя». Одну из табакерок и самый дорогой перстень с топазом так никому и не вручили [299].

Тогда же, весной 1818 года, А. Филиппену Дювалю довелось выполнить еще одно распоряжение императрицы Марии Феодоровны. Та получила от своей младшей дочери из Брюсселя письмо с просьбой отдать повеление Дювалю об исполнении вещей к предстоящему в июне важному событию в семье наследного принца Оранского. Великая княгиня Анна Павловна, его супруга, должна была родить первого ребенка, а затем, после счастливого разрешения от бремени, по существующему обычаю пожаловать придворным дамам достойные драгоценные подарки.

Наследная принцесса все обдумала. Дюваль должен сделать два одинаковых по рисунку и стоимости гребня, чтобы их можно было на французский манер вкалывать в прическу наподобие диадемы. Правда, их не стоит украшать большим количеством бриллиантов, ибо в Голландии царят более скромные нравы. Зато оба гребня должны быть достаточно длинными, чтобы хорошо поддерживать волосы. И Анна Павловна даже собственноручно нарисовала, какая же длина нужна. Третьей заслуженной даме ее госпожа хотела даровать цепь из аметистов, впрочем, тоже весьма скромную по цене. Да и доктору предполагалось пожаловать красивую табакерку с алмазами и с каким-нибудь цветным камнем, подменяющим вензель имени высокопоставленной пациентки. Нужны будут несколько перстней и безделушек. Дюваль также должен был, положившись на свой вкус, сделать для фрейлины Сибург драгоценный браслет, сплетенный из приложенных прядей волос Анны Павловны и ее супруга, а на застежке непременно поместить алмазные буквы «А» и «G» (Анна и Вильгельм-«Гийом») [300]. Супруга престолонаследника Нидерландов осталась довольна присланными ей работами А. Филиппен Дюваля, поскольку и потом обращалась через свою августейшую матушку к его услугам.

В том же 1818 году сама императрица Мария Феодоровна, взяв с собой подготовленные ее придворным ювелиром предназначенные для подарков вещи [301], поехала за границу, чтобы наконец-то посетить многочисленных родственников и воочию увидеть, как живет ее дочерям на новой родине. Заботливая матушка собственноручно вручила всем троим по малахитовому браслету, дополненному бирюзой, рубинами и бриллиантами. Королева Вюртембергская еще получила аграф с очень модным бразильским топазом, а герцогине Саксен-Веймарской достался еще более роскошный аграф, в коем бриллианты окружали сибирский топаз [302]. Ее дочери Августе щедрая бабушка 22 ноября подарила великолепное кольцо из бразильских топазов [303]. Любопытно, что среди пожалованных драгоценностей упомянуты два фермуара. Судя по краткому описанию, в обоих оправу крупного аметиста Филиппен Дюваль сделал в виде веточки, усыпанной бриллиантами [304].

В Штутгарте 14 октября к путешествующей вдовствующей русской императрице

неожиданно с визитом приехал Яков Дюваль. В память прежних заслуг он получил от своей бывшей патронессы золотую табакерку, да не простую, а с завуалированным высочайшим вензелем, ибо памятную коробочку сплошь облицовывали пластинки малахита [305].

А. Филиппен Дюваль восстанавливает поврежденные при пожаре уборы принцессы Анны Павловны Оранской, будущей королевы Нидерландской

В декабре 1820 года в Брюсселе случился страшный пожар, озаривший огромным пламенем ночное небо и почти полностью уничтоживший роскошное жилище дочери и зятя императрицы Марии Феодоровны. Парижские газеты пестрели огромными заголовками на первых полосах: «Принц Оранский лишился дворца!», «Сгорела библиотека, картины, драгоценности...». Правда, горничной удалось, взбежав по задымленной лестнице в спальню принцессы, завернуть жемчуга Анны Павловны в кусок фланели и выбросить их в окно, что дало повод журналистам живописать, как драгоценности из горящего особняка прямо выстреливали из окон. Но жемчуга – это не ослепляющие своим блеском и отличным подбором алмазы парюр петербургской работы, к тому же многие перлы раскатились из свертка, упавшего на мостовую.

Наследная принцесса была расстроена, а тут еще и августейшая матушка корила младшенькую неразумную дочь: «Скажи мне, дорогая Аннета, как тебя угораздило потерять свои бриллианты? Я не понимаю, почему они не были спасены в первую очередь?», а затем, смягчившись, заботливо советовала, что многие из них наверняка вернутся к погорелице, «если охрана будет предельно аккуратна и просеет угли» на пожарище. Императрица надеялась, что и большую часть жемчугов удастся найти и «может быть, когда их почистят и отполируют, они станут почти как новенькие». А вот заменить утраченные аметисты равноценными камнями оказывалось почти невозможно: слишком мало смогли за предыдущий год найти в Сибири и привезти оттуда в далекий Петербург красновато-фиолетовых кристаллов [306].

В ответ Анна Павловна просила мать, чтобы Дюваль постарался приобрести две очень красивых грушевидных жемчужины, а затем сделал бы из них серьги, должны вызвать восхищение, и отправил их в Брюссель. Но, главное, придворный ювелир вдовствующей императрицы должен постараться воссоздать утраченные драгоценности, используя привезенные курьером вместе с посланием великой княгини остатки уборов, найденных на пожарище, а также заимствовав алмазы из присланных в Петербург вещей, которыми наследная принцесса Нидерландская не пользовалась. Особенно хороши были бриллианты в круге звезды ордена Св. Екатерины. Их, как и заново отполированные лучшие и самые большие камни из числа пострадавших в огне, Дюваль должен был, по повелению Марии Феодоровны, оправить в шатоны, сделав сами серебряные касты более крупными и массивными. Из других бриллиантов предписывалось восстановить обе погибшие головные повязки из сапфирового и изумрудного гарнитуров работы Франсуа Дюваля. В посылке также содержались мелкие алмазы и рубин, чтобы мастер, прибавив необходимые самоцветы, восстановил из них ветвь-гирлянду, некогда сделанную тем же Франсуа Дювалем в числе предметов парюры с красными яхонтами. То же касалось и возобновления бриллиантового ожерелья-«бахромы» из сохранившихся фрагментов.

Уже 4 мая 1821 года Филиппен Дюваль располагал пакетом с присланными из Брюсселя камнями. Посылка сопровождалась запиской Григория Вилламова, состоявшего «у исправления дел» императрицы Марии Феодоровны, копией реляции графа Дмитрия Александровича Гурьева, одновременно занимавшего посты министра уделов и управляющего Кабинетом Его Императорского Величества, и «экстрактом» из писем великой княгини Анны Павловны. В тот же день ювелир просмотрел бриллианты и написал ответ Вилламову о состоянии пятисот шатонов [307]. А спустя три дня Филиппен Дюваль, опять отчитываясь перед делопроизводителем вдовствующей императрицы (которого

беспрерывно теребили как она, так и граф Гурьев), успокаивал, что всю работу над бриллиантовой «бахромой» и рубиново-алмазной ветвью-гирляндой. К тому же у него вот-вот окажутся в руках две пары жемчужин-панделоков, чтобы выбрать из них самые крупные и красивые на серьги высокопоставленной заказчицы. Единственно, что задерживает работу – недостаточное количество нужных бриллиантов, и потребуется три-четыре недели, чтобы знакомый поставщик в Амстердаме подобрал и прислал в Петербург достойные камни [308].

К середине июля Филиппен Дюваль уже успел исполнить серьги с большими жемчужными панделоками, воссоздать с небольшими изменениями «брильянтовую с рубинами головную повязку» и оправить в шатоны 212 заново отшлифованных им бриллиантов. Придворный ювелир всю трудился теперь над бриллиантовой цепью из семнадцати огромных вожделенных аметистов, заимствованных, как и солитер почти в 9 карат, из разобранных для этой цели кабинетских вещей [309].

Полностью же выполнить высочайший заказ Филиппен Дюваль смог лишь к началу 1823 года [310], но и потом Анна Павловна не забывала о ювелире августейшей матушки. В 1825 году она купила у него за девять тысяч рублей четыре великолепных громадных сапфира [311].

Однако бриллиантам супруги престолонаследника Нидерландов не везло. Всезнающий почт-директор Константин Яковлевич Булгаков писал 1 октября 1829 года из столицы к брату Александру в Москву: «Вообрази, что в Брюсселе украли вдруг все ее жемчуги, бриллианты и другие дорогие камни, так что всего миллионов на семь. И украсть было трудно эдакую громаду, а сбывать будет еще труднее» [312]. Однако похитители, забравшиеся в брюссельский дворец, когда кронпринцесса Анна Павловна была в театре, а ее супруг совершал прогулку верхом, так и не были найдены.

На следующий год – новое несчастье. В конце августа в Бельгии вспыхнула революция, Николай I из-за интриг французов и англичан ничем не смог помочь любимой сестре, и свекор русской великой княгини потерял самую, пожалуй, лакомую часть своего королевства. Столицей нового независимого государства стал столь любимый ранее Брюссель, куда 21 июля 1831 года торжественно въехал на белом коне бельгийский конституционный монарх Леопольд Саксен-Кобургский, избранный на вакантный престол Национальным конгрессом.

Но вот наступил 1840 год. Король Вильгельм I, овдовевший три года назад, настолько страстно влюбился в графиню Генриетту д'Ультремон де Вегмонт, красавицу-фламандку, что пожелал соединиться с избранницей узами брака. Однако официальный союз, пока король занимал трон Нидерландов, был невозможен, а морганатический расшатывал бы устои монархии. К тому же могли обостриться и так напряженные отношения, существовавшие между бельгийцами и голландцами. Старый монарх предпочел отречься в пользу старшего сына, уже несколько лет исполнявшего обязанности регента. Великая княгиня Анна Павловна, принцесса Оранская, не могла допустить, чтобы ее муж, следуя примеру августейшего отца, взошел бы на престол без пышной церемонии коронации. Она, не колеблясь, пожертвовала лучшие свои бриллианты, чтобы ювелиры смогли бы выполнить достойные, дотоле отсутствовавшие инсигнии королевской власти.

Вильгельм II торжественно короновался в Амстердаме под сводами Новой кирхи. Главу его увенчала блистающая драгоценными камнями корона, а затем новому властелину поднесли не менее великолепные скипетр и державу. Но даже эти роскошные регалии, ставшие отныне вплоть до нашего времени атрибутами нидерландских монархов, не могли затмить наряд супруги короля, которую подданные обычно называли Анной Русской. Голландская королева, что так поразило ее подданных, была одета в пышное, сверкавшее многочисленными самоцветами русское платье с длинными рукавами, а на ее прическе громоздилась корона, напоминавшая кокошник [313].

Судьба фирмы «Братья Дюваль» при Филиппене Дюваль

Августейшие особы не забывали обременять Филиппена Дюваля своими пожеланиями и заказами, ибо изделия курируемой им мастерской, хотя объем ее работ и сократился, по-прежнему славились. Для великой княгини Марии Павловны ювелир исполнил помимо перстней с аметистами какое-то украшение в 15 тысяч рублей, отосланное к ней в Веймар [314].

При обручении в 1823 году принцессы Шарлотты Вюртембергской, получившей при переходе в православие имя Елены Павловны, с ее избранником, великим князем Михаилом Павловичем, новоиспеченной великой княгине пожаловали бриллиантовый убор с изумрудами и медальон с портретом порфиородного нареченного, закрепленный на роскошной алмазной цепи. В честь же бракосочетания с младшим братом самодержца новая невестка получила усыпанные бриллиантами склаваж и серьги рубиновой парюры, а также диадему и склаваж сапфирового гарнитура. Все эти драгоценные, стоившие почти полмиллиона рублей, вещи вышли из стен фирмы «Братья Дюваль» [315].

Филиппен Дюваль должен был непрестанно заботиться о хорошем состоянии драгоценностей августейшей патронессы. Ладно, когда она посылала ему образец понравившихся серег, чтобы тот сделал точное их повторение [316]. Но вдовствующая императрица подчас озадачивала своего ювелира, как в свое время и Франсуа Дюваля, не совсем обычными поручениями, ибо вполне могла попросить его купить в модном магазине какую-либо вещь для украшения интерьера [317], а однажды даже пожелала увидеть сложную, состоящую из множества деталей модель ажурного железного моста, присланную братьями Филиппена Дюваля в Женеву, вероятно, из Англии [318].

К концу своей жизни вдова Павла I стала составлять духовную, чтобы оставить родным и близким на память всевозможные вещи. Вилламов записал в своем дневнике 28 февраля 1826 года, что понедельник оказался тяжелым: «Я провел день во дворце за проверкой с Пильниковым и Дювалем в бриллиантовой комнате подарков, предназначенных по завещанию императрицы, что продолжалось за 9 часов вечера», да и на следующий день «императрица стала сама пересматривать эти подарки и завещанное имущество, в которых она сделала многие изменения, что вызвало новую проверку» [319].

После кончины императрицы Марии Феодоровны, специально оговорившей в завещании: «Особенно прошу детей моих не лишать своего покровительства семейство Дюваль, как людей в полном смысле прекрасных» [320], Филиппен Дюваль, поскольку уже стало трудно конкурировать с молодыми и талантливыми соперниками, потихоньку сворачивает просуществовавшую без малого век фамильную ювелирную мастерскую. Теперь становится выгоднее открыть банк на паях с другим кузеном, представляющим интересы петербургской семьи Сеген. Новому делу помогли значительные связи с зарубежными финансистами, что помогало исполнять немаловажные поручения русского Двора. Не случайно в апреле 1831 года именно у торгового дома Дюваля-Сегена и Ко императорским Кабинетом выписывается вексель на братьев Шиклер в Берлине, чтобы те заплатили тамошнему живописцу Францу Крюгеру за написанную по заказу самого Николая I картину «Парад в Берлине» [321].

Да и впоследствии многочисленные племянники, внуки и правнуки разветвленной династии потомков Луи Дюваля и Розы Энгель, приезжая в Петербург, четверть века обеспечивали процветание банкирскому дому Дюваль-Сеген, продлившееся вплоть до Крымской войны 1853–1856 годов [322].

Члены семьи Дюваль оставили по себе хорошую память, а поэтому заезжавшие в Женеву русские путешественники, с удовольствием виделись с любезными и образованными бывшими придворными ювелирами, ставшими уважаемыми швейцарскими гражданами. Недаром граф Михаил Юрьевич Виельгорский, гофмейстер Высочайшего Двора, писал в 1839 году оттуда знаменитому поэту и воспитателю престолонаследника Василию Андреевичу Жуковскому: «Доселе никого из здешних Русских не встречали кроме Мятлева... Здесь Дюваля нашел и Остермана» [323], ставя теперешнего жителя Гельвеции в

один ряд не только с автором забавных и полных юмора стихов, но и с прославленным героем Кульма.

«Бриллианщик» Вильгельм-Готтлиб (Георг-Готтлиб) Классен

Вскоре после отъезда Франсуа Дюваля на родину, в бумагах императрицы Марии Феодоровны стала часто упоминаться фамилия Классена. Этот ювелир, которого звали Вильгельм-Готтлиб, приехал в Северную Пальмиру из Дерпта в 1805 году и через пять лет вступил в иностранный цех. Правда, в церковных книгах русской столицы Вильгельма Классена именовали Георгом-Готтлибом [324] .

Мастер был достаточно состоятелен, чтобы завести себе дачу под Стрельной, недалеко от Троице-Сергиевой обители, однако предусмотрительно застраховал свое имущество. И когда дача сгорела, он тут же на полученные от страховой конторы средства выстроил новую. Та в мае 1829 года также выгорела до основания на глазах владельца, «который прерывнодушно стоял тут и смотрел на пожар», и публики, изумлявшейся столь непривычному, однако легко объясняемому наличию страховки хладнокровию [325] .

Однако сей «бриллианщик» больше исполнял «галантерейные» вещи, украшенные драгоценными камнями: разнообразные табакерки с шифрами, перстни, часы. Многие подобные изделия работы Классена использовали для подарков при путешествии по России и по странам Европы младших великих князей, Николая и Михаила Павловичей.

Вещественная августейшая благодарность Ивану Фёдоровичу Паскевичу

В конце июля 1817 года к Ивану Фёдоровичу Паскевичу, командующему дивизией в Смоленске, примчался фельдъегерь с высочайшим повелением срочно явиться в столицу, чтобы по просьбе императрицы Марии Феодоровны сопровождать в поездке по России великого князя Михаила Павловича. Вдовствующая царица помнила заслуженного генерал-лейтенанта еще совсем юным, когда тот в 18 лет, уже будучи лейб-пажом, по желанию Павла I, стал флигель-адъютантом самодержца. Что же касается Александра I, то монарху не один раз представлялись случаи оценить ум и мудрость военачальника. Ведь именно по доводам и настоянию Паскевича русская армия устроила французам кровопролитное побоище не под Смоленском, а в самом городе, и сами полководцы Барклай де-Толли и Багратион благодарили молодого стратега. Отлично проявил себя Иван Фёдорович и в порученном ему Александром I в 1816 году расследовании так называемого Липецкого дела, когда удельных крестьян в Смоленской губернии, отказывавшихся от уплаты недоимок за 1814 год из-за лихоимства чиновников и бурмистра, продавшего на корню весь хлеб, несправедные судебские, не пожалев даже восьмидесятилетних стариков, приговорили было к наказанию плетью через палача. Пока приговор шел по инстанциям для утверждения, Паскевич проведя свое энергичное следствие, успел донести государю, что хотя удельные чиновники и облекли свои бессовестные деяния в форму закона, но по совести именно они преступны и «всякому беспорядку они одни настоящая причина». В результате обвиняемых крестьян не только освободили от наказания, но и назначили им денежное пособие, «потому что пример человечности и сострадания до сих пор никогда еще

не был вредным».

Потому-то Ивана Фёдоровича Паскевича высочайшие особы посчитали лучшей кандидатурой для довершения воспитания «порфиородного» великого князя, поскольку Михаил Павлович «при всем его остром уме, доброй нравственности и душевном благородстве», по мнению августейшей матушки, отличался излишней пылкостью нрава и недостаточной любознательностью, проистекавшими от все более усиливавшейся страсти к фронтовым занятиям, мешающим занятиям умственным.

С 11 августа 1817 года путешественники побывали за три месяца во многих русских городах, пока не прибыли в Москву [326]. Императрица Мария Феодоровна была настолько довольна, что 12 ноября прислала ментору своего младшенького драгоценный подарок при следующем рескрипте:

«Иван Фёдорович! По благополучном возвращении вашем из путешествия с любезнейшим моим сыном великим князем Михаилом Павловичем, возблагодарив вас уже за все труды ваши и усердие вами оказанное, я приятнейшею поставляю себе обязанностью изъявить вам еще мою искреннюю признательность особенным знаком. В сем намерении вручаю вам приложенную здесь табакерку. Я желаю, чтобы изображенное на оной имя напоминало вам, что вы в полной мере оправдали мое к вам доверие и что рвением и попечением вашим приобрели право на отличное уважение и доброжелательство, с каковым и пребываю вам благосклонною. Мария» [327].

Ф. Крюгер. Фельдмаршал Иван Фёдорович Паскевич. 1834 г.

В следующем году И.Ф. Паскевич сопровождал великого князя в ознакомлении с Европой, а когда 3 июня 1819 года вернулся из-за границы, завершив образование «порфирородного» воспитанника, то опять получил от радостно встретившей путешественников вдовствующей императрицы Марии Феодоровны золотую табакерку, исполненную по ее заказу в Петербурге то ли А. Филиппеном Дювалем, то ли Вильгельмом Классеном. Однако если в прошлый раз красивую коробочку украсило «вензелевое имя» вдовы Павла I, то теперь заботливому ментору досталось самое престижное пожалование для царедворцев – «табакерка с портретом». Но мало того: на крышке презентованной вещи вокруг лика благосклонно улыбающейся августейшей маменьки, окруженного алмазной рамкой с надписью: «Souvenir de l'Année 1819» («Напоминание о 1819 году»), разместились шесть цветных камней: малахит (malachite), яшма (jaspe), сердолик-карнеол (carneole), гранат-гессонит (hessonite), изумруд (émeraude) и лазурит (lapis-lazuli), составляющие имя Michel [328] . (См. цвет. илл. 28.)

Судьба придворной Алмазной мастерской

Еще в начале правления Александра I императорским указом от 18 января 1802 года реорганизовали в целях экономии и придворную Мастерскую Алмазную. Заодно «за старостию и болезнями» вовсе уволили от службы подмастерьев Данилова и Елизарова, обратив их жалования «им в пенсион по смерти». Закрылась и ставшая ненужной мастерская «по обтачиванию пат при Эрмитаже», а «оставшимся без употребления гранильщикам Рахонину, Чавкунову и Бибикову за долговременную их службу» Александр I повелел ежегодно выплачивать каждому пожизненную пенсию в 440 рублей, равняющуюся прежнему окладу [329]. Лишь «при особых по Эрмитажу должностях» не только сохранили оставшегося «при делании пат художника Григория Кениха» (так теперь именовали Георга Кенига, некогда работавшего бок о бок с самой «Семирамидой Севера») и состоявшего при последнем «Ивана Кениха», но и на Пасху в первые годы девятнадцатого столетия выдавали соответственно 150 и 100 рублей награждения [330]. Однако в первой половине 1815 года Георг (Григорий) Кениг скончался, и уже с июля в память заслуг мастера его супруге Ревекке, оставшейся безутешной вдовицей, все последующие семнадцать лет, вплоть до ее смерти, выплачивали как весомую пенсию оклад покойного мужа в 1200 рублей годовых [331].

Теперь Алмазная мастерская стала третьим отделением в штате Кабинета. Правителю ее дел полагалось в год отныне получать 1500 рублей, оценщику причитались 800, а «на помощников к разным должностям назначенных, так же на... ювелира и его ученика» выделялись 18 300. Отдельным пунктом оговаривалось «Ювелира и ученика употреблять не токмо к содержанию в чистоте бриллиантовых вещей, но и к поправке оных, а между тем по возможности и к делу новых вещей из казенных камней» [332].

Но уже через шесть лет Александр I, начертав 3 октября 1808 года на предложениях Дмитрия Гурьева «Быть по сему», утвердил новый штат Кабинета. Правителям каждого из трех отделений (первое заведовало канцелярией, второе – мягкой рухлядью, то есть мехами, третье – драгоценными вещами) не только на целую тысячу рублей повышали жалование, но теперь они именовались их начальниками [333].

По штату Кабинета, утвержденному Александром I 28 марта 1819 года, формально деление Кабинета на три отделения сохранилось, однако функции их отчасти изменились. Бывшие второе и третье отделения стали лишь двумя столами нового второго отделения, позднее названного Камеральным. В ведении первого стола оставались меха, а второго – драгоценные вещи и подарки. Разнообразные бриллиантовые предметы, требовавшиеся августейшим особам, приобретались в Камеральное отделение непосредственно как у ювелиров, так и у владельцев нужного украшения.

Согласно новому штату, ювелирные изделия оказывались теперь под присмотром двух оценщиков, получавших годовой оклад по 800 рублей серебром в год и обладавших правом изображать государственный герб на своих вывесках [334]. Позднее Николай I увеличил количество штатных оценщиков Кабинета до трех человек, при этом лишив их окладов, да к тому же ввел вакансии кандидатов в оценщики [335].

Оценщики Кабинета

«Фёдор Жванов сын Яннаш»

До нововведений престижную должность единственного оценщика драгоценных камней и вещей Кабинета уже несколько лет, сменив на этом посту Якова Дюваля, занимал Иоганн-Фридрих Яннаш, после обучения ремеслу в Варшаве прибывший в 1793 году с паспортом от русского посланника и через три года вступивший мастером в иностранный цех [336].

Когда придворный ювелир вдовствующей императрицы окончательно решил покинуть опостылевший Петербург и уехать на родину, он 10 марта 1802 года подал прошение «на всевысочайшее Его Императорского Величества имя. Ведь Якову Дювалю нужно было заранее освободиться от занимаемой им с 1788 года при Кабинете Е. И. В, с окладом 600 рублей в год, должности «ювелира в оценке драгоценных вещей, как казенных, так и партикулярных». И теперь уважаемый коллежский советник, исправлявший порученные обязанности «всегда при всем усердии с точностию и верностию», хлопотал об увольнении, ссылаясь на мешающие работать «болезненные припадки» [337].

В эти же мартовские дни в Кабинет, также на имя «Всепресветлейшего державнейшего великого государя Императора Александра Павловича», поступило прошение от «Фёдора Иванова сына Яннаша» о ревностном желании «вступить в службу» в Кабинет, поскольку приобрел «старанием моим познавать достоинство драгоценных камней, как то: бриллиантов и прочих цветных, и производить работы вещей с украшением их таковыми камнями» [338]. В удостоверение своей квалификации ювелир представил оригинал данного ему 13 октября 1796 года свидетельства о записи Иоганна-Фридриха Яннаша после успешно выдержанного экзамена «в алмазного дела искусстве» сочленом в книгу «почтенного Санкт-Петербургского золотых, серебряных и галантерейных дел цеха». Сей документ, скрепленный цеховой печатью, тогда подписали «алдерманны и заседатели» сего столичного общества: старшина Карл Годефруа (Carl Godefroa), старшинские товарищи Андрей Далберх (Andreas Dahlberg) и Христоф-Фридрих Мерц (Christoph-Fried: Merz), а также цеховой писарь Иоганн-Христиан Кайзер (Johann-Christian Kayser) [339].

Через неделю судьбы обоих ювелиров прояснились. Было решено: Дюваля «с аттестатом уволить и жалованьем по расчету удовлетворить», а на освободившуюся штатную вакансию определить Фёдора Яннаша, обязательно приведя того «по обряду к присяге» [340].

Вскоре Frederic Jannasch, целуя «Слова и Крест Спасителя» и подписав «присяжный лист», дал «перед Богом и судом его страшным» клятвенное обещание служить и во всем повиноваться самодержцу, как и престолонаследнику «верно и нелицемерно, до последней капли крови <...> всякую мне вверенную тайность крепко хранить», все «надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать». Свидетелями клятвы нового сотрудника стали дававший ему целовать Евангелие и крест священник Кабинетской церкви Алексей Прокопиев и Правитель Канцелярии Иван Вельской [341].

Своему преемнику придворный ювелир вдовствующей императрицы передал все тонкости работы, но на первых порах им часто приходилось работать вдвоем, а поэтому под заключением о стоимости двух золотых табакерок, приобретаемых у графа Валезы,

посланника Сардинского Двора, красуются подписи обоих арбитров-оценщиков [342] .

После приведения к присяге Яннаш занял желанную штатную вакансию и за годовое жалованье, повысившееся до 800 рублей, добросовестно исполнял свои обязанности, заодно поставляя в Кабинет (и за это получая отдельные деньги) множество разнообразных изделий: орденские и фрейлинские знаки, перстни, панагии, жалованное оружие. Он сделал саблю с золотым эфесом, украшенным вставками изумрудов, рубинов, гранатов и аметистов, а также еще и золотой пояс к ней для «Солтана Киргизкайсацкой Меньшей орды Ширгазы», возведенного в «ханское достоинство» [343] .

Только дважды за весь полувековой период службы, длившейся по день смерти, Яннаш брал четырехмесячные отпуска: первый – в мае 1810 года, для поездки к родителям, а второй – в июле 1836 года, как он сам объяснял, «по случаю кончины живущего в Варшаве родного брата моего, имея надобность быть как в Варшаве, так и за границую для приведения в порядок дел его», когда Иоганн-Фридрих побывал помимо Царства Польского, в королевствах Прусском и Вестфальском, во Франкфурте-на-Майне, Мюнхене, Дрездене, Париже, из которого через Дижон отправился в Швейцарию, а затем, посетив Амстердам и Утрехт, через Кенигсберг вернулся в Россию.

Со страниц паспорта, выданного «Феодору» Яннашу для второй поездки, встает облик 70-летнего уроженца Варшавы: он худощав, ростом 70 дюймов (=178 см), волосы и брови у него светлые, лоб высокий, крупный нос, волевой рот, круглый подбородок, борода седая, лицо овальное, а цвет лица обычный, из-за неразборчивого почерка неясно только, какие же у мастера были глаза – карие (brun) или голубые (bleu)?

За свою службу Яннаш неоднократно награждался: в 1839 году он удостоился звания придворного ювелира, а позже получил золотые медали, последовательно на Аннинской, Владимирской и Андреевской лентах, для ношения на шее. Незадолго до смерти ему пожаловали еще одну золотую медаль с надписью «За усердие», но на сей раз украшенную бриллиантами.

Жил Яннаш в своем доме под № 66 во 2-м квартале 1-й Адмиралтейской части. Поскольку ювелир служил при Дворе, Петербургская городская дума, на основании «мнения» Государственного совета от 7 апреля 1820 года освободила его до увольнения от сбора шедшей в доход города подати, которую должны были выплачивать все «заезжие купцы, живущие в качестве не торгующих Иностранцев и имеющие недвижимую собственность». Умер мастер «от старости, в возрасте 85 лет, утром 29 декабря 1852 года». Похоронили его на Волковском кладбище.

За свою долгую службу Яннаш «от трудов праведных не нажил роскошных палат каменных», и после кончины заслуженного ювелира, проработавшего при Дворе полвека, обе его уже овдовевшие дочери – Розалия Дютель и Луиза Кабо подали прошение в Кабинет, что дом, «оставшийся нам в наследство, до того обременен частными долгами, что за удовлетворением оных, нам с многочисленными семействами нашими не остается никаких средств к существованию». Через три месяца скорбящим родственникам выдали 600 рублей серебром, но, как тогда было заведено, 10 % суммы удержали «в пользу инвалидов» [344] .

Дело в том, что, изыскивая источники поступления денег на «пособие изувеченным в Отечественную войну Генералам, Штаб и Обер-офицерам», граф А.А. Аракчеев предложил целый доклад, а Александр I его утвердил 23 марта 1816 года с резолюцией «Быть по сему», и там оговаривалось, что при пожаловании медалей следовало взимать: «За медаль с бриллиантами 500 рублей, за золотую на голубой ленте (Андреевской. – Л. К.) 200, на Александровской и Владимирской 150, на Аннинской 100, а за серебряную по 25 рублей... но заграничные иностранцы от платежа сего изъемяются». Что же касалось «бриллиантовых и других вещей», жалующихся императором, то единовременный вычет составлял: «С бриллиантовых знаков ордена Святого Андрея по 2000 рублей, ордена Святого Александра Невского 1500, ордена Святыя Анны 1-го класса 500 и второго класса 100 рублей. С прочих же вещей и подарков, в чем бы они не стояли, десять процентов по Кабинетной оценке, исключая, однако, из сего вещи, ценою ниже трех сот рублей» [345] .

Поскольку к началу 1826 года сумма оценки подарочных вещей, имевшихся «на диспозицию», достигла 2 228 282 рублей, Николай I указом от 31 августа отменил положение Александра I, «находя, что капитал для увечных воинов составлен уже довольно значительный», и повелел «не делать никаких вычетов и со всех бриллиантовых, золотых и пр. вещей, жалуемых нами из Кабинета, до какой бы цены оные не простирались» [346]. Однако вскоре пришлось из-за финансовых трудностей вернуться к прежней системе отчислений.

Готфрид (Готтфрид-Эренфрид) Мерц

Дополнительно же введенное, столь престижное вакантное место оценщика Кабинета занял то ли сын, то ли просто однофамилец Кристофа-Фридриха фон Мерца. Готфрид-Эренфрид Мерц был хорошим ювелиром, создававшим по заказам Двора бесчисленные орденские и фрейлинские знаки, фермуары, различное оружие с 1808 года вплоть до своей кончины 9 марта 1823 года. По повелению Александра I, мастер исполнил в июне 1812 года знак инвеституры для хана «Куринской области Аслан Бека» – булатную саблю с золотым эфесом, украшенную изумрудами, гранатами и аметистами» [347].

Именно «ювелиру Мерцу» доверили сделать для приданого великой княжны Анны Павловны золотые вещи: церковную утварь, а также кофейный и чайный прибор. Больше года работал мастер над ответственным заказом, на который ушло двадцать четыре килограмма благородного металла 82-й пробы, что, правда, чуть меньше общепринятой 84-й (современной 875-й). Львиную долю его ювелир получил от Кабинета, однако пришлось и от себя добавить почти 3,5 кг. При работе на угар пошло полтора килограмма золота. За свой счет Мерцу пришлось приобрести у петербургских мастеров нужные эмалевые иконки и футляры. Наконец все было готово, и 11 сентября 1811 года ювелир представил в Кабинет евангелие в золотом кованом переплете, крест и потир, украшенные финифтяными образами, а также входящие в литургический набор дискос со звездой, две тарелочки, ложечка и рукоятка, куда позже вставили стальное копьцо. Блистал великолепием и сервиз для чая и кофе: пленяли красотой не только кофейник, чайник, сахарница и молочник, располагавшиеся на поддонах, но и большой поднос «с лебедиными из золота ручками». Не забыты были и лоток для хлеба, щипцы для сахара, две чайные ложечки, а также полоскательная чаша. Все вещи красиво размещались в гнездышках пяти футляров, снаружи обтянутых красным сафьяном, а внутри – зеленым бархатом. Заказчики были довольны. К тому же Готфрид Мерц не запросил за свою работу лишнего, взяв лишь по пять рублей за золотник металла, и в итоге ему выплатили 46 789 рублей 07 копеек [348].

И.А. Мерц

На должности оценщика Кабинета Готфрида-Эренфрида Мерца сменил Кристоф-Андреас Рёмплер. Впоследствии потомки обоих ювелиров породнились. И.А. Мерц с 1872 по 1881 годы владел дачей «вдовы Софии Ян» на Каменном острове, а потом уступил ее племяннику прежней хозяйки, Густаву-Карлу Болину [349] .

Кристоф-Андреас (Андрей Григорьев) Рёмплер

Бриллиантовых дел мастер Кристоф-Андреас Рёмплер приехал в Петербург из родной Саксонии в 1790 году, однако отнюдь не сразу поступил на должность оценщика Кабинета, притом он никогда не имел звания придворного ювелира императоров Павла I и Александра I. Членом столичного иностранного цеха саксонцев стал с 1793 года [350] , а поскольку дела мастера шли хорошо, он, согласно объявленному капиталу, числился с 1802 года «по третьей гильдии» [351] . В 1797 году Рёмплер купил у наследников тестя – портного Асмуса Шелля (Шелля) одноэтажный дом с мезонином, выходящий фасадом в двадцать одно окно на площадь у Синего моста. (Ныне на это участке, по адресу: Исаакиевская площадь, 13, возвышается построенное в 1840-х годах по проекту Н.Е. Ефимова здание, где размещалось Министерство государственных имуществ, а с 1924 года – Институт прикладной ботаники и новых культур, основанный академиком Н.И. Вавиловым) [352] .

В 1809 году «бриллиантовых дел мастер Андрей Григорьев Рёмплер» вместе с женой Анной-Геразелиной и двумя дочерьми Софией и Луизой принял «вечное России подданство», а через год на свет появилась еще одна девочка – Катерина-Эрнестина. В 1813 году родилась последняя дочь, скончавшаяся подростком и захороненная на семейном месте Рёмплеров на Волковском лютеранском кладбище [353].

Лишь в 1823 году, как только «Андрей Григорьев сын Рёмплер», ювелир и купец третьей гильдии, «известился» о смерти Готфрида-Эренфрида Мерца и об освободившейся престижной вакансии, он решил попытать счастья и, не откладывая, написал прошение на Высочайшее имя, где указал, что «имея познания в драгоценных камнях, делать им по достоинству их оценку и производить работу бриллиантовых и золотых вещей, желаю вступить в службу в Кабинет Вашего Величества» [354].

Чиновники сего ведомства посчитали Андрея Рёмплера достойным высокой чести стать придворным оценщиком. Теперь ювелиру доверяли весьма ответственные заказы.

14 марта 1826 года закончился трехмесячный траур по усопшему императору Александру I. По распоряжению Сената срочно меняли прежние императорские шифры на военных мундирах, придворных каретах и ливреях на вензель нового самодержца Николая Павловича.

Поскольку лишь Печальная процессия по торжественному церемониалу погребения отошедшего в вечность властелина обошлась казне в 829 402 рубля 40,3 копейки, то Николай I повелел переплавить послужившие пышным декором как серебряные ткани-«гасы», так и дополнявшие их драгоценные мишуру и бахрому. К полученному таким образом серебру добавили десять пудов олова, чтобы отлить колокол с памятной надписью для вклада в Валаамский монастырь. Оставшиеся же неиспользованными материалы без всякого сожаления продали.

Теперь оставалось после завершения траурных ритуалов вернуть в Москву к грядущей коронации регалии и ордена, на первых порах отвезенные «с той же почестью» в Зимний дворец. Но, о ужас! Среди бриллиантов бесценной Большой императорской короны неожиданно обнаружилось пустое гнездо. К счастью, Филиппен Дюваль, придворный ювелир императрицы-матери, быстро восполнил потерянный алмаз. А через несколько месяцев Вильгельм Кейбель окончательно подогнал венец к возложению его на голову преемника Александра I при священной церемонии в Успенском соборе.

Однако утраты коснулись и Казанской шапки: мало того, что из нее выпал большой овальный изумруд, но с красавцем-смарагдом куда-то пропали две крупные жемчужины и один серебряный штифт. Пришлось прибегнуть к помощи Андрея Рёмплера. Вскоре тот столь успешно провел реставрацию символа владения русскими государями Казанским царством, что на вещи, сделанной два с половиной столетия назад, почти не видны остались следы вмешательства рук искусника [355].

А с 23 января 1827 года именно придворным оценщикам Иоганну-Фридриху Яннашу и Андре(асу) Рёмплеру доверили оценку бриллиантовых вещей покойной императрицы Елизаветы Алексеевны. Дело оказалось весьма ответственным, ибо супруга Александра I пожелала, чтобы принадлежавшие ей драгоценности после ее кончины продали, а вырученные деньги пущены на расходы по содержанию в Петербурге Патриотического института и Дома Трудолюбия, состоявших под покровительством сей августейшей благотворительницы. Теперь эти воспитательно-учебные учреждения перешли к императрице Александре Феодоровне. Николай I распорядился передать бриллианты усопшей в 1826 году невестки в ведающий имуществом царской семьи Кабинет Его Величества и «по мере употребления оных» направлять полученные суммы оттуда в ведомство, курируемое обожаемой женой самодержца, занимавшего теперь российский престол. Поэтому-то нельзя было ни занижить, ни завесить оценку стоимости драгоценностей Елизаветы Алексеевны. В противном случае либо уменьшались бы суммы, идущие на благотворительность, либо страдал от недополученных финансов Кабинет. Но ювелиры прекрасно справились с важным поручением и, гордые результатом, поставили

свои имена: J. Jannasch и André Roempler под описями оценки перечисленных в этих перечнях бриллиантовых украшений [356].

Магазин придворного оценщика Рёмплера процветал, считаясь, как впоследствии утверждали его потомки, лучшим в Северной Пальмире, а счастье старому «бриллиантщику» принесли его дочери, удачно выданные замуж. Если Луиза стала женой чиновника Шерцера, то обе другие предпочли взять в мужья ювелиров.

После смерти Андрея Рёмплера, скончавшегося 26 апреля 1829 года, как дело покойного, так и должность оценщика Кабинета Его Величества унаследовал его зять Готтлиб-Эрнст Ян, женатый на Софии. С 1831 года к Яну присоединился уроженец Стокгольма Карл-Эдуард Болин. Тому в 1834 году посчастливилось получить руку Катерины-Эрнестины Рёмплер, и таким образом компаньоны фирмы «Болин и Ян» стали свояками [357].

Потомки Карла-Эдуарда Болина успешно продолжали дело отца на протяжении всего XIX века, но начало своей ювелирной династии, одной из самых известнейших в Петербурге, все-таки предпочитали отсчитывать именно от саксонца Кристофа-Андреаса Рёмплера, которого на русский манер предпочитали называть на новой родине «Андреем Григорьевичем».

Заключение

Уходила в прошлое эпоха царствования Александра I. Сколько надежд на благоприятные изменения в обществе связывалось с восшествием на престол любимого внука Екатерины II. Воспитанник Лагарпа был полон искреннего желания многое преобразовать в соответствии с духом времени, считая, что только «либеральные начала одни могут служить основою счастья народов». Он дал конституцию Царству Польскому, но не смог то же осуществить в России. Государь мечтал покончить с крепостным правом: прекратил раздачу государственных крестьян, разрешил помещикам отпускать на волю своих крепостных, но смог лишь прибалтийских крестьян наделить личной свободой. Планы прогрессивных реформ общественного строя и государственного управления, разработанные проникательным Михаилом Михайловичем Сперанским, так и не осуществились из-за непрерывных войн. В 1824 году царь пожаловался одному из своих собеседников: «Когда подумаю, как мало ещё сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце, как десятипудовая гиря» [358].

Пожар Москвы сделал самодержца покорным воле Провидения. Казалось бы, установлен Божьим Промыслом мир в Европе, освобождённой в кровопролитных сражениях от «тирана и узурпатора» Наполеона Бонапарта. Однако коварные «союзники» по Священному союзу монархов предательски и исподтишка изощрялись в попытках лишения России в нём первенствующей роли.

Многие русские дворяне, особенно молодёжь, превыше всего ценившие свою честь, безупречное достоинство и истинное благородство поступков, всерьёз придерживались идеалистических лозунгов Французской революции 1789 года «Свобода, равенство и братство» и, не желая долго ждать их осуществления, торопили прогрессивные переустройства на Родине. Однако не случайно Александр I сказал ближайшему сподвижнику Иллариону Васильевичу Васильчикову в ответ на сообщение о политическом

заговоре и конкретных заговорщиках и на совет о принятии энергичных мер: «Вы, который мне служащий с самого начала моего царствования, сами знаете, что я в юности это ошибочное мышление разделял. Не мне карать!» [359] . Резолюцию: «Не мне карать» начертал император Александр Павлович в 1821 году на обстоятельном списке будущих крамольных участников декабрьского восстания на Сенатской площади, поданном Александром Христофоровичем Бенкендорфом, начальником Штаба Гвардейского корпуса. Мало того, что государь отправил «под сукно» эту кляузную бумагу (кстати, по ней после провала бунта 1825 года начались аресты), но и лишил доносчика без объяснения причин занимаемой должности, отправив подальше командовать 1-й кирасирской дивизией.

При императоре Николае Павловиче, тот же Бенкендорф стал шефом жандармов, а за недонесение о крамольных высказываниях, теперь считавшихся преступлением, стали жестоко карать. Наступали новые времена.

И, может быть, отнюдь не случайно Александр Сергеевич Пушкин, считавший в дни своей юности Александра I «кочующим деспотом», в 1833 году написал поэму «Анджело», предваряющуюся строками о добром правителе. Дук, для «народа своего отец чадолюбивый, / Друг мира, истины, художеств и наук», наделил всеми правами власти избранного им преемника, ибо «хотел восстановить порядок упущенный; / Но как? Зло явное, терпимое давно, / Молчанием суда уже дозволено, И вдруг его казнить совсем несправедливо / И странно было бы – тому же особливо, / Кто первый сам его потворством ободрял. Что делать? Долго Дук терпел и размышлял; / Размыслив наконец, решился он на время / Предать иным рукам верховной власти бремя, / Чтоб новый властелин расправой новой мог / Порядок вдруг завести и был бы крут и строг».

Иллюстрации

Илл. 1. Франц Франк. Колодка с орденами и медалями Александра I. 1815 г.

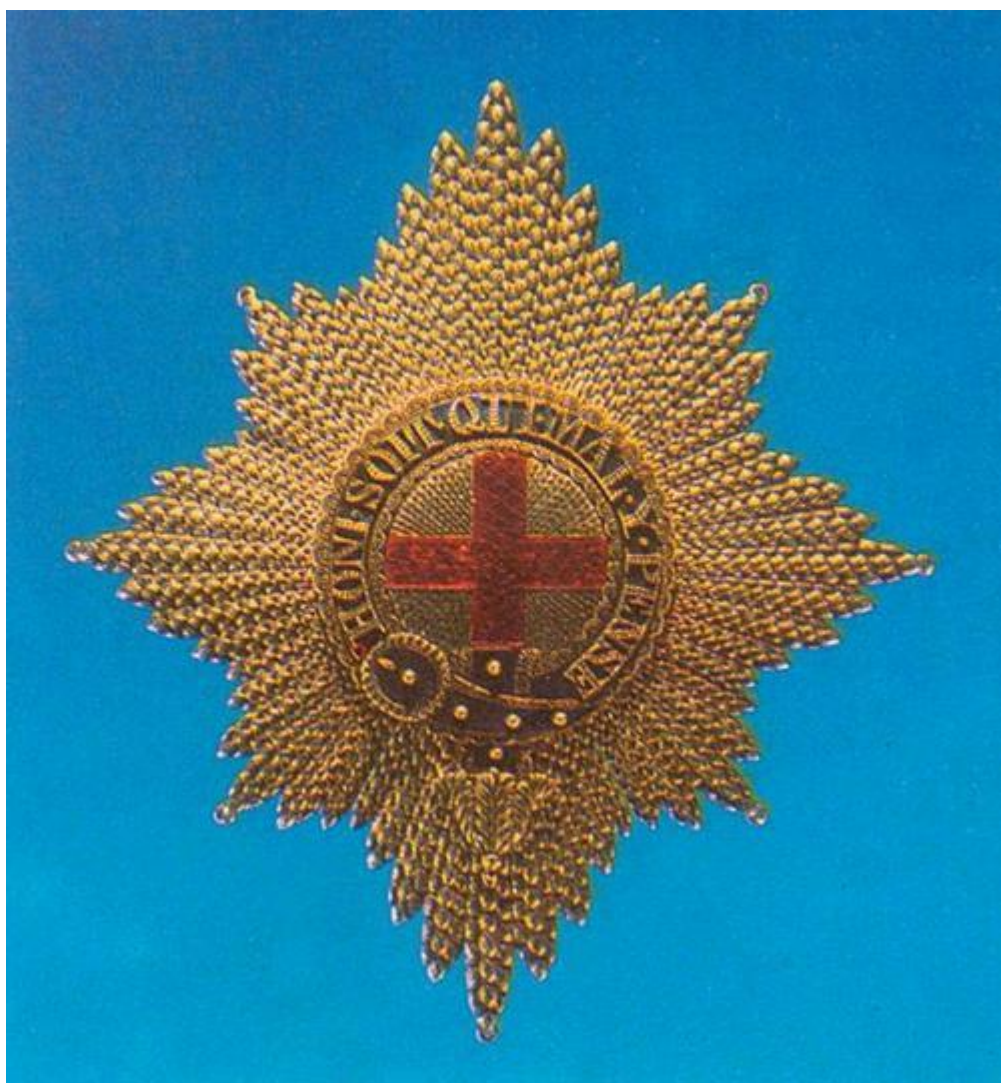

Илл. 2. Крест и брошь шведского военного ордена Меча I класса

Илл. 3. Лента английского ордена Подвязки

Илл. 4. Звезда английского ордена Подвязки

Илл. 5. Франц Франк. Звезда прусского ордена Чёрного Орла, соединенная со знаком английского ордена Подвязки, принадлежавшая Александру I

Илл. 6. Франц Франк. Звезда русского ордена Святого апостола Андрея Первозванного, соединенная со знаком английского ордена Подвязки, принадлежавшая Александру I

Илл. 7. Георг-Фридрих По́мо. Солонка – подарок петербургского купечества Александру I на коронацию. 1801 г.

Илл. 8. Фёдор (Фридрих-Йозеф) Кольб. Блюдо, поднесенное Александру I от Таганрогского Греческого общества. 1817 г.

*Илл. 9. Павел (Пауль-Магнус) Теннер. Письменный прибор императора Александра I.
Начало 1800-х гг.*

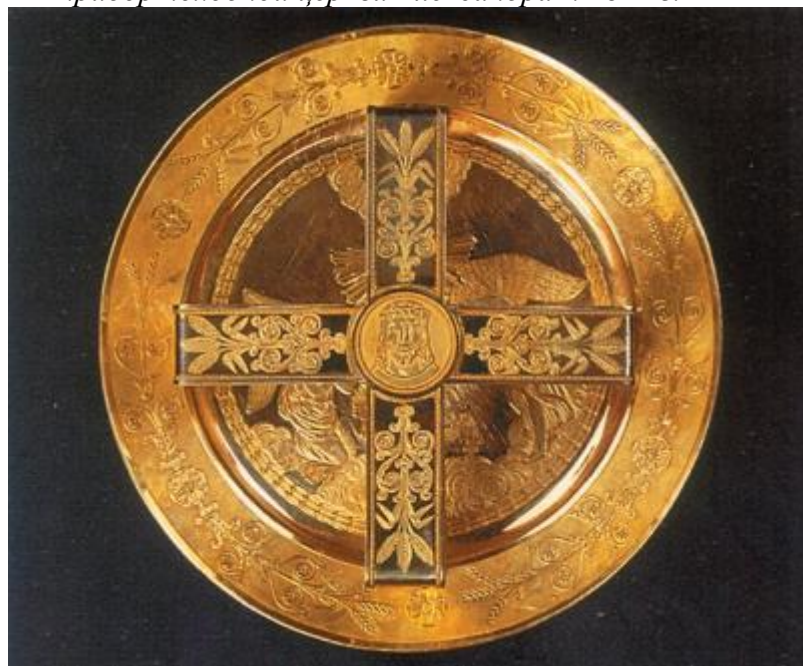
Илл. 10. Павел (Пауль-Магнус) Теннер. Кубок, поднесенный офицерами I корпуса финляндской армии графу Павлу Андреевичу Шувалову, командиру Северного отряда. 1809 г.

Илл. 11. Павел (Пауль-Магнус) Теннер, Иоганн-Вильгельм Людвиг, по проекту Франца Ивановича (Жана-Франца Ксавье) Гаттенбергера. Колонна с бюстом генерал-лейтенанта графа Николая Михайловича Каменского, подаренная офицерами Умеоского корпуса своему военачальнику, главнокомандующему русской армией в войне со шведами 1808–1809 гг. 1810 г.

Илл. 12. Аксель Гедлунд (Гедлюнд), по рисункам А.Н. Воронихина. Литургический прибор походной церкви Александра I. 1812 г.

Илл. 13. Мартен-Гийом Бьенне, по эскизам Шарля Персье. Прибор для причастия – вклад императора Александра I в Казанский собор. Париж, 1814 г.

Илл. 14. Триумфальный лавровый венок, поднесенный в Германии императору Александру I – Освободителю Европы

Илл. 15. Яков Дюваль. Диадема с розовым бриллиантом императрицы Марии Феодоровны. 1797–1801 гг.

Илл. 16. Яков Дюваль. Бриллиантовая лучистая диадема. 1803 г.

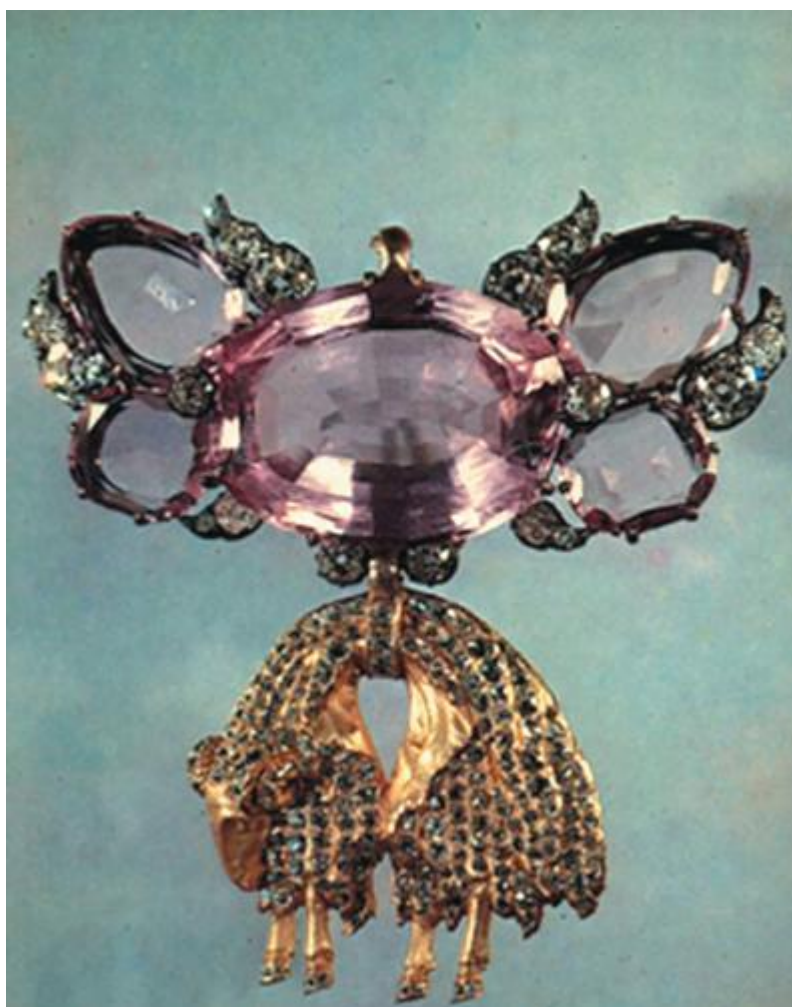
Илл. 17. Яков Дюваль. Сапфировая диадема с бриллиантами императрицы Марии Феодоровны. 1797–1801 гг.

Илл. 18. Яков Дюваль. Черен для пера с алмазами и изумрудами. Около 1808 г.

*Илл. 19. Яков Дюваль (?). Голубой бриллиант в булавке (слева). (Первые годы XIX в.)
Яков Дюваль. Розовый бриллиант в булавке (1801–1803 гг.)*

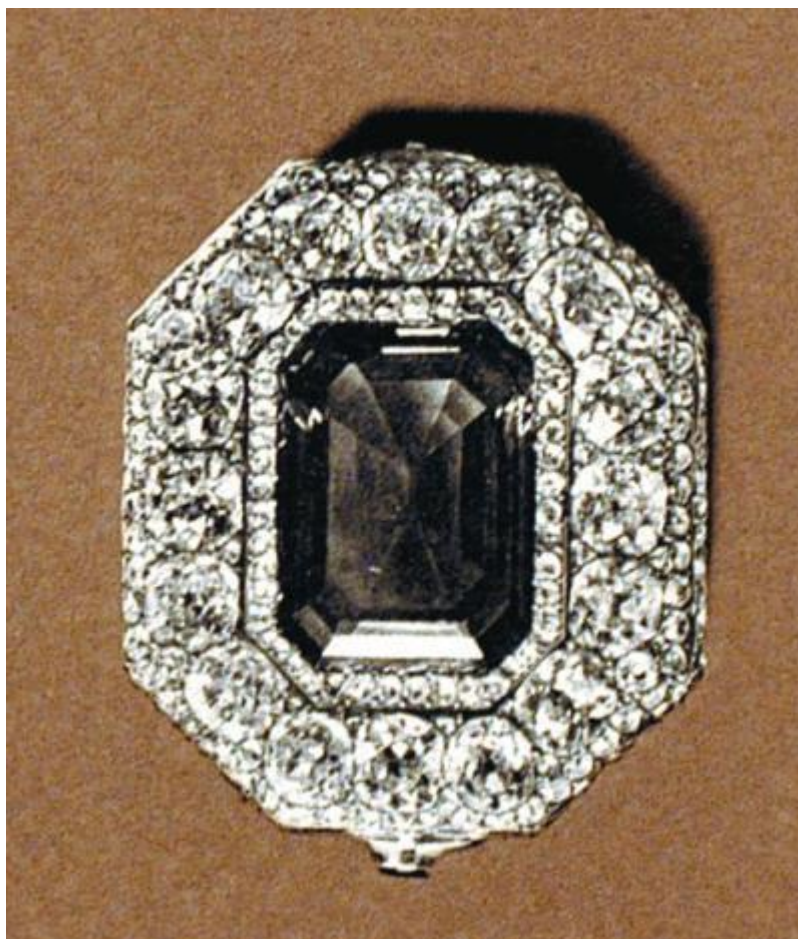

*Илл. 20. Франсуа Дюваль, Луи Дюваль (?), Жан-Франц Лубье (?). Испанский орден
Золотого Руна с бриллиантами и жжеными топазами, принадлежавший императору
Александру I. 1814 г.*

Илл. 21. Франсуа Дюваль. Бриллиантовые серьги-вишенки императрицы Марии Феодоровны. Около 1810 г.

Илл. 22. Яков Дюваль. Фермуар с бразильским топазом (ранее считавшийся шпинелью) и бриллиантами, подаренный Павлом I своей супруге. 1797–1801 гг.

Илл. 23. Франсуа Дюваль. Брошь с желтовато-зеленым бериллом и алмазами. 1808 г.

Илл. 24. Франсуа Дюваль. «Медальон из большого и отменного бразильского аквамарина, осыпанный мелкими бриллиантами в виде цепи». 1810 г.

Илл. 25. Франсуа Дюваль, Жан-Франсуа Лубье. Диадема из бриллиантовых колосьев с лейкосапфиром императрицы Марии Феодоровны. 1808 г.

Илл. 26. Виктор Владимирович Николаев, Геннадий Фёдорович Алексахин. Диадема Русское поле. 1980 г.

Илл. 27. Франсуа Дюваль, Жан-Франсуа Дюваль, Жан-Пьер Лубье. Бриллиантовое колье-«франж». Первое десятилетие XIX в.

Илл. 28. А. Филиппен Дюваль (или Вильгельм Классен). Табакерка с портретом вдовствующей императрицы Марии Феодоровны и акрограммой из камней MICHEL. 1819 г.

Илл. 29. Браслеты с акрограммами из камней, подаренные Наполеоном Бонапартом его второй супруге Марии-Луизе Австрийской. 1810–1812 гг.

Илл. 30. Томас Филлипс. Генерал от кавалерии граф М.И. Платов – атаман Войска Донского. 1814 г. (На шапке – «бриллиантовое перо с вензловым Его Императорского Величества именем и лаврами», пожалованное атаману по указу Александра I)

Илл. 31. Джордж Доу. Император Александр I. 1820-е гг.

Примечания

1

Страхов Н.Н. Переписка Моды... М., 1791. № 8. С. 37–38. Цит. по: *Забозлаева Т.Е.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: Словарь. История. Терминология. Предметный мир. СПб., 2003. С. 373. (Далее – Забозлаева).

2

Фёлькерзам А. Ювелирные изделия времен Александра I // *Старые годы.* 1908. Июль – сентябрь. С. 539; Берлинское художественное литье из чугуна первой половины XIX века из Музея прикладного искусства в Берлине: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Л., 1976; *Уткин П.И.* Русские ювелирные украшения из цветного и черного металла второй половины XVIII – начала XIX века // *Труды НИИХП.* 1967. № 4; *Тараканова Е.С., Полярная*

Ж. А. Необычные художественные изделия из чугуна в коллекции Горного музея // Курьез в искусстве и искусство курьеза: Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 403–407; *Полилов-Северцев ЕТ.* Наши деды-купцы. СПб., 1907. С. 189. Цит. по: *Забозлаева...* С. 330.

3

Вигель, Филипп Филиппович. Записки. М., 2000. С. 113. (Далее – Вигель).

4

Вигель. С. 123–124.

5

Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801. С приложением писем ее к княгине Куракиной. СПб., 2004. С. 106–108; *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. В 4-х тт. Т. III и IV. М., СПб., 2001. С. 257.

6

Великая княжна Ольга Николаевна. Сон юности: Воспоминания. 1823–1846 // Николай I. Муж, отец, император: Русские мемуары. М., 2000. С. 176–177 (далее – Сон юности).

7

Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3915. Л. 213–215: Опись приданого Александры Павловны (сапфировая диадема в составе сапфирового убора – л. 215); *Кузнецова Л.К.* К вопросу об атрибуции группы ювелирных изделий конца XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа // Проблемы развития русского искусства: Тематический сборник научных трудов Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Вып. XI. Л., 1979. С. 22–35; *Кузнецова Л.К.* Тресила-цитернадели, дофины-перешники и цветки // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников семнадцатого коллоквиума (14–18 апреля 2009 г.) семинара Государственного Эрмитажа. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 69–74; *Краевский А.* Диадемы российских императриц, европейская мода XVIII – начала XX в. и национальные традиции // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников восемнадцатого коллоквиума семинара Государственного Эрмитажа (19–23 апреля 2010 г.). СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 38.

8

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4041. Л. 57, 57 об.; Ф. 789. Оп. 1. Д. 198. Л. 32 об.

9

Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 161; Цит. по: *Забозлаева...* С. 408.

10

Фёлькерзам А. Ювелирные украшения времен Александра I // Старые годы. 1908. Июль – сентябрь. С. 541; *Кузнецова Л.К.* О «колье Екатерины II» // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников XV коллоквиума (10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 43–45; *Кузнецова Л.К.* Бантик и нитка, или «колье Екатерины II» // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: Материалы XII научной конференции 22–24 ноября 2006 года. М.: Издание Объединения Магнум Арте, 2009. С. 226–235.

11

Записки Александры Осиповны Смирновой (Россет) // Русский Архив. 1895. Кн. 2. С. 25.

12

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3921. Л. 441; Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 47; Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марьи Сергеевны Николаевой // Русский Архив. 1893. Кн. 3. С. 159.

13

Цит. по: *Забозлаева...* С. 408.

14

Фелькерзам А.В. Ювелирные изделия времен Александра I // *Старые годы*. 1908. Июль – сентябрь. С. 529–546; Кабинет Аспазии. Альманах на 1815 г. // *Памяти прошлого: Статьи и заметки*. СПб., 1914. С. 148–149; *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996. С. 23. (Далее – Бидерманн); *Nouveau Larousse illustré: Dictionnaire universel encyclopédique publié sous la direction de Claude Augé*. Т. 1–9. Paris. Т. 7. P. 561; *Лаврентьева Е.* Светский этикет пушкинской поры. М., 1999. С. 323.

15

Соколов Д.Н. Светский человек, или Руководство к познанию правил общежития. СПб., 1847. С. 132–143. Цит. по: *Лаврентьева*, Светский этикет пушкинской поры. С. 332, а также С. 266–267.

16

Письмо Якова Ивановича Булгакова к сыну из Москвы, от 3 июля 1805 года // Из писем Я.И. Булгакова к старшему его сыну Александру Яковлевичу из Москвы в Неаполь // *Русский Архив*. 1898. Кн. 2. С. 52; Письма Марты Вильмот. 1803–1805 гг. // *Записки кн. Дашковой*. Письма сестер Вильмот из России. 2-е изд. М., 1991. С. 278. (Далее – Письма сестер Вильмот).

17

Бретон Ги. Истории любви в истории Франции. Кн. 4. Т. 7. Наполеон и женщины. М., 1994. С. 43.

18

Из писем Я.И. Булгакова к младшему его сыну Константину Яковлевичу. Письмо из Москвы от 5 июня 1805 года // *Русский Архив*. 1898. Т. 1. С. 208.

19

Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марьи Сергеевны Николевой, с. 159; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 523, 523 об.; Д. 4041. Л. 381, 381 об. и пр.

20

Вигель... С. 124.

21

Полилов-Северцев Г.Т. Наши деды-купцы. СПб., 1907. С. 186. Цит. по: *Забозлаева Т.Е.* С. 329.

22

Письма сестер Вильмот... С. 257.

23

Там же. С. 285; *Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 1897. С. 34, 35.

24

Письма сестер Вильмот... С. 257.

25

Там же. С. 464.

26

Там же. С. 258.

27

Молчанов А.П. Из английской исторической литературы в России. III. Лорд Блумфильд в гостях у Александра I // *Исторический вестник*. 1887. Июнь. С. 183–184.

28

Трачевский А.С. Сталь в России // *Исторический вестник*. 1894. Апрель. С. 182; 1812 год. Баронесса де Сталь в России // *Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев*. Л., 1991. С. 27.

29

Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. С. 659.

30

Жихарев С.П. Записки современника. В 2-х тт. Т. 2. Ч. 2. Дневник чиновника. Л., 1989. С. 90.

31

Семевский М.Н. Семейство Монсов. 1688–1724: Очерк из русской истории. СПб., 1862. С. 58 (Изыяснение различных перстней по записным книжкам Виллима Монса).

32

История моей жизни. Рассказ бывшего крепостного крестьянина Н.Н. Шипова // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 142, 443; *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: роман в стихах. Гл. 1, строфы XXV, XXVI, а также XVII (о брегете); Воспоминания Ю(рия) К(арловича) Арнольда, 1-Х // Русский архив. 1891. Т. II. № 7. С. 331–334; Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской (урожд. Бибиковой) // Исторический вестник. 1898. Т. 74. Ноябрь. С. 555.

33

Местр, граф Жозеф де. Петербургские письма 1803–1817 / Составление, перевод и предисловие Д.В. Соловьева (серия «Свидетели истории»). СПб., 1995. С. 24. Письмо № 2 неизвестному графу от 17 (29) июля 1803 года; *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 144. Серия «История в лицах».

34

Из записок П.Ф. Карабанова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 288, № 184; *Долгов С.О.* Сто лет назад. Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Октябрь. С. 13; Письмо № 69 от 15 октября 1812 г. Опасения, что Наполеон после пребывания в захваченной Москве пойдет на Петербург, были отнюдь не беспочвенны. См.: *Тимощук В.* Наполеон на острове Св. Елены // Русская старина. 1912. Январь. С. 128.

35

«Quai-je besoin de diamants et que voulez-vous que jen fasse? J'ai tant perdu avec l'Empereur! Une simple robe me suffit, j'ai un si grand entretien sans cela» // Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1826-й год // Русский Архив. 1901. Кн. 2. С. 385 (письмо А.Я. Булгакова от 13 мая 1826 г. из Москвы).

36

Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны // Русская старина. 1875. Т. 13. С. 16.

37

Жихарев С.П. Записки современника. В 2-х тт. Т. 1. Ч. 1. Записки студента. Л., 1989. С. 167, 172.

38

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 60, 162–162 об., 181–181 об., 183, 218–222, 278–279 об.; Оп. 5. Д. 186. Л. 8 об, 9.

39

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 60–61; Д. 4038. Л. 323.

40

Юферов Д.В. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. М., 1925. С. 17; *Кучумов А.М.* Из неопубликованных материалов к биографии архитектора Винченцо Бренны. 1965 г. // *Кучумов А.М.* Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 221–231. (Серия «Павловский дворец: История и судьбы»); *Шелковников Б.А.* Русское художественное стекло. Л., 1969. С. 127–128; РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 1. Л. 124, 238. О Батениных Ф.С. и П.С. см.: *Багдасарова И.Р.* Фарфор заводов Батенина и братьев Корниловых // Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет: Иллюстрированная энциклопедия. Т. 3. СПб., 2009. С. 173–174.

41

Фелькерзам А.Е. Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и пр. 1714–1814 / Приложение к журналу «Старые годы».

СПб., 1907. С. 36. (Далее – Алфавит); *Bäcksbacka L.* St. Petersburgs juvelerare, guld och silversmeder. 1714–1870. Helsingfors, 1951. S. 380. (Далее – *Bäcksbacka*); *Лопато М.Н.* Ювелиры старого Петербурга. СПб., 2004. С. 55; «Санкт-Петербургские ведомости» от 2 июля 1792 года.

42

Бройтман Л.И., Краснова Е.И. Большая Морская улица. СПб., 1996. С. 83. (Далее – Бройтман – Краснова, Большая Морская).

43

Фелькерзам А.Е. Описи серебра Двора Его Императорского Величества. В 2-х т. СПб., 1907. Т. 1. С. 86. (Далее – Фелькерзам, Описи серебра).

44

Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М.; СПб., 2009. С. 137. (Далее – Кузнецова, Век восемнадцатый).

45

Алфавит. С. 27; *Bäcksbacka*. S. 387; *Bruel F.-L.* Les orfèvres français à Saint-Pétersbourg de 1714 a 1814 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'art français. Paris, 1908. P. 53. (Далее – Bruel); РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 1. Л. 238; Д. 2. Л. 87.

46

Алфавит. С. 19; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4046. Л. 250, 397 об.; Д. 3923. Л. 310 об., 823; Описание жизни Николая II. Цилова // Русский Архив. 1907. Кн. 2. С. 484–487.

47

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 163.

48

Алфавит. С. 8; *Bäcksbacka*. S. 393.

49

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 53, 53 об.; Алфавит. С. 38; *Bruel*. P. 57; *Bäcksbacka*. S. 77.

50

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 124 об.; Алфавит. С. 42; *Bäcksbacka*... S. 398.

51

Алфавит. С. 43–44; *Bäcksbacka*. S. 85, 86; РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 39.

52

Алфавит. С. 56; *Bäcksbacka*. S. 83; *Гаврилова Л.М., Левин С.С.* Европейские ордена в России. Конец XVIII – начало XX века. Из собраний Музеев Московского Кремля и Государственного Исторического музея. Приложение. М., 2007. С. 8, 57. (Далее – *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена...).

53

Благодарю за это указание Нину Ивановну Тарасову, хранителя Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

54

Шевелева Е.Н. Ордена Александра I: Из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 1993. (Далее – Шевелева); Александр I – «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 69 (илл.), 306; № 778, аннотация Т.Н. Ильиной, ВИМАИВиВС, инв. № 20/2356. (Далее – Александр I – «Сфинкс...»).

55

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... Приложение. С. 8 (ссылка 7 на РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 505. Л. 175, 203, 333, 423).

56

Шевелева, С. 15. Илл., крайний справа (для зрителя – слева) крест: золото, эмаль, диаметр 27,6 мм.

57

Н.Ч. Куракин, князь Александр Борисович. 1752–1818 // Русский биографический словарь / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 564. (Далее: Русский биографический словарь); См.: Описи орденов, разных вещей и драгоценностей императора Павла 1-го, с распределением их по смерти императора, в 1801 году, разным лицам // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 2 (апрель – июнь). V. Смесь. С. 96 (Опись казенным бриллиантовым вещам, хранящимся в гардеробе блаженной памяти Государя Императора. <...> Разным особам: № 1. Орден Прусский, к оному звезда бриллиантовая. По силе завещания покойного Государя, 14 и 15 статей, Вице-Канцлеру Князю Куракину), 99 (Описание бриллиантовых и прочих вещей, находящихся в гардеробе блаженной памяти Государя Императора Павла Петровича, № 10. Орден Прусский бриллиантовый, № 11. Звезда бриллиантовая к ордену Прусскому. Князю Алексею Борисовичу Куракину).

Алексеевский Б. Прозоровский, князь Александр Александрович, генерал-фельдмаршал (с 30 августа 1807 года). 1732–1809 // Русский биографический словарь. Т. Притвиц-Рейс. СПб., 1910. С. 9; *Талберг Ф.А., Подгорная Н.Н.* Кавалеры императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769–1916). Рига, 1993. С. 92–93. № 12. (Далее: *Талберг – Подгорная* .)

58

Шильдер Н. Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. Аарон – Император Александр II. СПб., 1896. С. 204. (Далее: *Шильдер*, Александр I.)

59

Федорченко В.И. Свита российских императоров. В 2-х кн. Кн. 1. А – Л. М.; Красноярск, 2005. С. 104 (Далее – *Федорченко*; Свита...); Сто лет тому назад. Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская Старина. 1912. Июнь. С. 604 (Письмо 41 из Санкт-Петербурга, от 21 мая 1812 года); *Адрианов С.* Беннигсен, Леонтий Леонтьевич (Левин-Август-Теофил), барон, затем граф. 1745–1826 // Русский биографический словарь. Т. П. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 700–712; Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. С. 118–121 (из записок графа Бенигсена), 142–145 (из записок графа Ланжерона), 164–167 (из записок Фонвизина), 225–228 (записки князя Адама Чарторыйского), 250–252 (записки барона Гейкинга), 333–337 (записки Августа Коцебу).

60

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 40, 43–44.

61

Талбер – Подгорная, С. 36–47, № 10–15; *Можейко И.* Награды. М., 1998. С. 86–87.

62

Шильдер Н. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. В 2-х кн. (Серия «Актуальная история России». Цикл «Императоры России»). Кн. 1. М., 1996. С. 41. (Далее – *Шильдер*, Николай I).

63

Шевелева. С. 8, 7.

64

Пс. 113, ст. 9; *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. 3-е изд. М., 1995. С. 286. (Далее – *Похлебкин*).

65

Александр I – «Сфинкс...». С. 199 (илл.), 306; № 780, Государственный Эрмитаж, аннотация М.А. Добровольской; *Шевелева*. С. 15, илл. (№ 2 – вторая слева для зрителя): серебро, диаметр 24 мм.

66

Можейко, Награды... С. 123–124; *Ильина Т.Н.* Награды Павловичей (основание орденой коллекции ВИМАИВиВС по документам РГИА и архива музея) // XIII

Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г., ГМИИ им. А.С. Пушкина: Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 168.

67

Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа: Энциклопедия. М., 1999. С. 547–548.

68

Шевелева, С. 15 (№ 3), 23: золото, эмаль, шелк, диаметр 30 мм, ВИМАИВиВС, инв. № 20/2356-3; *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... С. 56; *Спасский*. Иностранные и русские ордена до 1917 года. С. 66.

69

Шевелева, С. 7, 15 (№ 4), 20–21: металл, серебро, диаметр 40 мм, ВИМАИВиВС, инв. № 20/559; *Гаврилова Л.М.* Державные кавалеры. Иностранные ордена российских императоров: Каталог выставки в музеях Московского Кремля 26 октября 2010 года – 9 марта 2011 года. М., 2010. С. 56 (Далее – *Гаврилова, Державные кавалеры*); *Спасский*. Иностранные и русские ордена до 1917 года. С. 86; *Похлебкин*. С. 148–149, 399; *Гришков В.* Флора: Легенды. Символы. Атрибуты: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 52–56

70

Шевелева, С. 15(№ 6), 23: золото, эмаль, диаметр 27 мм. ВИМАИВиВС, инв. № 20/3266; *Похлебкин*. С. 399.

71

Шевелева, С. 15 (№ 7), 21: бронза, диаметр 23 мм. ВИМАИВиВС, инв. № 20/2356.

72

Гаврилова, Державные кавалеры. С. 19, 21, 238 (примечание 8).

73

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... С. 224.

74

Шевелева, С. 15 (№ 5), 22: золото, эмаль, диаметр 32,5 мм, высота с короной и кольцом 83 мм. ВИМАИВиВС, инв. № 20/2368.

75

Олауссон, Магнус. Семейные связи, родство и политика. Новая династия на шведском троне // От войны к миру. Россия – Швеция. XVIII век: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 28 апреля–12 сентября 1999 года. Т. 1. Династии и монархи. СПб., 1999. С. 76–77; *Платен, Магнус фон*. Визиты шведов в Санкт-Петербург времен Екатерины II // От войны к миру. Россия – Швеция. XVIII век: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Т. 3. Дипломатические отношения. СПб., 1999. С. 41.

76

Головкин, Фёдор. Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 356–357. Серия «Архив».

77

Шильдер, Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 321.

78

Бретон, Ги. Истории любви в истории Франции. В 5-ти книгах, 10-ти томах. М., 1994. Кн. 3 (Т. 6, С. 571–573), кн. 4 (Т. 7, С. 105–106); *Федорченко В.* Императорский дом. Выдающиеся сановники. В 2-х томах. М., Красноярск, 2001. Т. 2. С. 521; *Массон, Фредерик*. Наполеон и женщины. М, 1912. С. 18, 19.

79

Бретон. Истории любви... Кн. 4. Т. 7. С. 105–106; *Массон*. Наполеон и женщины... С. 24–29. См. также: *Сьюард, Десмонд*. Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 46, 50–52, 58–59, 85, 238–239, 276, 354, 362–363; *Охлябинин С.Д.* Честь мундира. М., 1994. С. 140–144; Монархи Европы: Судьбы династий / Ред. – сост. Н.В. Попов. М., 1997. С. 241–249 (Швеция. Династия Бернадотов); *Яровая Е.А.* Родовая геральдика на монетах Швеции 1523–1844 // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург – Репино. 18–23 апреля 2011 года: Тезисы докладов и сообщений. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа,

2011. С. 92–93.

80

Шевелева, С. 22: длина золотой броши-меча 73 мм, рукояти эфеса 22 мм, клинка 48 мм. ВИМАИВиВС, инв. № 20/2368.

81

Александр I – «Сфинкс...»... С. 291, кат. № 653, аннотация В.М. Файбисовича (Потому-то на портрете Александра I, написанном неизвестным итальянским художником, датировавшим свою работу 1813 годом, отсутствуют как шведский военный орден Меча, так и австрийский военный же орден Марии-Терезии. См.: Александр I – «Сфинкс...»... С. 226, № 97, аннотация А.Г. Побединской.); *Керлот, Хуан Эдуардо*. Словарь символов. М., 1994. С. 579; Хранитель. К 100-летию со дня рождения В.М. Глинки. В 2-х томах. СПб., 2003, 2006. Т. 1. *Глинка В.М.* Минувшее проходит предо мною: Автобиографическая проза. С. 242–245 (Константин Михайлович Глинка, 1805–1859), 250 илл.

82

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... С. 21, 40–41; *Гаврилова*, Державные кавалеры... С. 73.

83

Шевелева, С. 20: серебро, золото, эмаль, диаметр 78 мм. ВИМАИВиВС, инв. № 20/1443; *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... С. 119, № 89; *Гаврилова*, Державные кавалеры... С. 127, кат. № 36: Звезда, также принадлежавшая Александру I: золото, серебро, эмаль, 79 х 79 мм, поступила из Капитула российских орденов в 1917–1923 годах в Музеи Московского Кремля, инв. № ОМ-2574.

84

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... Приложение. С. 8, ссылка 7 на: РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 505. Л. 175, 203, 333, 423.

85

Статуы и ордонансы благороднейшего ордена Св. Георгия, называемого орденом Подвязки, реформированные, разъясненные, объявленные и обновленные высочайшим, сиятельнейшим и могущественным государем Генрихом VIII, Божией милостью королем Англии и Франции, защитником веры, Господином Ирландии и прочая // *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 32.

86

Хэйзинга, Йохан. Осень Средневековья: Соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1995. С. 113–125 (гл. VIII. Стилизация любви), 126–132 (гл. IX. Обиходные формы отношений в любви); *Фолл, Джон*. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. С. 259; *Калмыкова Е.В.* Официальная пропаганда английской внешней политики в XIV–XV вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 101–104. См. также серию романов Мориса Дрюона «Проклятые короли», особенно «Французская волчица», «Лилия и лев» и «Когда король губит Францию».

87

Шевелева, С. 30; *Можейко И.* Награды. М., 1998. С. 30–31; *Гаврилова*, Державные кавалеры... С. 160–163; *Фирсов Н.Н. (Л. Рускин)*. Силуэты времени реформ: Воспоминания шестидесятника // Исторический вестник. 1910. Т. 119. Январь. С. 92–93.

88

Статуы и ордонансы <...> ордена Св. Георгия, называемого орденом Подвязки... // *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 32–36. Ст. 1, 2/1, 10, 13, 38.

89

Александр I – «Сфинкс...»: Изабе – с. 49 (илл.), 232, № 150 (аннотация Л.В. Бардовской); Беннер – с. 229, № 130 (аннотация В.М. Файбисовича); копия К.А. Шевёлкина с Жерара – с. 2 (илл.), 223, № 62 (аннотация Ю.Ю. Гудыменко), Доу – с. 159 (илл.), 215, № 20 (аннотация Е.П. Ренне).

90

Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1997. С. 13, 32 (№ 9), 33–34 (№ 12), 50 (№ 40), 51 (№ 41), 52 (№ 44), 58 (№ 60), 88, 89 (илл.), кат. № 5. (Далее – *Асвариц*, «Совершенно модный живописец»).

91

Воронихина А.Н. Виды Эрмитажа и Зимнего дворца в акварелях и рисунках художников середины XIX века. Из собрания Государственного Эрмитажа. М., 1983. Аннотации и иллюстрации видов Александровского зала на табл. LXXII (Ю. Фриденрейх), LXXIII (Э.П. Гау); Журнал 263 заседания Совета Государственного Эрмитажа от 16 мая 1923 года // Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть II: 1920–1926 годы. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 554 (3), 877; Записки графа Фёдора Петровича Толстого. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 159–166, 193, 293 (Примечание 182).

92

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... Приложение. С. 8; РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 76. О петербургском мастере Христиане-Людвиге Франк см.: Алфавит... С. 56; *Väcksbäcka*... S. 85. О петербургском мастере Иоганне-Карле Франк см.: Алфавит... С. 56; *Bäcksbäcka*... S. 397.

93

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... С. 229. Кат. №№ 5, 67. Приложение. С. 8. И у Фёлькерзама, и у Бексбаки Карл Линдеус упоминается только как ученик Франца Франка. (Алфавит... С. 56; *Väcksbäcka*... S. 83).

94

Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв.: Территория СССР. М., 1983. С. 189. Клейма 1545, 1546 (Далее – *Постникова-Лосева* – 1983); *Ильина Т.Н.* Российские ордена императора Николая I // Антиквариат. 2004. Октябрь. № 10 (21). С. 128–133; *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... С. 229. Кат. №№ 5, 67; *Väcksbäcka*... S. 142.

95

Алфавит... С. 45; *Väcksbäcka*... S. 395; *Лопато*. Ювелиры старого Петербурга... С. 48, 53, 55 («Санкт-Петербургские ведомости» от 8 июля 1774 года, от 2 июня 1788 года и от 6 июля 1792 года). (Далее – *Лопато*, Ювелиры старого Петербурга).

96

Гордин М. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 54–55; Государственный музей-заповедник «Московский Кремль», инв. № МР-4707/3, МР-4708/2, МР-4706/3 / Русское золото XIV – начала XX века из фондов государственных музеев Московского Кремля // Советская Россия. 1987. № 94–96. С. 211–212.

97

Александр I – «Сфинкс..... С. 281–282, № 586; *Лопато М.Н.* Ювелиры Старого Петербурга. 2006. С. 110, илл. 89. (Далее – Ювелиры Старого Петербурга–2006); *Der Zarenschatz der Romanov. Spreyer*, 1994. S. 254, 255 (Abb.). (Далее – *Spreyer*, 1994); *Максимович-Амбодик*... Нестор. Избранные эмблемы и символы. СПб., 1811. С. 58 / Эмблемы и символы. М., 1995, № 314.

98

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3920. Л. 3, 211; Д. 3925. Л. 37; Д. 4055. Л. 419; Великий князь Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга Императора Александра I. В 3-х тт. СПб., 1909. Т. 2. С. 326–327; *Герасимов П.* Могила священника Иоанна Кирикова // Исторический вестник. 1898. Т. 73. Сентябрь. С. 986; *Стрижак Ника, Соколов Александр, Раскин Давид.* Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб., 2003. С. 26, 94–96, 112–132, 168, 179–180, 183–185; Синай. Византия. Русь. Православное искусство с VI до начала XX века: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже / Под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. Лондон, издательство Пола

Холбертона, Фонд Святой Екатерины, 2000. С. 405 (илл.), 406, кат. №№R-190 ab. Государственный Эрмитаж. (Далее – Синай...).

99

Фёлькерзам А.Е. Описи серебра... Т. 1. С. 81; Алфавит... С. 31; *Bäcksbacca*... S. 414; *Spreyer*... S. 258 (илл.), 259; Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания: две книги в одном томе. М., 1999. С. 9–10, 15–16; Ювелиры Старого Петербурга-2006... С. 108.

100

Алфавит... С. 45, 52; *Bäcksbacca*... S. 47, 324, 332, 333, 335; Фёлькерзам А.Е. Описи серебра... Т. 1. С. 81, 90, 93–94; *Постникова-Лосева-1983*. С. 199 (№ 1834), 190 (№ 1570), 194 (№ 1701); 150-летие иконы Казанской Богоматери // Исторический вестник. 1887. Август. С. 468.

101

Благово Д.В. Рассказы бабушки. М., 1989. С. 250; *Solodkoff*. Alexander von. Russische Goldschmiedekunst 17–19. Jahrhundert. München, 1981, S. 100. (Далее – *Solodkoff*); РГИА, Ф. 759. Оп. 1. Д. 276. Л. 62; «1810. 8bre 8. Augmentation en Brillans, Saphirs, Emeraudes et Perles, aux objets donnés par Sa Majesté Imperiale pr enrichir l'Image de Notre Dame de Cazan. R. 2100; un Saphir enrichi de Roses, donné à S. A. I. Madame Catherine, et destiné à orner l'Image de la Ste Vierge de Cazan. R. 1200».

102

Александр I – «Сфинкс...». С. 27 (илл.), 284, кат. № 600, Государственный Эрмитаж.

103

Александр I – «Сфинкс...». С. 283, №№ 589, 590, Государственный Эрмитаж. В Императорский Эрмитаж был «прислан при ордере № 43, Июля 11 дня 1816 Года» как «Памятник Серебряный вызолоченный с Емблематическими украшениями, поднесенный покойному Генераль от Инфантерии Графу Каменскому 2-му от Умеовскаго Корпуса офицеров. Весом 32 ф[унта] 48 зол[отников]» (Архив Государственного Эрмитажа. Оп. VI. 3. № 9. Т. I. Л. 406. № 197); Ювелиры Старого Петербурга-2006. С. 112–113 (илл.); *Гейсман П.* Каменский 2-й, граф Николай Михайлович // Русский биографический словарь / под наблюдением Председателя Императорского Русского Исторического общества А.А. Половцова. Т. Ибак-Ключарев. СПб., 1897. С. 423–439.

104

Александр I – «Сфинкс...». С. 282. № 590. Аннотация Л.А. Завадской и К.А. Орловой; Алфавит... С. 36; *Bäcksbacca*... S. 418; *Постникова – Лосева – 1983*. С. 197, клеймо № 1786.

105

Ювелиры Старого Петербурга... С. 110–111 (илл.); ГММК, инв.№ МР-5369; Ювелиры Старого Петербурга... С. 111; Описи серебра... Т. II. С. 73–74; Алфавит... С. 16; *Bäcksbacca*... S. 327; *Постникова-Лосева – 1983*. С. 187 (клеймо № 1465), 193 (клеймо № 1672).

106

Синай... С. 386–387. Кат. № R-170, Государственный Эрмитаж (аннотация К.А. Орловой); *Spreyer*... S. 256, 257 (Abb.); Александр I – «Сфинкс...». С. 89 (илл.), 260, № 375–382, ГИМ, инв. № 80527/1 ОК 12993.

107

Камер-фурьерский журнал государыни императрицы Марии Феодоровны 1815-го года. СПб., 1914. С. 243.

108

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1816 года. Т. I (январь–июнь). Пг., 1915. С. 203.

109

Шильдер И. Александр I... С. 297.

110

Надпись золотом на стопе бесцветного хрусталя с алмазной гранью, молочное стекло,

цировка. ГИМ, инв. № 1384щ/3870 ст. // Александр I – «Сфинкс...» С. 48 (илл.), 279, кат. № 557.

111

Шильдер Н. Александр I ... С. 301.

112

Там же.

113

Велишский Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000. С. 603, 625–637; Под знаком орла. Искусство ампира: Сборник статей. Государственный Эрмитаж. СПб., 1999. С. 23–24 (*Файбисович В.М.* Наполеоновская эпоха и стиль империи), 27–29 (*Ранне Т.В.* Амбир. Искусство на службе Империи Наполеона).

114

Александр I – «Сфинкс...»... С. 45 (илл.), 283, кат. № 593, Государственный Эрмитаж; *Владимирский Б.С.* Камни: тайны и таинства. Харьков, 1995. С. 88–89, 105; *Николаев С.М.* Камни: Мифы, легенды, суеверия... Новосибирск, 1995. С. 121–122, 128–131, 263–264.

115

Александр I – «Сфинкс...»... С. 89 (илл.), 260, № 383, ГИМ, инв. № 80527/15 БМ 872/1-2.

116

Шильдер Н. Александр I... С. 222–224; Фёлькерзам (Foelkersam), барон А. де. Реликвии Александровского времени в Императорском Эрмитаже // Старые годы. 1912. Июль – сентябрь. С. 51–67, 56а (илл. – дорожный туалетный прибор), 60а (илл. – шпага); *Лачинов В.П.* Александр I и Наполеон в Эрфурте // Русская старина. 1897. Т. II (90). С. 485, 486 (примечание 3); *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000. С. 397–398 (секретный акт № 83/с от 13 октября 1932 г.); Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920–1930 годов // Нева. 2001. С. 219–220; *Миллер Ю.А.* Искусство оружейников Парижа XVIII–XIX веков: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. 2-е изд. СПб., 1995. С. 25–26, 83–87.

117

Государственный Эрмитаж. Серебро, литье, чеканка, гравировка, золочение. Передан из ленинградского собора Казанской иконы Божьей Матери (Казанского собора) в Эрмитаж в 1925 году. См.: *Синай...* С. 388, № R-171, аннотация М.Н. Лопато; *Макаров Н.* Выставка церковной старины // Старые годы. 1915. С. 43–44; *Лопато М.Н.* Наполеоновское серебро // Под знаком орла. Искусство ампира: Государственный Эрмитаж. Сборник статей. СПб., 1999. С. 75; Ювелиры Старого Петербурга-2006. С. 109.

118

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 383; Эрмитаж: История и архитектура зданий / Под ред. В.И. Пилявского и В.Ф. Левинсона-Лессинга. Л., 1974. С. 154–156; *Воронихина А.Н.* Виды залов Эрмитажа и Зимнего дворца в акварелях и рисунках художников середины XIX века: Из собрания Государственного Эрмитажа. М., 1983. С. 18. Табл. LXII. Цитаты и большинство данных в этой подглавке взяты из: *Сычев И.О.* Джон Баннистер и искусство накладного серебра в России // Россия – Англия. Страницы диалога: Краткое содержание докладов V Царскосельской научной конференции. СПб., 1999. С. 138–142.

119

Алфавит... С. 26; *Bäcksbäcka...* S. 412.

120

Bäcksbäcka... S. 500.

121

РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 2. Л. 1–4, 10; Оп. 1. Ч. 2. Д. 4037. Л. 721 (к сожалению, мною в первом томе ошибочно указано получение Лубье за эту работу только трех тысяч рублей); Оп. 5. Д. 230. Л. 1 (№ 1), 6 (№ 87); *Гафифуллин Р.* Корона русских императриц // Русский антикварь: Альманах для любителей искусства и старины. Вып. 1. М.-СПб., 2002. С. 24

(Далее – Гафифуллин, Корона русских императриц); *Юферов Д.В.* История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. С. 20; *Горева О.* Алмазная сокровищница России. М., 2006. С. 33–34 (Далее – *Горева*, Алмазная сокровищница России–2006).

122

РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 2. Л. 6–7; Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 11 об.; Алмазный фонд СССР. Вып. 3. С. 33. № 82; *Гафифуллин.* Корона русских императриц... С. 24.

123

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 186. Л. 1; Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 447; Завещание императрицы: Каталог выставки к 250-летию со дня рождения Марии Фёдоровны. СПб., 2009. С. 62–63 (*Коварская С.Я.* Произведения императрицы Марии Фёдоровны в Московском Кремле), 119 (илл.), 146 (аннотация Л.М. Гавриловой), кат. № 111, инв. № ОМ-2509.

124

Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 60. СПб. С. 224.

125

Алмазный фонд России, инв. № АФ-43. Сокровища Алмазного фонда СССР. Каталог выставки. М., 1975. С. 37. № 108. Илл. 51 (Далее – Сокровища АФ-1975); Алмазный фонд СССР. Вып. 4. С. 18. № 159. Табл. LXXXV. Фот. 187; Алмазная сокровищница России... С. 59, 76–77 (илл.).

126

Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 124–125 (Запись от 25 февраля 1803 г., суббота), 203 (Примечание 19); РГИА. Ф. 759. Ф. 1. Д. 249. Л. 2; *Юферов Д.В.* История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. М., 1925. С. 27; Алмазный фонд СССР... Вып. 2. С. 20. № 51. Табл. XXXIV. Фот. 51; Проданные сокровища России / Николай Ильин и Наталья Семенова. М., 2000. С. 260. (Далее – Проданные сокровища России); Ювелиры Старого Петербурга–2006. С. 120–121.

127

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 284. Л. 87; *Galiffe J.-B.* Notices généalogiques sur les familles genevoises depuis les premiers temps jusqu'à nos jours. Т. IV. Genève. 1857. P. 311 (Далее – *Galiffe*, Notices généalogiques); Воспоминания графа М.В. Толстого // Русский Архив. 1881. Кн. 1. Вып. II. С. 118.

128

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3922. Л. 394, 397; Оп. 5. Д. 187. Л. 3 об.-4 об.; Д. 226. Л. 6 об.-7; *Мадамова С.* Императрица Елизавета Алексеевна в воспоминаниях ее бывшей фрейлины // Русские императоры, немецкие принцессы: Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 197–198.

129

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 230. Л. 6 об., № 234; Алмазный фонд СССР... Вып. 4. С. 21. № 178. Табл. ХСІ. Фот. 206; Проданные сокровища России... С. 259 (нынешнее местонахождение неизвестно); *Гафифуллин,* Корона русских императриц... С. 25–26 (ссылка на: РГИА. Ф. 472. Оп. 23 (270/1287). Д. 22. Л. 7 об.); РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1027. № 364, 365; *Фелькерзам А.Е.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. 1908. Июль – сентябрь. С. 546.

130

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1826. СПб., б/г. Ч. 1. С. 26; То же, на 1827 год. СПб., б/г. С. 37; То же, на 1828 год. СПб., б/г. С. 40.

131

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 627. Л. 2, 3; *Galiffe.* Notices généalogiques... P. 311, 314.

132

Федорченко В. Императорский Дом. Выдающиеся сановники. В 2-х тт. Т. I.

Красноярск-М., 2001. С. 205; Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина 1912. Апрель. С. 17 (запись от 6 ноября 1806 г., вторник); 1913. Май. С. 269 (запись от 13 июля 1810 г., среда); 1913. Июнь. С. 449–450 (запись от 21 июля 1810 г., четверг); 1914. Декабрь. С. 547–548 (запись от 31 августа 1810 г., среда).

133

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 198. Л. 30, 30 об.; Д. 259. Л. 79; Д. 283. Л. 19, 21 об.; Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4051. Л. 319–321: См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С. 138, 286 (Примечание 180). Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись: Каталог-2. Л., 1981. С. 132. Илл. 94 (Якоб Дюк. Караульня); С. 153. Илл. 151 (Арт ван дер Нер. Пейзаж с мельницей).

134

Орест Адамович Кипренский (1782–1836). К 200-летию со дня рождения: Каталог (сводный) по материалам выставок в Ленинграде, Москве и Киеве (1982–1983 гг.). Т. 1. Живопись. Л., Государственный Русский музей. 1988. С. 23. (Далее – Кипренский, т. 1).

135

Михайлова К.В. Кипренский в Женеве // Орест Кипренский. Новые материалы и исследования: Сборник статей Государственного Русского музея. СПб., 1993. С. 51.

136

Кипренский, т. 1. С. 145.

137

Кипренский, т. 1. С. 143–146, № 37, 38; Орест Адамович Кипренский (1782–1836). К 200-летию со дня рождения: Каталог (сводный) по материалам выставок в Ленинграде, Москве и Киеве (1982–1983 гг.). Т. 2. Графика. Л., 1990. С. 225–226, № 485–487.

138

Кобеко Д.Ф. Картинная галерея Дюваля // Вестник изящных искусств. 1883. Т. 1. СПб., 1883. С. 302–305.

139

Письмо от 10 июня 1817 года из Рима в Петербург. О.А. Кипренский – А.Н. Оленину // Орест Кипренский: Переписка. Документы. Свидетельства современников. СПб., 1994. С. 128; Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись: Каталог-1. Италия, Испания, Франция, Швейцария. Л., 1976. С. 309: Тепфер, Адам Вольфганг (Töpfer, Adam Wolfgang, 1766–1847), №№ 9529, 9960 (илл. на С. 308), 8351.

140

Кузнецова. К вопросу об атрибуции... С. 32–35; Кипренский. Т. 1. С. 144–146, № 38; Т. 2, № 485; *Galiffe.* Notices généalogiques... P. 313–314; Thieme – Becker, Künstler – Lexikon. В.Х (Dubolon – Erlwein). Leipzig, 1914. S. 240 (Duval, Jean François André), 239 (Duval Etienne); *Benezit E.* Dictionnaire critique... Т. 4. Paris, 1976. P. 73 (Duval, Jean-François-André).

141

Алмазный фонд России, инв. №АФ-13 (золото, серебро, бразильские бриллианты, изумруды; навершие без шпильки: 8,0 x 3,6 см). Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 20, № 50, табл. XXXIII, фот. 50; Алмазная сокровищница России: Путеводитель / Ольга Горева и Ирина Польшина. Люцерн: Дезертина Ферлаг, 1994. С. 61, 87 (илл.). (Далее – Алмазная сокровищница России); *Кузнецова Л.К.* Экспонаты Алмазного фонда, связанные с императором Александром I // Александровский дворец. История. Владельцы. Коллекции: Краткое содержание докладов на IV Царскосельской научной конференции. СПб., 1998. С. 28. (Далее – Кузнецова, Экспонаты Алмазного фонда, связанные с императором Александром I).

142

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 198. Л. 33 об. («une Branche composée de 23 Diamans Poires taillé des Indes, Brillans et roses fournis et la Façon R. 3602»).

143

Стихи Мишо де Тайевана. (*Хёйзинга, Йохан.* Осень Средневековья: Исследование

форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах // Сочинения в 3-х тт. Т. 1. М., 1995. С. 92. (Далее – *Хёйзинга*.)

Об ордене Золотого Руна см.: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. СПб., 1993. С. 36–37; *Можейко, Игорь (Кир Булычёв)*. Награды. М., 1998. С. 41–44; Алмазная сокровищница России... С. 125, 142 (илл.); *Горева*, Алмазная сокровищница России-2006... С. 41–42; *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... С. 48–51. Приложение. С. 12. Пор. № 102; Державные кавалеры: Иностранные ордена российских императоров: Каталог выставки в Музеях Московского Кремля 26 октября 2010 года – 9 марта 2011 года. (Л.М. Гаврилова). М., 2010. С. 24, 37, 81–89 (Далее – Державные кавалеры); *Trnek, Helmut*. Der Orden von Goldenen Vlies // Weltliche und Geistliche Schatzkammer. Kunsthistorisches Museum Wien: Bildführer. Salzburg und Wien: Residenz Verlag, 1987. S. 202–204.

144

Похлебкин... С. 34–36.

145

Бретон, Ги. Т. 1. Любовь, которая сотворила историю. М., 1992. С. 312. Примечание 178; *Керлот, Хуан*. Словарь символов. М., 1994. С. 223.

146

Статуы ордена Золотого Руна // *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 37 (статьи 1, 3), 39 (статья 25), 40 (статьи 39, 40), 44 (дополнительная статья 8).

147

Купер, Дж. Энциклопедия символов. Книга IV (Серия «Символы»). М., 1995. С. 360. (Далее – Купер); *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 18, 28, 30.

148

Амбелен, Робер. Драмы и секреты истории. М., 1993. С. 97–198; *Черняк Е.Б.* Времен минувших заговоры. М., 1994. С. 16–62.

149

Хёйзинга... С. 93.

150

Книга Судей... С. 6, 36–40 (в латинском переводе Библии – Гидеон); *Хёйзинга*, С. 93–94; *Левин С.С.* Орден Золотого Руна // Шестая всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 209. (Далее – *Левин*, Орден Золотого Руна).

151

Хёйзинга, С. 95–99; *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 177–199; *Калмыкова Е.В.* Официальная пропаганда английской внешней политики в XIV–XV вв. // Там же (Королевский двор...). С. 113. Примечание 103.

152

Левин. Орден Золотого руна... С. 209.

153

Treasury in the Munich Residence: Official Guide. München; Bayerische Verwaltung der staatlichen Schlösser, Gärten und Seen, 1995. P. 38, № 309; *Горева*, Алмазная сокровищница России-2006... С. 42; *Зюндрам, Дирк*. Ювелирные гарнитуры саксонских правителей // Кабинет драгоценностей Августа Сильного из собрания Зеленых Сводов: Каталог выставки в музеях Московского Кремля (к их 200-летию). М., 2006. С. 28–29, 46–55 (кат. №№ 4–9); *Москвин А.Г.* Драгоценности мира. М., 2004. С. 166–167; *Низовский А.Ю.* 100 великих реликвий и сокровищ. М., 2005. С. 322–326 («Дрезденский Зелёный»); *Menzhausen, Joachim*. Das Grüne Gewölbe. Leipzig: VEB E.A. Seemann Verlag, 1968. Abb. 135, 137–139, 142, 143.

154

Mabille, Gérard. Les Diamants de la Couronne. Paris: Gallimard / RMN, 2001. Table in: Le Règne de Louis XV; *Москвин*, Драгоценности мира... С. 143–144; *Низовский*, 100 великих

реликвий и сокровищ... С. 341–351 («Надежда»); *Пыляев ММ.* Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд. СПб., 1896. С. 189–190. (Далее – *Пыляев*, Драгоценные камни); *Куликов Б.* Азбука камней-самоцветов. Поверья о камнях: Словарь-справочник. М., 1996. С. 38–40; *Белоусов, Роман.* Тайны знаменитых бриллиантов. Кровавый след «Санси». М., 2004. С. 31–47; *Смит Г.* Драгоценные камни. 2-е изд., переработанное. М., 1984. С. 233–235. (Далее – *Смит*, Драгоценные камни).

155

Алмазный фонд России... Инв.№ АФ-8. Завещание-1827. С. 356, 322; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 640; Д. 1027. № 173/1; Сокровища Алмазного фонда СССР: Каталог выставки. М., 1975. С. 24. № 62. Илл. 28 (слева). (Далее – Сокровища АФ-1975); Алмазная сокровищница России... С. 59–60 (илл.); *Горева*, Алмазная сокровищница России... С. 68.

156

Алмазный фонд СССР... Вып. 2. С. 25. № 75. Табл. XLIV. Фото 75; *Смит*, Драгоценные камни... С. 233–235.

157

Государственный Эрмитаж. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 442; *Серапина Н.* Эрмитаж, который мы потеряли // *Нева*. 1999. № 3. С. 151. Пор. № 1, № 4337 (Голубой бриллиант Пан дел ок в 1,10 кар. (парный камень в булавке, в Алмажном фонде) – 3500 руб.); Эрмитаж, который мы потеряли: Документы 1920–1930 годов / *Серапина Н.С.*, *Давыдов В.С.* СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 290 (№ 4377).

158

Письмо Иосифа II императрице Марии-Терезии от 12 июля 1780 г. из Петербурга // *Г.А. Потёмкин.* От вахмистра до маршала. Воспоминания. Дневники. Письма / Серия «Государственные деятели России глазами современников». СПб., 2002. С. 176–177.

159

Письмо Иосифа II императрице Марии-Терезии от 18 июля 1780 г. // *Г.А. Потёмкин.* От вахмистра до маршала... С. 177.

160

Гаврилова – Левин, Европейские ордена... С. 44, илл. (проектный рисунок ордена Трех Золотых Рун).

161

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 1; Д. 226. Л. 3 об., № 9.

162

Винклер П.П., фон. Гербы городов губерний, областей и посадов Российской империи. СПб., 1900. С. 183 (илл.).

163

Завещание императрицы к 250-летию со дня рождения: Каталог выставки в ГМЗ «Павловск». СПб., 2009. С. 33, 84 (илл. 42), 149, кат. № 120; *Кузнецова*, Век восемнадцатый... С. 120–121.

164

Алмазный фонд России... Инв. № АФ-21. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 63; Д. 1027. № 34; Алмазный фонд СССР... Вып. 4. С. 23. № 189 (испанский орден Золотого Руна). Табл. ХСIV. Фото 207; Сокровища АФ-1975... С. 33, № 95, илл. 43 (середина XIX в.); Алмазная сокровищница России... С. 125, 142 (илл.); *Кузнецова*, Экспонаты Алмазного фонда, связанные с императором Александром I... С. 27–29 (испанский орден Золотого Руна); *Горева*, Алмазная сокровищница России-2006... С. 41–42; *Державные кавалеры*... С. 85–86, илл.

165

Куликов Б.Ф., *Буканов В.В.* Словарь камней-самоцветов. 2-е изд., переработанное и дополненное. Л., С. 78, 87–88; *Пыляев*, Драгоценные камни... С. 372–374; *Смит*, Драгоценные камни... С. 330–331; *Буканов В.В.* Цветные камни: Энциклопедия. СПб., 2006. С. 80.

166

Миролюбова Г.А. Последний путь // Александр I – «Сфинкс...»... С. 174; *Bäcksbacka, S.* 137, 113, 324, 332; Алфавит... С. 8–9; *Постникова – Лосева – 1983...* С. 199 (клейма № 1834 и 1862); *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 7; *Tillander-Godenhjelm, Ulla.* Smycken från det kejserliga S: t Petersburg ur samlingar i Finland och Sverige. 1966. S. 21, ill.

167

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 59, 63; Д. 1027. № 35, 34; *Тугова Г.А.* Передача в Гохран и музеи императорских орденов Николая II и членов его семьи: Обзор и публикация документов 1922 года // *Державные кавалеры...* С. 255, № 3741 (36), 3762 (35).

168

Алмазный фонд России... инв. № АФ-40. Алмазный фонд СССР... Вып. 1. С. 36, № 23. Табл. XVII. фот. 22; *Сокровища АФ-1975...* С. 22, № 54, илл. 23; *Алмазная сокровищница России...* С. 41, 50 (илл.); *Горева*, Алмазная сокровищница России-2006. С. 56–57.

169

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 49. Л. 30.

170

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 276. Л. 67–69:15 августа 1811 г.: «Façon d'une nouvelle tige à la Branche en Cerise. R. 180».

171

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 198. Л. 31: 21 января 1808 г.: «une Paire de Boucles d'Oreilles de Deux Perles rondes surmontées_de feuilles en brillans. R. 1250».

172

Государственный музей-заповедник «Павловск». Инв. № ЦХ-7/1-2-XI. Слоновая кость, акварель, гуашь. 14 x 10,3 см, овал. Подпись: Kronowetter 1828 // Завещание императрицы. К 250-летию со дня рождения Марии Фёдоровны: Каталог выставки в ГМЗ «Павловск». СПб., 2009. С. 108 (илл.), 134 (кат. № 6).

173

Императрица Мария Феодоровна, материалы к ее жизнеописанию: Собственноручные ее заметки. 21-го января 1827 г. // *Русская старина*. 1882. Т. XXXIV. С. 356, 639 («Mes belles boucles dbreilles en diamants...») (Далее – Завещание-1827); РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 639; Д. 1027. № 172.

174

Алмазная сокровищница России... С. 25, 31, 32, 50; *Романова, Мария*. Воспоминания великой княжны: Страницы жизни кухни Николая II 1890–1918. М., 2006. С. 113, 115.

175

Завещание-1827. С. 356, 322; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 640; Д. 1027. № 173, II.

176

Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 25. № 74. Табл. XLIV. фот. 74. Описание бриллианта несомненно сделал минералог А.Е. Ферсман.

177

Алмазный фонд России. Инв. № АФ-9. Сокровища АФ-1975. С. 23. № 61. Илл. 28; *Алмазная сокровищница России*. С. 59, 90 (илл.).

178

Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 25. № 74. Характеристика оттенка цвета розового бриллианта явно принадлежит минералогу А.Е. Ферсману.

179

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 53. Л. 30 («Ce 13 Septembre 1811. Note. <...> Un Assortiment en Topases et Brillans. R.10.000. <...> St. Petersbourg le 24 Septembre 1811. François Duval»).

180

Семевский М.И. Павловск: Очерк истории и описание 1777–1877. СПб., 1997. С. 467.

181

Tillander-Godenhjelm, Ulla. Smycken från det kejserliga St. Petersburg ur samlingar i Finland och Sverige. (Helsingfors): Förlagsaktiebolag W. Hagelstam, 1996. S. 19, Tabl.

182

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3913. Л. 479: «Le 14e Août 1797 à Duval et fils. Une Bague dun tms beau Saphir, entourée de brillans donnée à Sa Majesté LTmperatrice le 22 Juillet. R. 3800.»

183

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. 4. 2. Д. 3914. Л. 214–214 об.: «Le Cabinet Imperial à Duval et fils. Livraisons du 18 Juin au 31 Juillet 1798... Un Coulan dune superbe opale entourée de gros brillans donnée à Sa Majesté LTmperatrice le jour de Sa Fête le 22 Juillet. R. 9500».

184

Смит Г. Драгоценные камни. М., 1984. С. 385–390. Все цитаты из Плиния Старшего и романа Вальтера Скотта «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, дева мрака» даются по: *Ахметов С.* Беседы о геммологии. М., 1989. С. 218–221; *Ахметов С.* Камень твоей судьбы. М., 1992. С. 33–38.

185

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 127; Д. 1027. № 97.

186

РГИА. Ф. 468, Оп. 1. Ч. 2. Д. 3914. Л. 276: «St. Petersburg le 30 Octobre 1798. Le Cabinet Impérial à Duval et fils. Une Superbe Topaze Orientale montée en Coulant entourée de brillans, donnée le 14 Octobre à Sa Majesté L'Impératrice. R. 7000».

187

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. 4. 2. Д. 3916. Л. 227, 229 об.: «St. Petersburg le 1 Juin 1800. Le Cabinet Imperial à Duval et fils. Livraisons depuis le 25 Mars 1800 au 22 May 1800 <...> 1800. May 15. un peigne en Saphirs et Brillans pour Sa Majesté LTmperatrice livré le 8 Avril dernier. R. 4400».

188

Завещание-1827. С. 322, 356; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3917. Л. 42, 45 об.: «St. Petersburg, le 1 Janvier 1801. Le Cabinet Imperial aux frères Duval. 1800. Oct. 15. № 421. Un Fermoir d un superbe Rubis spinel entouré de gros Brillans à Sa Majesté ITmperatrice. R. 9500»; Оп. 43. Д. 1025. № 638; Д. 1027. № 206; Алмазный фонд СССР. Вып. 1. С. 35, № 13. Табл. XV. Фот. 19; Проданные сокровища России. С. 273 (илл.). Местонахождение неизвестно.

189

Завещание-1827. С. 322, 356–357; РГИА, Ф. 759. Оп. 1, Д. 81. Л. 49: По подписанному «François Duval» счёту от 15 декабря 1811 года ювелир сделал 17 апреля 1811 года для императрицы-матери Марии Феодоровны по собственному рисунку, прибавив свои бриллианты, фермуар с одним-единственным аквамаринном: «Brillans et façon dun millieu de Collier d une Aiguemarine appartenant à Sa Majesté Impériale R. 2000».

190

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 641; Д. 1027. № 301; Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 23. № 64. Табл. XXXVIII. Фот. 64; Проданные сокровища России. С. 273 (илл.). Нынешнее местонахождение неизвестно.

191

Киевленко Е.Я., Сенкевич Н.Н., Гаврилов А.П. Геология месторождений драгоценных камней. 2-е изд. М., 1982. С. 99–114; *Корнилов Н.Н., Солодова Ю.П.* Ювелирные камни. М., 1983. С. 85–89, 95–96.

192

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 276. Л. 69: «Pavlovsk le 5 Septembre 1811. Le Medaillon en Aiguemarine jaune et la lyre en Topaze faisant ensemble 2225 R.»; Д. 81. Л. 49 (по счёту Франсуа Дюваля от 15 декабря 1811 были еще 17 апреля того же года сделаны оба эти украшения вместе с фермуаром с зелёным аквамаринном). См. выше примечание 188.

193

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 49. Л. 27 об.: «1810. Septbre 3. Un Medaillon dun très grande

- Aiguemarine et Brillans, avec l'augmentation aux Aneaux. R. 7400».
194
РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 124; Д. 1027. № 94.
195
Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 23. № 63. Табл. XXXVIII. Фот. 63; Проданные сокровища России. С. 274 (илл.). Местонахождение неизвестно.
196
Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 19. № 45. Табл. XXXI. Фот. 45.
197
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 198. Л. 32 об. (9 марта 1808 г.: «Brillans fournis et façon de Six Epis en brillans. R. 2100»); Д. 280. Л. 26.
198
Завещание императрицы Марии Феодоровны, 1-го ноября 1826 года // Русская старина. 1882. Т. XXXIV. С. 93, 115.
199
РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 606; Д. 1027. № 124; *Twinning, baron Edvard Francis. A History of the Crown Jewels of Europe. London, 1960. P. 550. S 116 (No. 45), Plate 194a.* (Далее – *Twinning*); Проданные сокровища России. С. 260, илл.; Российские императоры и Оружейная палата: Каталог выставки Музеев Московского Кремля 10 марта – 4 октября 2006 года. М., 2006. С. 237. Примечание 23. Нынешнее местонахождение сей диадемы неизвестно.
200
Алмазный фонд России. Алмазная сокровищница России. С. 147, 172–173; *Гапанюк Е. Искусство ювелиров Алмазного фонда СССР // Гохран СССР: Альбом. М., 1991. С. 48, 49 (илл.); Кузнецова Л.К. Прототипы некоторых работ ювелиров Алмазного фонда СССР // Пунинские чтения-2000: Материалы Международной научной конференции: доклады и сообщения. Санкт-Петербург, кафедра истории искусства исторического факультета СПбГУ, 7–8 апреля 2000 г. СПб., 2000. С. 164–165.*
201
Алмазный фонд СССР. Вып. 2. С. 19. № 45 (эта оценка в аннотации, несомненно, принадлежит С.Н. Тройницкому).
202
Курсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. Калининград – Москва. 1997. С. 195, 369 (Примечание 8).
203
РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3921. Л. 441; Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 47.
204
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 49; Д. 365. Л. 220.
205
Стрижак Н. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб., 2003. С. 170–171.
206
Алмазный фонд СССР. Вып. 1. С. 38. № 33. Табл. XXI. Фот. 30; Проданные сокровища России. С. 262, илл.
207
Алмазный фонд России. Инв. № АФ-36, № АФ-57. См.: *Кузнецова, Век восемнадцатый... С. 459–460, илл. 74, 75.*
208
О Лубье см.: *Кузнецова, Век восемнадцатый... С. 373–374.*
209
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 249. Л. 20; Д. 219. Л. 93.
210
Кузнецова, Век восемнадцатый... С. 16.

211

Папи, Стефано. Сокровища дома Романовых. М., 2011. С. 18 (илл.), 23 (илл.), 27 (илл.), 64, 80–81 (илл.), 265 (илл. справа внизу, с № 34).

212

Император Александр III, императрица Мария Фёдоровна: Каталог выставки в Центральном выставочном зале «Манеж» 6 сентября – 3 октября 2006 года. СПб., 2006. С. 327. Аннотация к № 60 (илл. на с. 7); № 61 (илл. на с. 124).

213

Алексеев В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Новые документы о трагедии на Урале. Екатеринбург, 1993. С. 159, 160 (№ 2).

214

Эрмитаж. История и архитектура зданий. Л., 1974. С. 21 8; *Йена, Детлеф.* Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 103.

215

Государственный Эрмитаж. Под знаком орла. Искусство ампира: Краткий каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2000. С. 25, № 189 (зал 5), инв. № 8992, поступила в музей в 1925–1927 гг. из собрания Строгановых; *Костюк О.Г.* Табакерки наполеоновского времени в коллекции Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга: Краткое содержание докладов. СПб., 1998. С. 51–52; *Костюк О.Г.* Табакерки наполеоновского времени в коллекции Эрмитажа // Из истории мирового искусства и культуры: Сборник статей к 75-летию Юрия Александровича Русакова (1926–1995) сотрудников Отдела истории западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа. СПб., 2003. С. 376–377.

216

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 219. Л. 19 об.: «1809. 9bre 22. une Boite en Ecaille, avec le Portrait de S.M.I. sous Diamant, à Monsieur le Comte de Strogonoff pour sa fête – R. 1300. Le portrait – 200/1500».

217

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 283. Л. 15 об, 19 об., 21; Д. 198, Л. 29; Д. 365, Л. 220; Д. 309, Л. 49; Из записной книжки Коленкура. 1809-й год // Русский Архив. 1908. Кн. 2. Вып. 5, С. 5.

218

Йена, Детлеф. Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 313, 385.

219

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 365. Л. 220 об.

220

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 49; Д. 259. Л. 79 об.; Д. 365. Л. 220.

221

Шильдер, Александр I... С. 222–224, 234, 244; Полиевктов М. Нессельроде, Карл (Карл-Роберт) Васильевич // Русский биографический словарь. Т. Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 244–251; *Майков П.* Румянцов, граф Николай Петрович // Русский биографический словарь. Т. Романова-Рясовский. Пг., 1918. С. 493–521, 589; *Ястребцев Е.* Толстой, граф Николай Александрович // Русский биографический словарь. Т. Тобизен-Тургенев (дополнительный). М., 1999. С. 69; *Федорченко В.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники. В 2-х тт. М.-Красноярск, 2001. Т. 2. С. 334–336; *Тарле Е.* Талейран. М., 2011. С. 130–136, 138–141, 143, 147–158, 292–294; *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 115, 124, 127, 133, 137–138, 158–159, 179–181, 184–187, 191–192; *Цвейг С.* Жозеф Фуше: Романизированная биография. М., 1993. С. 130–134, 139–140, 146–147, 150–151, 154–155; *Йена Д.* Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 50, 58–59, 63–65, 67–68, 70–71, 74–75, 83–87, 93, 103; *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла: Биографические хроники. М., 2001. С. 281–461. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С.

138.

222

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 219. Л. 18 об.

223

Йена Д. Екатерина Павловна... С. 125–127; *Данилова А.* Пять принцесс... С. 421.

224

Йена Д. Екатерина Павловна... С. 125–127; *Данилова А.* Пять принцесс... С. 421.

225

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4057. Л. 326; Д. 4058. Л. 341, 342; Д. 3927. Л. 343.

226

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 77, 79.

227

Лошман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 129–130.

228

Федорченко, Выдающиеся сановники... Т. 1. С. 353–355.

229

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 133, 133 об.

230

Волховской К. Материалы для биографии князя М.И. Голенищева-Кутузова // Русская старина. 1912. Сентябрь. С. 286; *Долгов С.О.* Сто лет назад. Письма И.П. Оденталя к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Октябрь. С. 13 (письмо № 70 от 18 октября 1812 г., пятница); Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату 1812 год // Русский Архив. 1900. Кн. 2. Май. С. 35, 36 (письмо от 28 октября 1812 г. из Москвы); *Гейсман Н.А.* Голенищев-Кутузов-Смоленский, князь Михаил Илларионович // Русский биографический словарь. Т. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 681.

231

Дуров В.А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997. С. 91.

232

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 194. Л. 38, 38 об.

233

Кочергин М. Платов, граф Матвей Иванович // Русский биографический словарь. Т. Плавильщиковъ – Примо. СПб., 1905. С. 21–35. Цитаты в тексте – с. 28, 30, 33; *Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX век: Каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее.* М., 1997. С. 194, 195 (кат. № 213, илл.), 229 (кат. № 260, илл.).

234

Филлипс Т. Портрет графа Матвея Ивановича Платова. Государственный Эрмитаж. Аннотация Е.П. Ренне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»... С. 50 (илл.), 222, № 59; *Незабываемая Россия...: Каталог выставки.* М., 1997. С. 167. Кат. № 159, илл. (аннотация Е.П. Ренне).

235

Государственный музей-заповедник «Московский Кремль», инв. № МР-836. См.: *Донова К.В.* Русское художественное серебро XVIII – начала XX веков // Оружейная палата. М., 1964. С. 163–165 (аналогичное блюдо хранится в Историческом музее Киева); Государственная Оружейная палата: Альбом. М., 1988. С. 130, 131, 129 (илл.). Андрей Григорьев, московский серебряных дел мастер, работавший в 1808–1826 гг. (Постникова-Лосева – 1983. С. 207, № 2162, 2163).

236

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. В 4-х томах. Т. 3–4. М. – СПб., 2001. С. 531–535.

237

Там же. С. 536–538.

238

Жихарев С.П. Записки современников. В 2-х томах. Т. 1. Записки студента. Л., 1989. С. 149 (запись от 15 ноября 1805 года, среда).

239

Модное объяснение в любви. Стихотворение графа Г.И. Чернышева // Русский Архив, 1898, т. 1. С. 94–95; *Б. Алексеевский.* Чернышев, граф Григорий Иванович. // Русский биографический словарь. Т. Чаадаев-Швитков. СПб., 1905. С. 308–309; *Павлюченко Э.А.* В добровольном изгнании: О женах и сестрах декабристов. М.: Наука, 1976. С. 36–38.

240

Николаев С.М. Камни и легенды... С. 71–72; *Гоникман,* Ваш талисман... С. 84.

241

Завещание-1827... С. 325, 359.

242

Gallitzin Д de. Recueil de Noms par Ordre alphabétique appropriés en Minéralogie. Brunswick, 1801.

243

Трачевский А.С. Сталь в России // Исторический вестник. 1894. Апрель. С. 179, 182; Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 25, 29, 32.

244

Veveř H. La Bijouterie française au XIX-e siècle. Vol. I. Paris, 1906. P. 56, 534; *Bennett David, Mascetti Daniela.* Understanding Jewellery. Woodbridge, 1996. P. 74, Plate 72; *Кузнецова Л.К.* Курьезный язык камней знатоков минералогии // Курьез в искусстве и искусство курьеза: Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 237–238.

245

Bury, Shirley. Jewellery: The International Era 1789–1910 – Volume I. 1789–1861. Woodbridge: Antique Collectors Club. 1991. P. 141, 145, Colour Plate 28. Под термином «Vermeil» в минералогии понимается «излишнее название для оранжево-красных цирконов, гранатов или шпинелей» (*Рид П.Дж.* Геммологический словарь (драгоценные и ювелирные камни, их синтетические аналоги и имитации) / Пер. В.Г. Кривовичева, под ред. А.Г. Булаха. Л., 1986. С. 35). О натролите (Natrolite), использовавшемся весьма ограниченно в ювелирном деле из-за не слишком выразительного цвета, см.: *Рид,* Геммологический словарь. С. 124–125; *Собчак Н., Собчак Т.* Энциклопедия минералов и драгоценных камней. СПб.; М., 2002. С. 259–260; *Буканов В.В.* Цветные камни: Энциклопедия. СПб., 2008. С. 241–242.

246

Завещание-1827... С. 332, 368.

247

Там же. С. 334, 370.

248

Там же. С. 330, 331, 365, 366.

249

Мерцалова, Костюм разных времен... Т. 3–4. С. 537.

250

Завещание-1827... С. 370, 335.

251

Алмазный фонд СССР. Вып. 4. С. 29. № 229. Проданные сокровища России. С. 276; *Кузнецова Л.К.* Об анаграммах из самоцветов на вещах, исполненных по заказу императрицы Марии Фёдоровны в начале XIX в. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 45–46; *Кузнецова,* Курьезный язык камней... С. 231–234.

252

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 276. Л. 62.

- 253
Завещание-1827. С. 323, 358.
- 254
РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 642.
- 255
РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1027. № 362.
- 256
РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1027. № 361.
- 257
Алмазный фонд СССР. Вып. 4. С. 29. № 229/1 (19 см, № 362 по описи 1865 г.), 229/2 (17 см, № 361 по описи 1865 г.).
- 258
Йена Д. Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2006. С. 73, 259, 268, 296.
- 259
Письма императрицы Марии Феодоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам // Русская старина. 1903. Т. 115. Кн. 3. Август. С. 304 (письмо от 24 июня 1815 года).
- 260
Письма императрицы Марии Феодоровны от 30 июня 1815 года великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам // Русская старина. 1903. Кн. 3. Август. С. 319 (письмо в. к. Николаю Павловичу от 30 июня 1815 года, из Зимнего дворца).
- 261
Завещание-1827. С. 330, 365.
- 262
Там же. С. 332, 368.
- 263
Пыляев М.И. Драгоценные камни. СПб., 1888 / Репринт. М., 1990. С. 61, 390.
- 264
Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975. С. 241.
- 265
Пыляев М.И. Драгоценные камни. С. 61; *Куликов Б.Ф., Буканов В.В.* Словарь камней-самоцветов. 2-е изд. Л., 1988. С. 37.
- 266
Семевский М.И. Павловск: Очерк истории и описание 1777–1877. СПб., 1997. С. 407.
- 267
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 365. Л. 145, 150.
- 268
Завещание-1827. С. 359, 324.
- 269
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 49. Л. 27 об.
- 270
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 276, Л. 66 об., 67; Д. 81. Л. 50, 71; Оп. 6. Д. 883. Л. 2, 4.
- 271
РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 276. Л. 68, 69. («Un Bracelet de différentes pierres de Couleur et brill [an] s à S [a]. A[ltesse]. I[m]périale. I[m]peratrice Elisabeth. – 6000»). Этот браслет, ценой в 6 тысяч рублей – подарок ее величеству императрице Елизавете Алексеевне («Cadeau à S [a] M[ajesté] l’Imp[er]ce Elisabeth»).
- 272
РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 2.
- 273
РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 226. Л. 14 об.; Д. 227. Л. 5; Д. 238. Л. 248.

274

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1025. № 488.

275

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1027. № 355.

276

Алмазный фонд СССР. Вып. 4. С. 28–29, № 226.

277

Twining... P. 354. S. 18 (№ 226): «A pair of bracelets with diamond flowers and amethysts and other stones. L. 310. S.J. Phillips».

278

Куликов, Словарь камней-самоцветов... С. 23, 67, 87.

279

Пыляев, Драгоценные камни... С. 381.

280

Там же. С. 223, 345, 346.

281

П.Б. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Русские императоры, немецкие принцессы: Династические связи, человеческие судьбы. М., 2002. С. 192; Кузнецова, Курьезный язык камней... С. 235–236.

282

Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 130, 203–294. Примечание 53.

283

Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны... С. 120–131.

284

Лямина, Эдельман. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны... С. 116.

285

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 283. Л. 15 об.; Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 6 об., 3–3 об.; Д. 226. Л. 5 об. (№ 23), 6 (№ 24), 7 об. (№ 36); Д. 227. Л. 2, № 14/382, 15/383, 392; Д. 233. Л. 2.

286

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 283. Л. 15; Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 2 об.-3, 4 об.-5, 7; Д. 226. Л. 8 об. (№ 40), 9 (№ 43, 45), 9 об. (№ 46), 12 (№ 61); Д. 227. Л. 2 об.-3 (№ 28/399, № 30/401), 4 (№ 31/402, 45/416); Д. 230. Л. 3 об. (№№ 28–30), 4 (№ 31). Фермуар антиковой сломали в 1828 году.

287

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 7 об.; Д. 226. Л. 10, № 50, 51; Д. 227. Л. 3 (№ 34/405), 3 об. (№ 35/406); Д. 230. Л. 4, № 34. Накладка-гирлянда сломана в 1828 году. Бидерманн... С. 307–308; Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890. С. 74; Завещание императрицы: Каталог выставки к 250-летию со дня рождения Марии Фёдоровны. Павловск, 2009. С. 65–69 (Черная Т.А. «Ботанический феномен» в круге увлечений императрицы Марии Фёдоровны), 142 (кат. № 90), 143 (кат. № 96).

288

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 187. Л. 2, 9 об.; Д. 226. Л. 14 об. (№ 76), 17 об. (№ 95), 20 (№ 19); Д. 227, № 65/438; Д. 230, № 65.

289

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–2, Д. 277. Л. 197 об.

290

Государственный музей-заповедник «Павловск». Завещание императрицы...: Каталог выставки. Павловск, 2009. С. 35 (№ 4), 47 (№ П. 4), 94 (илл. 63), 95 (илл. 64, 65), 141 (кат. № 76, 77, 78).

291

Оружейная палата Государственного музея-заповедника «Московский Кремль». Завещание императрицы...: Каталог выставки. Павловск, 2009. С. 47 (П. 2 а, б), 59–60 (Коварская С.Я. Произведения императрицы Марии Фёдоровны в Московском Кремле), 94 (илл. 62), 145 (кат. № 109).

292

Свиньин П.П. Достопамятности Петербурга и его окрестностей. СПб., 1997. С. 20, 24. (Мраморная серия).

293

Оружейная палата Государственного музея-заповедника «Московский Кремль». Завещание императрицы...: Каталог выставки. Павловск, 2009. С. 35 (№ 3 а, б, в), 47 (П. 3).

294

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

295

Стрижак, Анна Павловна... С. 170–171.

296

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 48.

297

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 260. Л. 30.

298

Витязева В.А. Каменный остров: архитектурно-парковый ансамбль XVIII – начала XX века. Л., 1991. С. 158–159, 173–174, 231, 262; *Витязева В.* Каменный остров: Историко-архитектурный очерк XVIII–XXI вв. М.; СПб., 2007. С. 246–248, 348. (Далее – Витязева, Каменный остров-2007).

299

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 366. Л. 47, 49, 121–121 об.

300

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 138. Л. 20–24.

301

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 302. Л. 26–26 об., 32–34 об., 38–39 об., 41, 45–45 об., 58–62, 69–69 об., 72–74 об., 75 об.-79 об.; Д. 284. Л. 16.

302

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 302. Л. 32 об.–34 об.

303

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 302. Л. 33 (Compte des objets fournis par Duval et employés pendant le Voyage pour compte de Sa Majesté L'Impératrice-Mère. Registre du 25 Août. <...> un Collier en Topazes du Brésil. R. 1600. à la Princesse Auguste de Saxe-Weimar le 22. Novembre). Вероятно, именно это кольцо ныне оказалось в собственности антикварного дома «A la Vieille Russie» в США, Нью-Йорк.

304

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 302. Л. 32 (un fermoir d'une améthyste entouré d'une branche en brillants), 33 (un fermoir d'une améthyste à branches), 34 (un fermoir d'une Topaze entouré d'une branche).

305

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 302. Л. 32 об. (une Boete en Malachite doublée en Or. R. 550. à M. Jacob Duvalle 14. Octobre). 1818 год.

306

Стрижак, Анна Павловна... С. 37, 39–40.

307

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1807. Л. 5,6; Оп. 1. Д. 271. Л. 21–21 об.

308

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 264. Л. 3.

309

Стрижак, Анна Павловна... С. 210–211.

310

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1807. Л. 2–4; Д. 1979. Л. 4, 4 об.

311

Воцарение императора Николая I. Из дневника Г.И. Вилламова // Русская старина. 1899. Т. 97. Январь. С. 103 (запись от 7 декабря 1825 года, понедельник).

312

Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу. 1829–1830 гг. // Русский Архив. 1903. Кн. 3. С. 400 (Письмо от 1 октября 1829 г. из С.-Петербурга).

313

Стрижак, Анна Павловна... С. 39, 68–70.

314

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1979. Л. 2–3 об.; Д. 2104. Л. 2,3 об.

315

Кочерова Е.И. Приданое Великого Князя Михаила Павловича // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: Сборник трудов международной научной конференции 16–18 октября 2001 года. СПб., 2005. С. 48.

316

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 2461. Л. 2–2 об.

317

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1644. Л. 2, 3 об.; Д. 883. Л. 8, 9 об. -10 об., 12; Оп. 1. Д. 53. Л. 30, 32.

318

РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 2286. Л. 2.

319

Воцарение Императора Николая I. Из дневника Г.И. Вилламова // Русская старина. 1899. Т. 97. Март. С. 678.

320

Завещание императрицы Марии Феодоровны, 1-го ноября 1826 года // Русская старина. 1882. Т. 34. С. 103, 128, раздел XXXIX.

321

Асвариц Б.И. «Совершенно модный живописец» Франц Крюгер в Петербурге: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1997. С. 21.

322

Мартынов С. Финансы и банкирский промысел: Штиглиц, Гинзбурги, Поляковы, Рябушинские. СПб., 1993. С. 46. (Серия «Деловая Россия: история в лицах»).

323

Из писем к В.А. Жуковскому графа Михаила Юрьевича Виельгорского и его супруги // Русский Архив. 1902. Т. 2. С. 445 (письмо от 30 августа/11 сентября 1839 г. из Женевы).

324

Алфавит... С. 30; *Väcksbacka...* S. 51, 45. Может быть, имя Классена – не Вильгельм-Готтлиб, а Георг-Готтлиб, как уточнил Бексбака, ссылаясь на церковные книги Петербурга.

325

Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив. 1903. Кн. 3. Вып. 10. С. 335 (письмо от 20 мая 1829 г.).

326

Майков И.М. Паскевич-Эриванский, граф Иван Фёдорович, светлейший князь Варшавский // Русский биографический словарь. Т. Павел, преподобный – Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 333–339.

327

РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 366. Л. 93.

328

Государственный Эрмитаж. *Кузнецова*, Об анаграммах... С. 46; *Кузнецова*, Курьезный язык знатоков... С. 236–237. Определение камней, как и в большинстве экспонатов из собрания Государственного Эрмитажа, сделано в начале 1980-х годов Марианной Борисовной Чистяковой, научным сотрудником (а затем и ученым секретарем) Минералогического музея РАН им. А.Е. Ферсмана.

329

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 46, 424.

330

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 224.

331

РГИА. Ф. 468. Оп. 16 [581/2527]. Д. 2024. Л. 114 об. Книга пенсионеров. 2-я половина 1811 г. Благодарю за сообщение об этом документе искусствоведа Александру Васильевну Алексееву, долгие годы проработавшую в Павловском дворце-заповеднике хранителем мебели и отдавшей много лет архивным поискам. О Георге Кёниге см.: *Кузнецова*, Век восемнадцатый... С. 313–318.

332

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 46–49.

333

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4054. Л. 73 об.; Д. 3925. Л. 118.

334

Юферов Д.В. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. М., 1925. С. 17–18.

335

Скурлов В. Придворные ювелиры Болин // Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 215.

336

Алфавит... С. 63; *Bäcksbacca*... S. 294.

337

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 4.

338

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 1. 4 об.

339

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 2–3 об., 5–5 об.

340

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 4.

341

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 6.

342

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3920. Л. 277, 278.

343

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 58–59.

344

РГИА. Ф. 468. Оп. 3. Д. 100. Л. 1–32 об.

345

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4076. Л. 357–358.

346

Юферов Д.В. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. С. 19–20.

347

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 85–85 об. О Готтлибе-Эренфриде фон Мерце: Алфавит... С. 38; *Bäcksbacca*... S. 417; *Фаберже Г.Ф., Скурлов В.В.* Фаберже и придворные ювелиры России / *Фаберже Г.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В.* Фаберже и петербургские ювелиры: Сборник мемуаров, статей, архивных документов по истории ювелирного искусства. СПб. // Нева. 1997. С. 227.

348

Стрижак, Анна Павловна... С. 140–141, 167–168, 182–183.

349

Витязева, Каменный остров-2007... С. 242, 249.

350

Алфавит... С. 47; *Bäcksbacca*... S. 390; *Скурлов В.* Придворные ювелиры Болин // Швеция и Санкт-Петербург: Тексты докладов II научного семинара 3 мая 1996 года Российской национальной библиотеки. СПб., 1996. С. 64–72; *Скурлов В.В.* Придворные ювелиры Болины / *Фаберже Г.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В.* Фаберже и петербургские ювелиры: Сборник мемуаров, статей, архивных документов по истории русского ювелирного искусства // Нева. СПб., 1997. С. 314–317. (Далее – Фаберже и петербургские ювелиры); *Скурлов В.* Придворные ювелиры Болин // Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 215. (Далее – Скурлов, Болин); *Скурлов В.В.* Придворные ювелиры Болин // Антикварное обозрение. 2001. № 3. С. 4–5; *Скурлов В.* Выставка, посвященная 150-летию московского отделения фирмы «Болин» // Русский ювелир. 2001. № 6. С. 15.

351

Бройтман, Большая Морская... С. 149.

352

Фаберже Т.Ф., Скурлов В.В. Фаберже и придворные ювелиры России // Фаберже и петербургские ювелиры... С. 227.

353

Скурлов, Болин... С. 215.

354

Фаберже – Скурлов, Фаберже и придворные ювелиры России... С. 227.

355

Миролюбова Г.А. Последний путь. // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...». СПб., 2005. С. 179.

356

РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 127. Л. 1, 7–9, 16–19.

357

Скурлов – Смородинова... С. 80–81; *Фаберже – Скурлов, Фаберже и придворные ювелиры России*... С. 227.

358

Монархи Европы: Судьбы династий. М.: ТЕРРА, 1997. С. 431, 433.

359

Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб.: Петербургские сезоны. 1995. С. 180; Бенкендорф, граф Александр Христофорович // Русский биографический словарь. Т. II. Алексинский-Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 696.